

ЕВГЕНИЙ КУЗНЕЦОВ

Моя Белуха

ПОВЕСТЬ, РАССКАЗЫ, МИНИАТЮРЫ

Издательство «АсПур»
Екатеринбург
2017

ББК 84 Р6-4(2Р36)

К 24

Евгений Кузнецов

К 24 Моя Белуха – Повесть, рассказы, миниатюры. Издание 2-е, дополн. – Екатеринбург, Издательство «АсПУр», 2017. – 182 с.: илл.

ISBN 978-5-904900-13-9

ББК 84 Р6-4(2Р36)

© Кузнецов Е.С., 2017

© Шангина С.В., дизайн, 2017

© Издательство «АсПУр», 2017

Автор выражает благодарность за поддержку в издании книги:

*Провайдеру связи «7 СЕВЕНКОМ»,
Группе компаний «Специалист»
и лично*

*Михаилу Фоминых,
Антону Киселеву,
Андрею Подопригоре.*

МОЯ БЕЛУХА

*Участникам томской экспедиции 1963 г.
посвящается*

Нам с Юрой Брусовым не пришлось выпить шампанского в день защиты дипломных проектов, так как вечером по плану была тренировка. В 1963 году томские альпинисты готовились к экспедиции на Белуху – самую высокую вершину Алтая. Тренировались мы на трамплине, точнее у трамплина. В Томске большой трамплин для прыжков на лыжах. С обеих сторон горы приземления – лестницы по двести шестьдесят семь ступенек. Набивали рюкзаки гравием и помогали друг другу встать. На каждую ступеньку – капля пота. Двести шестьдесят семь ступенек вверх и двести шестьдесят семь вниз. И так до семи кругов. После тренировки Юра Брусов заявил нашему капитану Генриху Андрееву, что тот будет виноват, если его, Брусова, бросит женщина, так как с такими тренировками сил на нее не остается. Парни хохотали, а Андреев сказал, что пусть выбирает что-либо одно: или б..., или Белуха. Снова хохот. Брусов выбрал Белуху. И сам он белый. Альбинос настоящий.

И вот мы едем по Чуйскому тракту. Позади провинциальный Бийск. А впереди стремительная дорога. Асфальт, размягченный солнцем. Шелест колес и горячий воздух в лицо. Мы в открытом кузове грузовика. Разместились на ящиках и тюках со снаряжением, на рюкзаках. Еще не раз переседем, намнем бока как следует, отлежим ноги, натрясемся, насквозь пропылимся, а пока – и удобно, и мягко.

Мы с Лешей Спиридоновым сидим сзади кабины и выше ее, лицом вперед.

У Леши темные с восточным прищуром глаза, скуластые смуглые щеки и полные, красиво очерченные губы. Леша родом с Лены. Как хорошо глядеть вместе на стремительную

дорогу и мечтать о том, что впереди. А впереди Она, легендарная и таинственная.

– Жека, что ты знаешь о Белухе? – спрашивает добродушный общительный Леша.

– Ничего толком не знаю. Зато картину видел. «Дены-дер» называется. «Нетронутое место» в переводе с алтайского.

– Где? Что за картина?

– В Красноярской картинной галерее. В прошлом году на практике был в Красноярске, несколько раз ходил смотреть. Художник – Григорий Гуркин, алтаец.

– А причем здесь Белуха?

– Белуха? Понимаешь, на картине, над озером белая такая гора, и я спросил у сотрудницы галереи о ней. Сотрудница ответила, что, видимо, это Белуха, так как Гуркин бывал в горном Алтае и там много рисовал.

– Почему ты картину запомнил?

– Почему? Она чем-то поражает. Красиво, но жутко как-то, таинственно. Озеро, льдины, все холодом дышит, кедры такие истерзанные и горы в полупрозрачной дымке. Как будто вот-вот что-то должно случиться. Сотрудница говорила, что под впечатлением от этой картины писатель Ефремов написал рассказ «Озеро горных духов». Якобы из озера пары ртути выделяются, это горные духи не позволяют любоваться озером, оскверняя природу. В общем, никто не возвращается назад.

– Это просто удачный вымысел автора, – раздается негромкий голос Саши Иванова, сидящего поблизости. У Саши простое русское лицо, но приглядишься и увидишь, что глубоко внутри запрятан большой ум. Саша лучше всех нас знает литературу и вообще по натуре философ.

– Я читал рассказ. И о Гуркине читал, – продолжает Саша, – он же – ученик Шишкина.

– Шишкина?

– Да. Шишкин у него на руках умер. Гуркин работал в мастерской у Шишкина. Однажды, когда Шишкин что-то рисовал, Гуркин услышал звук, словно всхлипнул кто-то, оглянулся, а Шишкин падает. Гуркин подхватил его, уже мертвого.

Значительно позже я узнаю о том, что Гуркин был первым алтайцем, получившим высшее образование. В 1907 году в Томске состоялась выставка его картин, а в 1910 – в Красноярске. Восторженные отзывы в газетах. Появилось понятие «Гуркинские горы». А во время Гражданской войны Колчак сделал его министром культуры Алтайской горной управы. Поэтому при советской власти картины Гуркина долго не выставлялись.

В разговорах и песнях, шутках и спорах легок путь. Машина вылетает на берег Катунь. Вот это вода! Упругая, стремительная. И все до дна видно.

На вторые сутки добираемся до поселка Тюнгур. Дальше дороги нет. Только паром через Катунь, а потом пешком. Шестьдесят километров по тайге до Аккемского озера. Андреев договаривается насчет каравана лошадей. Вид у него необычный. На поясе кобура с ракетницей. Пусть думают, что пистолет. На куртке значок мастера спорта (Андреев занимается прыжками на лыжах с трамплина). Лицо его исполнено полководческой значительности.

Андреев отправляет меня, Спиридонова и Саливона на подготовку караванной тропы. Надо расчистить завалы, чтобы могли пройти лошади. Придется «поишачить».

Алтайская тайга. Кедрь и лиственницы. Дурманный запах трав на полянах. Трава выше человека. Мы медленно вышагиваем, согнувшись под рюкзаками. Тропа тянется вверх на лесистый перевал Кузуяк. Спина – как мокрая согнутая плаха. Пот ручейком по животу. За мной идет Юра Саливон. Я слышу его мощное дыхание. Юра – аспирант политехнического института, молодой папаша. Я оглядываюсь на него. Лямки рюкзака вдавились ему в плечи, и Юркины и без того большие ключицы выпирают вперед. Все у него крупное: уши, нос, зубы. И сам такой крупный. А на голове белый платочек, завязанный узелками по уголкам. Из-за спины торчат ручки пилы, привязанной к рюкзаку.

– Как насчет привала? – спрашиваю я.

– Нет возражений.

Сваливаем глыбы рюкзаков в траву, стаскиваем потемневшие от пота футболки, разминаем онемевшие плечи. Примаем траву и с наслаждением вытягиваемся на ней.

– А у меня сегодня день рождения, – заявляет Леша Спиридонов.

– Ну ты даешь! – восклицает Саливон, и его большое лицо озаряется удивительно мягкой улыбкой.

– И сколько тебе?

– Двадцать четыре.

– Поздравляем! – длинной мосластой рукой Саливон хлопает Лешу по смуглому плечу, так что тот качается. Я тоже хлопаю Лешу, но по другому плечу.

– Вы! Черти! Лучше подарите что-нибудь, – смеется Леша.

– Да что ж тебе тут подарить? Веночек, может, сплести?

– Веночек не надо. Вершину подарите.

– Вершину? Ну ты даешь! Какую же тебе вершину?

– А хотя бы вон ту, с башенкой наверху.

Леша показывает на скалистую вершину на противоположной стороне реки.

– Ладно, бери.

– Что братъ-то? Как называется?

– Как? Знаешь, как? Лехин пупырь!

Мы дружно смеемся.

Сладкие минуты отдыха пролетают, как миг. Вновь впрягаемся в рюкзаки. Два дня работаем на тропе. Распиливаем и оттаскиваем упавшие поперек деревья, потеем под рюкзаками. Слышим рев и издали видим медведя. Ночуем у костра. А к вечеру второго дня тайга выпускает нас на большой чистый косогор, и мы останавливаемся.

Перед глазами всплеснувшееся на полнеба сверкающее полотно Белухи. Вот она какая, жемчужина Алтая.

– Вот это да! – восклицает Саливон.

– Какие вершины правильные! – говорит Леша. – Как треугольнички равнобедренные. Вон Западная вершина, левее Восточная. А между ними «седло». Еще левее пик Делоне.

– Ну и красота!

- Не зря сюда приехали.
- А пик XX лет Октября не виден.
- Дальше будет виден. Дойдем до метеостанции, оттуда посмотрим. А может, он только с ледника откроется. Ледник-то как красиво сползает!
- Ледник Аккемский.
- Раньше так назывался. Теперь Родзевича.
- А речка-то!
- Как слюды блестячка.
- А эти черные вершины по сторонам озера? Безымянные?
- Это Борис и Броня. Это два стража перед Белухой.
- Точно. На часовых похожи.

Сегодня мы ночуем в маленьком домике метеостанции, где нас приветливо встречают два молодых работника. Даже банька у них есть, на берегу Аккемского озера. Того самого, «озера горных духов». Нахлеставшись веником, долго блаженствуем за чаем, балагурием с хозяевами, соскучившимися по людям.

На другой день, оставив на метеостанции груз, пробежками спешим по тропе вниз. К вечеру холодает. Начинается дождь с крупой. В образовавшихся лужицах плавают белые градинки. Слышим голоса, и вскоре встречаемся с группой наших парней с тремя лошадьми.

Вова Сыркин, Боб Гусев, Юра Брусов и Гриша Шварцман. Все мокрые. Подтягивают тюки на лошадях. Сыркин в одних трусиках, ноги посинели от холода. Он самый маленький ростом. Его лицо со щелками глаз и выпуклыми щечками всегда деловито. Вова обычно сосредоточен на нужных делах. Сейчас же у него какой-то плачевный вид.

- А где четвертая лошадь? – спрашиваем мы.
- Нету, – отвечает Сыркин.
- Удрала, – вставляет Шварцман.
- Как удрала? Вы что? Seriously?
- Да не до шуток уж тут, – кисло отвечает Сыркин.
- Вова легонечко так ткнул ее ледорубом, а ей не понравилась, – поясняет Брусов, моргая своими белесыми ресницами.

– С ящиком сливочного масла, ста тридцатью рублями и паспортом Сыркина, – мрачно констатирует Шварцман.

– И что? Где все это?

– Спроси у той стервы, – горько отвечает Сыркин.

– Искали?

– Полдня лазили. Сколько можно. Алтайцы за нас найдут. Весело начинается экспедиция...

Мы прощаемся с товарищами и спешим дальше вниз за новым грузом.

Но вот весь состав экспедиции собрался в базовом лагере. Лагерь на высоте 2100 м. Это чуть выше Аккемского озера на крутом правом берегу речушки, вытекающей из-под языка ледника Родзевича. Ровная и довольно просторная площадка, покрытая камушками и скудной клочковатой травой, упирается в «курумник» – крутую каменную осыпь из крупных камней. Со стороны «курумника» небольшие заросли ив с узкими длинными листьями. Над берегом речки в один ряд пять четырехместных палаток. На краю площадки со стороны озера большая шатровая палатка – продуктовый склад. Рядом с осыпью оборудовано место для костра. Самодельный стол, сколоченный из узловатых ошкуренных жердей ивы и ящичных дощечек.

Сегодня солнце, и почти все раздеты. Полуголые Валя Слюсарчук (он же «Слесарь»), и Сережа Лобанов заняты «слесарной» работой. Они рихтуют скальные крючья. В выбеленный солнцем трещиноватый кусок ствола вбит топор. К обуху топора Слесарь прижимает плоскогубцами крюк. Тонкие нервные брови Слесаря изломаны, на лбу узкие морщинки, темная шевелюра взъерошена. Сережа деловито бьет скальным молотком по лепестку крюка. Сережа у нас самый молодой в экспедиции, ему двадцать лет, он еще студент. После стрижки наголо его волосы чуть отросли, лицо Сережи боевое, решительное.

За столом сидят двое. Наш доктор Петя Фомин измеряет у Андреева давление. Сегодня медосмотр. Петя Фомин – молодой выпускник мединститута, спокойный, серьезный

парень. И сейчас его продолговатое лицо с белыми бровями и небольшой рыжей бородкой по-деловому сосредоточено, как на приеме больного. На голове белая валяная шапочка с шишечкой. Видимо, опасается перегреть голову. Между бровей складка. Андреев добродушно ждет результат. Лицо Геры мягкое, внимательное.

В продуктовом складе трудятся два наших «хозяйственников»: завхоз Григорий Исаакович Шварцман (он же «ГИШ») в ботинках сорок пятого размера и начальник над всей материальной частью экспедиции Анатолий Молодежников (он же «Молодой»). Оба в очках, оба успели зарости до глаз бородами. Они очень подходят друг другу. Пересчитывают, переключивают банки с консервами, мешочки, ящики. Это их вотчина. Они и спят здесь. Без их разрешения в склад никто не заходит.

Рядом с одной из палаток на аккуратно сложенной штормовке сидит Виталий Хижняк (он же «Хищник», или более ласково «Хыча»), главный острослов в экспедиции. Он самый худой среди нас, но зато у него самый большой аппетит. У Хычи прекрасная личная аптека, и сейчас он занят ее ревизией. Узкое клиновидное лицо его с большими залысынами склонилось над разными пакетиками, скляночками и баночками с таблетками, пилюлями и ампулами. Таблетки от угольно-черных до ядовито желтых, есть даже таблетки размером с трехкопеечную монету. Все это он тщательно пересматривает и укладывает. На носу у Хычи пластырь от солнца.

Мы с Лешей Спиридоновым заканчиваем подготовку флага. Леша в одних плавках. Он уже загорел красивым горным загаром. Мы сделали длинный шест из двух очищенных от коры ивовых жердей, состыковав их. Выкопать глубокую ямку не удалось, и мы завалили низ шеста камнями, натянули три растяжки. На верху шеста вбили скобочку из гвоздя, и в нее продернули репшнур, за который будет вытягиваться флаг. А пока полотнище обматываем вокруг шеста внизу и закрепляем.

Недалеко от нас у кустов дремлет годовалая рыжая телка, которую пригнали сюда, чтобы забить на мясо. На телке го-

лый до пояса, ногами в одну сторону сидит Боб Гусев и поет под гитару. У Боба темные бровки и аккуратненький носик. Он завидно отличается от всех нас ухватками смекалистого мужичка, разговор его энергичный. Очень любит петь, и голос у Боба приятный, бархатный. Сейчас он поет песню о маме. Телка блаженно закрыла глаза.

– Мама, милая мама...

– Боб! Не надо так жалобно! Ты же не на горе! – кричит ему загорающий на надувном матрасе Юра Брусов. Жесткие белые волосы Брусова стоят торчком. Щетина цвета красной меди хорошо обрамляет центральную розовую часть лица.

– Не мешай человеку. Видишь, тоскует, – степенно роняет на ходу Саша Иванов.

Саша в черной конькобежной шапочке, белой рубашке с короткими рукавами и брюках от хоккейного костюма, сильно вытянутых на коленях.

Гусев продолжает петь, не обращая внимания на реплики. Однако телке что-то начинает не нравиться, и она пытается встать. Гусев, поднимаясь с телки, допевает.

– Слушайте, а как мы ее назовем? – спрашивает Леша.

– Кого?

– Да телку. До сих пор имени нет, а носков уже четыре пары сожрала.

– Майку еще добавь! – весело кричит Лобанов.

– Я знаю, как, – говорит Хижняк, улыбаясь белозубой улыбкой.

– Как? – приподнимается Брусов.

– А Бруськой назовем. Я так думаю: и у телки, и у Брусова глаза большие, навывкате и ресницы белые. Что-то общее в лицах.

– Дурак ты, Хищник, – произносит Брусов и под дружный хохот удаляется загорать в другое место...

К ужину Гусев печет блины. Нет печки, нет сливочного масла. Но есть смекалка. Боб ловко подбрасывает блины вверх. Переворачиваясь в воздухе, блин шлепается на сковороду. Аппетитная горка все выше и выше.

Но вот световой день кончается, и темнота заполняет ущелье. Трещит в огне хворост, и костер, этот чарующий волшебник, притягивает к себе. Желтые жадные язычки вначале робко облизывают сучья, но, осмелев, заскакивают на них и творят свою безудержную пляску, рвутся за новой добычей. Костер! Ты – наш шаман! Сколько видений и воспоминаний! Наверно, это помыслы предков дотягиваются до нас, и нечто могучее и необъяснимое вступает в наши души. И вдруг Виталий Хижняк едва не падает в костер от чьего-то толчка сзади. Прерывается песня. Что такое? За спиной Хижняка стоит Бруська и добродушно пережевывает жвачку. Парни ржут.

– Ах ты, зараза! – замахивается на нее Хижняк.

– Не трожь, Хищник! Это бог тебя наказал! – кричит Брусов.

– За что же меня наказывать?

– За кличку.

Новый взрыв хохота.

– Иди, иди ко мне, моя хорошая, – ласкает телку Гусев, и она послушно переступает ближе к костру, словно приобщаясь к теплой компании.

Утром я просыпаюсь рано и выглядываю из палатки, в которой мы спим со Спиридоновым и Гусевым. Солнце только-только еще осветило площадку. А Белуха! Ледовые стены ее спят в голубоватом холоде, а верхушки Восточной и Западной вершин сверкают в густой синеве неба.

– Красиво? – раздается голос Валеры Ольшанского.

– Здорово!

Ольшанский вылез раньше всех. Он в одних трусах. Валера могуче потягивается и ерошит рукой вихрастые русые лохмы. На лице безбрежная улыбка. И весь он – высокий, широкоплечий – слиток несокрушимого здоровья и силы.

– Вылазь на зарядку, – зовет он.

Мы с наслаждением разминаемся, бросаем камни в горную речку, раздеваемся догола и запрыгиваем в обжигающие струи, но тут же выскакиваем. Валера долго и тщательно растирается. Особенно долго трет лицо, каждую впадинку на нем.

Настал торжественный момент открытия альпиниады. Сегодня выйдем на тренировочное восхождение. Андреев наметил безымянную вершину. Придумали название: пик Томских студентов.

Плотно набитые рюкзаки поставлены по прямой линии над берегом речки. К ним прислонены ледорубы. Мы стоим в шеренге, каждый у своего рюкзака, лицом к флагу. Андреев – правофланговый. Вот он выходит вперед и поворачивается к нам лицом. Правофланговым теперь становится Меньщиков.

– Стажер Меньщиков! Подойти к флагу!

Валерий Меньщиков – студент университета. Он умудрился окончить школу инструкторов альпинизма, правда, пока еще не работал в качестве инструктора.

У Валеры красивые длинные ноги легкоатлета. Крупным шагом он направляется к флагу.

– Приготовить флаг к подъему!

Меньщиков отматывает полотнище и встает у флага. Овальное, с мягкими чертами лицо его становится строгим.

– Равнение на флаг!

Строй замирает.

– Флаг поднять!

Кумач медленно ползет вверх. На самом верху ветерок раскрывает его, и флаг, остановившись, колышется на фоне белых снегов. Жаль, музыки нет. Только белое пламя Белухи за красным флагом. И в душе удивительная чистая мелодия.

– Альпиниада Томского областного Совета ДСО «Буревестник» объявляется открытой! Ура!

– Ура!!!

Бруска, наблюдавшая за церемонией, вздрагивает от громкого крика и, задрвав хвост, начинает носиться по лагерю.

– Ха-ха-ха!!!

– Надеть рюкзаки!

Вскидываем рюкзаки и берем ледорубы в руку. Цепочкой спускаемся к речке. Перепрыгиваем по камням. Не отстать, наладить дыхание, войти в ритм. Через полчаса я оглядываюсь. Маленькая красная капля рдеет над лагерем.

Наступил канун главного восхождения. На земле разложены веревки и крючья, ледорубы и молотки, кошки и ракеты, примуса и канистры с бензином, ботинки и спальные мешки, очки и аптечка, банки, брикеты, мешочки с продуктами, рация, палатка и многое другое, не поддающееся описанию.

Завтра выход на штурм. Наша четверка (Андреев, Меньщиков, Ольшанский и я) комплектует груз. Тепло. На небе ни облачка, и мы все раздеты. Андреев генеральским оком взирает на разложенное хозяйство и командует убрать то, переложить это, взвесить третье, добавить четвертое. Вот он берет в руку брикет с кашей и взвешивает, представляя, что даст нам этот брикет наверху, много ли метров высоты наберем на его калориях, и решительно откладывает в сторону пару штук. Ничего не упустить, не забыть ни одну мелочь. Надо наточить передние зубья у десятизубых ВЦСПСовских кошек, тщательно проверить работу примусов. Продуктов берем на 8 дней, с запасом на один день. Во время предыдущего выхода, находясь на леднике Родзевича, Андреев тщательно вышпарил биноклем самую трудную часть маршрута – крутое ребро центрального контрфорса, взлетающее на гребень пика XX лет Октября. Ключевое место – верхняя часть ребра с выходом под карниз. С вершины пика XX лет Октября предстоит спуститься на Западное плато, подняться с него на Западную вершину Белухи, спуститься на «седло», подняться на Восточную вершину и по гребню, вначале теряя, а потом набирая высоту, перейти на пик Делоне, спуститься с него на перевал Аккем, а с перевала – на ледник Родзевича. Погода прекрасна, и мы планируем пройти маршрут не более, чем за 7 дней. Все должно быть нормально. Да разве и может быть иначе?

Товарищи уже окрестили нашу четверку «штурмовой». Холодок тревоги иногда пробегает по спине. Если не считать Андреева, опыта многодневных восхождений у нас совсем нет. Меньщиков, Ольшанский и я – второразрядники. Мы даже формально не имеем права идти на такой маршрут. Но выбор сделан. Решение принято еще в Томске. Андреев не один год вынашивал планы этой экспедиции. Он имеет пер-

вый разряд по альпинизму и звание инструктора. В 1960 году он участвовал в восхождении на пик Революции – шестую по высоте вершину страны. Сегодня выходим на ночевку под начало маршрута. Андреев пишет распоряжение Шварцману, который назначен начальником спасотряда.

Из лагеря выходим вместе с нашими наблюдателями. Засветло становимся на ночевку. Для палаток готовим неплохие площадки, укладывая плоские камни на языке ледника.

27 июля 1963 года. Просыпаемся в 6 утра. Небо серое, и Андреев предлагает еще часок поспать. За час мне удается дочитать до конца роман-газету «Иду на грозу» Даниила Гранина, и я отдаю ее наблюдателям. Не мог я знать, что сами идем на грозу, что она крепко потреплет нас.

Вместе с наблюдателями нас провожает Александр Васильевич Мочалов, кинооператор томской студии телевидения, самый старший в составе экспедиции, скромный, интеллигентный мужчина лет сорока. Под жужжание его камеры мы отрываемся от друзей и подходим к ледопаду перед началом контрфорса.

Ледопад вздыблен. Огромные, словно выпиленные глыбы с безукоризненными гранями, наклонные башни высотой с многоэтажный дом, узкие голубоватые перья над пугающей чернотой трещин. С одной из башен съезжает кусок льда и летит в трещину. Не сразу слышен плеск воды. И невольно вспоминается высказывание: «Путник, помни! В горах ты – словно слеза на реснице!» Мы балансируем, проползаем по холодным ножам льда и, как муравьи в хрустальной сахарнице, передвигаемся с куска на кусок в одном направлении. Лишь бы не упала какая-нибудь ненормальная башня.

А солнце рассыпает на ледопад снопы лучей, и то одна, то другая кромка гигантского кристалла вспыхивает вдруг бесчисленными алмазами, и лед насыщается густым изумрудным цветом.

Но вот мы вырываемся из объятий ледопада. В 14 часов оказываемся на снежной подушке под гребешком контрфорса. С удовольствием сбрасываем рюкзаки.

– Ну что? Чай? – спрашивает Ольшанский.

– Давай чаек, Валера. По глоточку, – соглашается Андреев. Ольшанский готовит примус, а я набиваю кастрюлю снегом. Можно немного расслабиться. Жаль, погода меняется. Пока тает снег и готовится чай, Андреев выходит на первую связь с наблюдателями. Антенна чуть наклонена в сторону ледника. Шум в приемном устройстве.

– Капкан-1! Капкан-1! Я – Капкан-2! Как вы меня слышите? Прием.

– Вас понял. Слышу вас хорошо. Передаю информацию. Прошли ледопад. Находимся под началом скал. Все нормально. Как поняли? Прием.

– Время следующей связи двадцать ноль-ноль. Подтвердите время связи.

– СК, СК.

«СК» – сокращенно «связь кончаю». Андреев улыбается.

– Если б все время такая слышимость! – говорит он.

Облака опускаются вниз, и Белуха исчезает из виду. Идет мокрый снег, и нам надо выходить. Глотаем чай и разбираем веревки.

Гребешок не так прост, как казалось снизу. Гладкие наклонные плиты. На полках много «живых» камней. Вот первый неприятно прогрохотал вниз. Я задеваю следующий.

– Камень! – успеваю крикнуть.

Огромный «чемодан» нехотя совершает пол-оборота и быстро набирает скорость. Ольшанский, находящийся ниже меня, делает судорожное движение вправо, по плите, цепляясь неизвестно за что. Камень пролетает, едва не касаясь его.

– Ты что!.. – кричит на меня Андреев, добавляя крепчайшую фразу.

– Выходим на снег! – командует он, и мы перемещаемся вправо и идем по снегу рядом со скалами, придерживаясь за них. Снег рыхлый, плохо держит. Поднимаемся на верх гребешка и видим группу наблюдателей внизу на леднике. Среди наблюдателей радист Дима Денисов, молодой кандидат наук. Он – гарантия нашей связи. За гребешком небольшое

понижение в контрфорсе – перемычка, и Андреев принимает решение встать здесь на ночевку. Снег здесь ровный и площадка для палатки превосходна. Еще светло, и можно бы, конечно, поработать часа два, но едва ли выше найдется такое удобное место для бивуака. Мы с удовольствием утаптываем площадку и натягиваем палатку.

А над нами сурово стоит ребро. Крутые черные скалы с какой-то тоской глядят вниз. И чем ближе к ночи, тем ребро страшнее. Быстрее дожидаться утра и схватиться с ним! И тогда исчезнет тревога.

Времени у нас достаточно, и на ужин готовим вкусный суп с мясом и крепкий чай. Сидим на спальнях мешках по углам палатки. Кастрюля с супом – на фанерке между наших ног. Мисок нет. Это роскошь, ненужный вес, и мы хлебаем из одной кастрюли. У всех одинаковые жалобы на аппетит: он слишком большой. Валера Ольшанский раскрыл складную ложку из туристского набора и, наклоняясь над кастрюлей, хлебает часто-часто. Он самый большой среди нас, и питания ему надо больше. А какой чай! Чудесный аромат наполняет палатку, и от сладких горячих глотков распускаются мышцы, напрягшиеся в работе. И милее палатки нет ничего.

Мы долго разговариваем, лежа в спальнях мешках, пока не забываемся крепким сном.

С ночевки на перемычке вышли очень поздно, во втором часу дня: капризы примусов да наши сборы... Конечно, столь поздний выход никуда не годится.

Следующий день еще хуже: полная отсидка, пережидание непогоды. Тоска зеленая.

Сегодня упорно работаем. Все очень злы на природу. А снег, словно водопад, струится вниз, пересыпается с полки на полку. Выступы засыпаны, и надо их очищать. Рукавицы и брюки на коленях быстро промокают. Пальцы мерзнут. Скалы весьма сложные, одни гладкие плиты, и первая связка (Андреев-Меньшиков) забивает много крючьев. Я иду последним в связке с Ольшанским и выбиваю крючья. Над каждым из них приходится основательно трудиться. Друзья

забивают на совесть. Рюкзак тянет вниз, отрывает от скалы. Ботинки зацепляются лишь передними рантами, и на пальцы рук приходится большая нагрузка. В некоторых местах вылезаю буквально на последнем усилии. А снег потоком в лицо. Хотелось бы не обращать на него внимания. Почему-то это плохо получается. На обед остановиться негде. Довольствуемся таблетками глюкозы.

Выбиваю очередной крюк. Его так «замолотили» друзья, что он лишь чуть-чуть шатается в трещине, но не желает вылезать из нее. Разбиваю головку крюка до заусенцев. Левая рука устала от напряжения держаться. Пятки на весу. Хочется переступить, но некуда. Продолжаю расшатывать крюк. Под его головкой появляется усталостная трещина, и при следующем ударе головка отламывается от лепестка. Ах, досада! Крючья нам так нужны! Но надо лезть выше. Надо мной трещина, забитая снегом. Толкаю в снег пальцы. Рукавицы в кармане штормовки. Мокрые, они все равно не греют. А пальцы уже совсем не чувствуют холода, горят от напряженного лазания. Ага, у трещины острый край, можно держаться. Подтягиваюсь и упираюсь одной ногой в небольшой бугорок на плите. Теперь вторую ногу куда-то упереть. Некуда! Чертов рюкзак! Так и тянет назад! Да снег этот подлый в лицо!

– Внимательнее! – кричу страхующему меня Ольшанскому. Веревка натягивается и начинает давить.

– Не тяни!

Веревка ослабевает. Ищу новые зацепки и, с трудом найдя их, напрягая пальцы, поднимаюсь к полке, на которой стоят мои друзья. Выбираюсь к ним.

– Идти нельзя, – говорит Андреев.

– Что делать будем?

– На ночевку встать.

– Где?

– Здесь.

– Здесь? Мы же тут не поместимся. Узко.

– Будем делать не узко.

На моем лице недоумение.

– Температура же падает. А снег влажный. Будем лепить. Как ласточка лепит? Комок к комку, – поясняет Андреев.

– Пристегивайся к страховочной петле. Начинаем. Валера, спустись ниже полки, мы будем подавать тебе комки, – обращается он к Меньщикову.

Меньщиков сползает с полки, упирается ногами в плиту и натягивая конец веревки, прикрепленный к груди, отклоняет туловище от вертикали. Мы скатываем комки снега величинной с голову и подаем ему, а он прилепляет их к плите и друг к другу, расширяя таким образом полку. Комки смерзаются, но мы пока не решаемся нагружать «пристройку».

– Вылезай. Хватит, – говорит Меньщикову Андреев.

Вот и готово наше «ласточкино гнездо». Выше полки вбиваем крючья, прикрепляем палатку. Натягиваем ее, спуская на растяжках завязанные комки снега. Чудесно. Домик на одну ночь.

Главный работник сейчас – Валера Ольшанский. Он колдует над примусом. А примус – это горячая пища, это наша сила. В кастрюле топится снег, который Валера периодически подкладывает.

– Температура, кажется, еще ниже упала, – говорит он, в очередной раз высунув руку из палатки. Да и мы чувствуем это по режущей струе холодного воздуха. Андреев выбрасывает из палатки антенну. Связи долго нет, один треск в наушниках. Но вот наблюдатели откликнулись. Лицо Геры смягчается.

– СК, СК. Говорят, что завтра мы можем выйти на вершину, – сообщает он.

Хорошо бы. Четыре дня уже прошло. У меня сводит пальцы правой руки. Не могу разжать кулак. Лево́й рукой подцепляю подушечки пальцев и отвожу от ладони. Это от работы с крючьями.

В «ласточкином гнезде» выпалились хорошо. Но погоды по-прежнему нет. Сегодня даже еще хуже. Снег закручивает с такой зверской силой, словно его разгоняет гигантская центрифуга. Не понять, откуда он летит: сверху, снизу или сбоку. Но мы пытаемся лезть. А что делать?

Веревка уходит от меня вверх к Андрееву. Вижу кусок ее на расстоянии не более десяти метров. Веревка не натягивается. Значит, Гера стоит. Сейчас лучше не двигаться. Мои ноги кое-как умещаются на крохотной полочке. Ботинки уже не видать из-под снега. Лицо залеплено. Затягиваю капюшон штормовки, и в этот момент ослепительный свет заставляет зажмурить глаза. Сильно пахнет озоном. Совсем рядом в белой мути яркое сияние, словно огромный цветок. Молния! Чудовищный грохот грома, от которого, кажется, лопаются перепонки в ушах, подтверждает страшную новость. Я прилипаю к скале. Впиваюсь в нее. На руке ледоруб со стальным клювом. Отбросить! Куда? Он же улетит! А как потом? Новый яркий цветок и обвальный грохот прерывают мои размышления. Зажмуриваюсь и снова «вхожу» в скалу. Свет вспышками сквозь веки. Адский непрекращающийся грохот. Вот и пришел на грозу. Рвутся какие-то крепкие нити, и опалевшая стихия хлещет сотней бичей. Но вспышки постепенно становятся реже, наступает относительное затишье. И тут новый грохот, но другого рода, обрушивается на психику. По кулуару, соседнему с нами, низвергается лавина. Воздушная волна едва не срывает с полочки. Пронесло. Слава богу. Отдалившиеся раскаты грома да рев лавины, которая безумствует уже где-то внизу – словно канонада выдыхающегося сражения.

Но где же я нахожусь? Ничего нельзя узнать. Куда ни глянь – сплошная белизна. И лезть смертельно опасно. Можно взяться за «живой» камень и улететь с ним. Я пробую одной ногой снег рядом с собой. Нога не нащупывает ни одной твердой опоры. Пытаюсь обмести выступ над собой. Целая охапка снега съезжает на меня, засыпая до пояса. Переступая, кое-как сбрасываю снег с полки. Рукавицы промокли. А как там друзья? Как они стоят? Веревка видна уже метров на двадцать. Проходит, наверное, час, прежде чем она начинает натягиваться. Значит, Андреев пошел. Но у меня всего метра три слабины. Он что, принимать меня будет?

– Гера! Что? – кричу ему вверх.

– Перила закреплены! – доносится его голос. Ага, значит, по нашим перилам пойдут Меньщиков с Ольшанским.

– Понял! – отвечаю ему и гляжу вниз. Вижу лицо, плечи и рюкзак Меньщикова. Он разыскивает в снегу зацепки и приближается ко мне, но медленно. Останавливается, чтобы забить дополнительный крюк. Все правильно. На удары молотка скала отзывается тонким вибрирующим звуком. Хороший звук. Валера прощелкивает в ушко крюка карабин, пропускает сквозь него веревку, идущую от своей груди, заворачивает муфточку карабина. Все. Теперь можно быть спокойным. Надежная точка опоры. Меньщиков поднимается ко мне. Лицо закаменело, дыхание с шумом вылетает изо рта. Валера захватывается за полочку, на которой стою я, и вылезает на нее. Пристегиваю его к перильной веревке.

– Валера, если можешь, не останавливайся, иди по перилам к Гере.

– Сейчас, секунду.

Он, наклонившись, делает несколько шумных выдохов, успокаивая сердце.

– Я пошел, – говорит он.

– Валера, иди! – кричу вниз Ольшанскому. Его еще все не видно. Темп же Меньщикова выше, чем темп Ольшанского, так как Меньщиков использует перила. И ему приходится ждать. Снег почти прекратился. Но вот показывается и Ольшанский. Дойдя до крюка, он согревает дыханием пальцы и затем долго выбивает крюк.

Пока Меньщиков с Ольшанским проходят перила, я окончательно замерзаю. Скорей бы! Самое противное ждать. Хотя бы переступить можно было! Когда это кончится?

– Жека, иди! – раздается наконец сверху. И когда я поднимаюсь к друзьям, уже натянута палатка на хорошей широкой полке. Рядом с палаткой разутый Ольшанский. Он яростно растирает спиртом пальцы на ногах. На лице страдание. Андреев уже в палатке, а Меньщиков выбирает мою веревку. Вдоль полки натянута перила, к которым все пристегнуты. Меньщиков берет мой страховочный конец и тоже цепляет его на перила.

– Залазь сразу в палатку, – говорит он.

– Подожди! Подержи рюкзак, а то он весь в снегу.

Расшнуровав ботинки, я вылезаю из них, одновременно залезая в палатку. Развернувшись, околачиваю с них снег, затем принимаю рюкзаки. Меньщиков отряхнул их, но все равно часть снега попадает на дно палатки. Вскоре мы все размещаемся на спальных мешках. Ольшанский продолжает возиться с пальцами ног. Он когда-то обморозил их в зимнем турпоходе, и теперь они совсем не терпят холод. А как дальше?

Моя очередь готовить ужин. У нас два примуса: один в виде цилиндра (павлодарский), а другой – плоский, раскладной («Туристский»). Ни тот, ни другой не желают работать. А внизу все нормально было. Наконец, «прочихавшись» и изрядно начадив, они начинают ровно гудеть, и с этим оптимистичным гудением сразу становится уютнее. Сейчас поедем горячего и вытянемся в мешках. Некоторый дискомфорт, правда, от промокших вещей, но терпеть можно.

Связь проходит нормально. Уже с закрытыми глазами я спрашиваю Андреева:

– Гера, ты сильно поморозился на Революции?

– Пневмония у меня была.

– Пневмония?

– Да. Едва успели спустить. Ну и ноги поморозил. Всю зиму, как на иголках, ходил.

– Это ты в ту зиму сделал мастера по прыжкам на лыжах с трамплина? – включается Меньщиков.

– Да.

– А как же тренировался с помороженными ногами?

– Так и тренировался. Терпел. Прокладки поролоновые специально делал. Думал, с Революцией не повезло – ведь сто метров всего не дошел до вершины – так хоть на трамплине добыюсь.

– А когда тебя включили кандидатом в сборную СССР?

– Это на следующую зиму, в прошлом году.

– А что лучше: трамплин или горы?

– Ну, так нельзя ставить вопрос. Там свое, здесь свое. А вообще-то пожалуй, только в горах по-настоящему чувствуешь себя мужчиной.

– Мужчиной? Постой, постой. А кем же тогда женщины здесь себя чувствуют?

– Женщины? Им тут не место.

Здесь разговор быстро принимает «женское» направление, самое интересное. Только Ольшанский все помалкивает. Валера наш – ангел во плоти.

– Валера, у тебя есть невеста? – спрашивает его Андреев.

– Гера, давай спать.

– Все ясно с тобой.

– Гера, давай спать, – говорю и я.

Язык уже еле ворочается. Организм требует отдыха. Засыпая, представляю, как завтра вылезем на вершину.

Настал шестой день восхождения. А мы все еще висим на этом ребре. На душе как-то невесело. Может, потому, что с утра давит на нас эта дурацкая серая облачность. Правда, горы видны, только самые вершины их схвачены плотными облаками. Но жуткий какой-то вид. Не горы, а обелиски тоски. Так бы и убежал от них.

Над нами лед. Крутизна градусов шестьдесят. Скалы теперь ниже нас. Как бы ни было на них трудно, все равно сохранялось чувство уверенности. Даже крутая скала – твердая опора. На льду уверенность пропадает. И хотя на ботинках у нас десятизубые кошки, все равно что-то скребет внутри.

Выше ледовой доски чернеет камень, а за ним – снежное «перо», взлетающее под карниз. Две грани нашего ребра, словно грани штыка, сужаются кверху. Скорее бы уж проскочить этот неприятный участок.

Первым готовится Меньщиков. Он спокойно пробует, как держат передние зубья кошек. На лице никакого волнения. Валера смелый, самый смелый из нас.

Страховать будет Андреев. Меньщиков пойдет без рюкзака. Рюкзак подниму я. Вот он вбивает ледоруб клювом в лед на уровне головы, переставляет ноги, вдавливая передние зубья кошек. Ледоруб. Шаг левой. Шаг правой. Ледоруб. Как смотрится! Запрограммированные движения робота. Но это

грубое сравнение. Изыщная ходьба. Никаких топтаний, никаких качаний. Вот уже и десять метров.

– Валера! Пора крюк! – кричит Андреев.

Меньщиков достает ледовый крюк, по форме напоминающий морковку, и частыми ударами молотка загоняет его в лед. Надевает на него карабин, а в карабин – веревку. Есть точка страховки! Теперь можно идти выше. Еще десять метров. Еще крюк.

– Сколько веревки осталось? – кричит он через некоторое время.

– Пять метров! – отвечает Андреев, – Закрепись! Я поднимусь до крюка!

Меньщиков вбивает очередной крюк и страхует Андреева, поднимающегося к нижнему крюку. Снова идет Меньщиков. Кажется, там, где он, совсем круто. Градусов, может быть, семьдесят. Валера как будто топчется, повторяет удары ледорубом. Изыщность исчезла. Видимо, очень трудно.

– Так бы и помог ему, – говорю я Ольшанскому, стоящему рядом.

Ольшанский не откликается. Он усердно бьет в лед носками ботинок.

– Валера, ты что?

– Пальцы мерзнут.

– Но так их не согреешь.

– Не могу спокойно стоять.

– Внимательнее! – доносится сдавленный голос Меньщикова. Он ставит ногу на передние зубья, пытается выжаться на ней, но зубья не держат, нога проскальзывает, и Валера срывается. Он «сквозит» мимо крюка вниз, Андреев не успевает выбрать всю слабину, и Валера, распластавшись на льду, пролетает метров двадцать. Жесткий рывок веревки задерживает его.

– Валера, страхуй. Я пошел туда, – я подаю Ольшанскому свою веревку и лезу к Андрееву. Андреев подходит к Меньщикову. Меньщиков встает, делает попытку закрепить, но снова проскальзывает. Снова встает и наваливается на лед головой.

– Валера! Я сейчас! – кричит Андреев. Он подбирается к Меньщикову и помогает ему встать.

– Жека! Свяжи веревки! – кричит он мне. Я соединяю концы веревки, и мы, протравливая их, спускаем Меньщикова. Точнее, он сам идет, откинувшись корпусом назад, натянув веревку. Вот он спускается к Ольшанскому и становится на колени. Его рвет. Видимо, сотрясение мозга. Садится и отключается.

– Валера! – я трясущего его за плечо и вижу помутневшие глаза. Лицо белое-белое. Андреев судорожно достает из своего рюкзака фляжку со спиртом, отклоняет назад голову Меньщикова и вливает ему в рот несколько глотков. Часть спирта стекает по подбородку. Меньщиков вздрагивает. Лицо оживает.

– Гера, дашь мне спирту растереть пальцы? – просит Ольшанский.

– Валера, ты можешь сейчас потерпеть? – едва сдерживая раздражение, говорит ему Андреев. Ольшанский замолкает.

– Валера, еще? – обращается Андреев к Меньщикову.

– Не надо. Уже лучше.

– Жека, Валера, рубим ступень для палатки, – говорит нам с Ольшанским

Андреев. Он очерчивает штычком ледоруба на льду рядом с нами контур будущей ступени.

– Гера, я наверное не смогу, – говорит Ольшанский.

– Тогда стой, не мешай. Жека, начинаем.

Мы отходим друг от друга на расстояние полтора метра и начинаем крошить лед. Куски его ricochetят вниз. Рубка – очень энергоемкая работа. Вскоре приходится переводить дыхание. Холодает. Поднимается ветер с метелью. Мороз градусов пятнадцать. Подкрадывается усталость. Но останавливаться нельзя. Нужна палатка. Крошки льда ранят лицо. А рубить еще ой как много.

Мы не замечаем, сколько проходит времени. Мороз усилился. Темно. На небе появились звезды. Они совсем близко. Но нам не до звезд. Скорее, скорее, скорее!

– Жека! Хватит! Сидеть можно, и ладно, – говорит Андреев. Выше ступени забиваем несколько крючьев и прикрепляем палатку. По форме она напоминает сейчас мешок. Через вход и форточку продергиваем веревку, чтобы в палатке застраховаться.

– Валера Ольшанский! Залазь и разложи из рюкзаков, что достанешь, на ступеньку. А я буду связываться. Время подходит.

Андреев достает рацию.

– Капкан-1, Капкан-1! Я – Капкан-2! Слышите меня? Прием.

– Капкан-1, Капкан-1! Я – Капкан-2! Слышите меня? Прием!

Мы уже в палатке, устраиваемся, а Андреев все повторяет свои заклинания. Что случилось?

– Гера, залазь.

– Все, сдохла, – говорит он.

– Рация?

– Непонятно, кто. Связи нет. Скорее всего, внизу неисправность.

– Надо хоть ракету дать.

– Это верно.

Андреев достает ракетницу, выстреливает. Зеленая ракета летит, извещая наблюдателей: «У нас все благополучно».

Андреев устраивается между мной и Меньщиковым. Достает фляжку.

– Валера, держи спирт, – говорит он Ольшанскому, – экономнее только.

Ольшанский методически растирает пальцы, затем надевает шерстяные носки, а поверх них меховые «чуни». Теперь ему будет хорошо.

Надо приготовить горячее, поддержать силы. Но все спички отсырели, не зажигаются. Жуем колбасу и сидя засыпаем.

Снится, что на меня навалился медведь. Вылезть не могу. Дышать нечем. Все. Сейчас конец. Но я просыпаюсь. Воздуха нет. На лице полог палатки. Руки слабые, сердце бешено колотит, а в голове – звонкие-звонкие молоточки. Они стучат

все сильнее и сильнее. Что такое? Мы в мешке. Свободного пространства нет совсем. Ничего не понять. Где вход?

– Открой вход, – хрипит Андреев.

Я сижу крайний ко входу. Пытаюсь его найти и никак не могу. Ориентация нарушилась. А молоточки все звонче и звонче. Но вот где-то у ног рука задевает за деревянную палочку-пуговицу. Вот где вход! Положение в пространстве восстанавливается. Расстегиваю несколько пуговиц, и сладкая холодная струя вторгается в обезумевшие легкие. Воздух! Молоточки становятся тише, потом совсем стихают. Но что это? Охалка снега ввалилась в палатку. Я выгребая, а снег вваливается снова. Пытаюсь выглянуть, но втыкаюсь головой в сугроб. Пробуравливаюсь. Боже мой! Все бело! Палатки совсем не видать! Один конец веревки виден. Ночью по ледовой крутизне струился снег, и маленькие лавинки засыпали нас. Надо разгрести. Чем? Есть фанерка, на которую ставим примус. Вначале расчищаю вход, затем вокруг палатки. Лавинки наполовину сдвинули ее со ступени. Немного поправляю пол и снова забираюсь в палатку.

– Жека, готовь кофе, – говорит Андреев.

– А спички?

– Нашлась сухая коробка.

– Ура!

– Что ты так радуешься?

– Как что? Теперь живем!

– Подожди радоваться. Вылезть надо. Сегодня, во что бы то ни стало, надо выйти на гребень, пусть даже и ночью. Придется рубить ступени.

Я кладу на колени фанерку, ставлю на нее примус, набиваю кастрюлю снегом, благо недостатка в нем нет. Примус гудит, голубое пламя лижет дно кастрюли. Снег оседает, и я снова добавляю. Товарищи дремлют. Постепенно кастрюля наполняется водой. И тут мою правую ногу стягивает судорога. Я дергаюсь от резкой боли, и кастрюля с примусом опрокидывается на ноги.

– ...!

– Судорога, извините, – оправдываюсь я в ответ на неописуемые восклицания в мой адрес.

– Попили, – мрачно подытоживает Андреев.

Вода попала в его ботинки, и это самое плохое. Можно обморозить ноги. Пытаюсь вытереть воду своей штормовкой, но это плохо получается.

Съедаем последнюю банку язя и по пятьдесят последних граммов колбасы и сыра.

Продукты кончаются. А мы еще все не вылезли на гребень. Может быть, надо было уменьшать наши порции? Что думает капитан? Ведь нам еще столько идти! Но говорить об этом нельзя. Надо работать, как будто ничего не случилось. Иначе будет хуже.

От снега, попавшего в палатку и растаявшего, и от пролитой воды палатка промокла. Спальные мешки в той части, где ноги, тоже мокрые. У Андреева вдобавок ботинки. Ну и обстановочка.

Обуваемся и укладываем рюкзаки. Но из палатки вылезает один Андреев. Он пойдет первым. Меньщиков чувствует себя все еще слабо. Я буду страховать Андреева, не вылезая из палатки. Он собрался проходить верхний участок льда с рубкой ступеней. Без ступеней не пройти. Будет лететь лед. Касок у нас нет. Надо чем-то прикрыть головы, вдруг пробьет палатку.

– Выпускай, Жека. Я пошел, – сурово говорит Андреев. Лицо угрюмо и непроницаемо.

– Давай.

Я выдаю веревку, выглядывая из палатки вверх. Андреев быстро поднимается к верхнему крюку, забитому вчера Меньщиковым, и начинает рубку ступеней. Крупные осколки льда стремительно летят вниз, и мне приходится убрать голову в палатку. Ледовая шрапнель бьет по пологу. В двух местах уже светятся дырки, А если крупный кусок? Сидим неподвижно в сырости, слушая тюканье ледоруба да звонкое чирканье летящего льда. Разговаривать не хочется. Вся работа – ждать Геру.

Веревка его тянется неровно, слабыми импульсами. Поднимается ветер со снегом, и начинает хлопать полотнище палатки. Какое-то оцепенение охватывает нас. Самое плохое – ничего не делать. Как там Гера? Мы-то в палатке, а он на гладком крутяке. Кошки на таком льду очень плохо держат. Вот у французских альпинистов двенадцатизубые, надежные. Сидим уже третий час. Спина немеет. Встать бы да разогнуться.

Я все-таки выглядываю из палатки, чтобы посмотреть на Андреева. И тут же небольшой кусок льда больно ударяет по руке. Чуть веревку не выпустил. Прячусь назад в палатку. Андреева я все же успел увидеть. Он поднялся выше того места, откуда сорвался Меньщиков, но еще не дошел до камня. Неужели сегодня опять не вылезем? Нет, сегодня должны. За камнем начинается снег. Правда, выше еще одно препятствие – карниз. Скорей бы! Уже четыре часа рубится Андреев. А в желудке скребет! Наконец, прекращается падение кусков льда. Я снова выглядываю. Андреев на камне. Наклонился. Закрепляет конец веревки.

– Ребята! Гера вышел. Надеваем кошки.

– Перила готовы! – кричит Андреев, – Пусть идет Валера Меньщиков!

– Валера, давай.

Меньщиков закрепляет ремни кошек, надевает рюкзак, цепляется к перилам. Навивая веревку на кисть руки, начинает движение. Мы с Ольшанским снимаем палатку, вытряхиваем из нее воду и сворачиваем. Палатка тут же смерзается. Кое-как проталкиваем ее под лямки снизу рюкзака. Мы стоим на ступени, на которой ночевали. Это еще одна наша отметина на ребре.

Меньщиков проходит перила почти час. Дышит на пальцы. Он выщелкивает веревку из промежуточных карабинов и выворачивает изо льда крючья. Они теперь не нужны. Веревка закреплена сверху. За ним поднимается Ольшанский. А у меня два рюкзака: мой и Андреева. Герин рюкзак привязываю коротким концом веревки к поясу и буду тащить по льду, а свой надеваю на плечи. Сразу же ощущаю силу, тянущую вниз. Но справляться удастся, хотя глаза лезут на лоб. Сказы-

вается крутизна. Вот где пригодились мне занятия штангой! Особенно приседания с ней! Шаг за шагом выжимаюсь, держась за веревку, которую обвиваю вокруг то левой, то правой руки. Мешает ледоруб, болтаясь на запястье. Нужно было засунуть его в рюкзак. А сердце – как молот. Приходится останавливаться и отдыхаться. С шумом, резко выгоняю воздух из легких, так они лучше очищаются от углекислоты. Скоро наступает облегчение, и я возобновляю воловий труд. В том месте, где веревки связаны, происходит вынужденная задержка. Надо перевести «схватывающий» узел, которым завязан на основной веревке мой страховочный конец, идущий от груди, выше узла, соединяющего две основные веревки. Очень неприятная операция. Запасного конца от груди нет. Его можно было бы завязать выше основного узла, а затем развязать прежний «схватывающий». Приходится расширять витки единственного «схватывающего» и переводить их через сращенные концы основных веревок. Если при этом сорваться – можно улететь. Хорошо, что нижний конец веревки замотан там большим узлом, у него, наверное, задержусь. Но срываться так не хочется. Стараюсь делать предельно осторожные движения. Лишь бы кошки не соскользнули. Холодный пот выступает на лбу. Ну вот и все. Теперь можно не беспокоиться. Снова выжимаюсь с рюкзаками. Проходит сорок минут, прежде чем я поднимаюсь к друзьям. Мне помогают освободиться от рюкзаков, выбирают перильную веревку. Дыхание кое-как приходит в норму.

Мы находимся на камнях, которые не просматривались снизу. За тем черным камнем, что мы видели, оказывается крошечный горизонтальный участок с выходом скал. А над ним углубление в ледовой стене, нечто вроде пещерки или ниши. Можно сделать привал. Но друзья, пока я лез, отдохнули, и Андреев вылезает на нижнюю часть «пера» и начинает подъем под карниз. Другого пути наверх нет. Андреева страхует Меньщиков. Гера лезет без рюкзака. Вот он подбирается под карниз. Там, кажется, нечто вроде полки. Над Герой многотонная глыба. Что он сейчас чувствует? Он сгибается, ухо-

дит от полки влево и вверх, подкрадывается к кромке гребня. Склон очень крут. Но, видимо, снег хорошо держит. Солнца нет, холодно, и он не раскис. Андреев прорубает над своей головой лаз в кромке гребня, поднимается на шаг выше и выглядывает. Затем он осторожно спускается к нам. На лице его оживление.

– Все проходится, – говорит он.

– Почему ты вернулся? – спрашиваю я.

– Поздно уже. Пока вылезем все, «прочикаемся», стемнеет. Лучше заночевать здесь, а завтра пораньше проскочить.

Мне кажется, что можно бы вылезть и сегодня, но видимо Гера устал. Столько ступеней вырубил. И потом в этой нише нет ветра. Мы немного расширяем ее и прикрепляем палатку. Все крепко промерзли. Хочется чего-нибудь горячего. Разве что чай. Продукты кончаются. Ольшанский занимается примусом. Ветер все-таки задувает в палатку.

– Застегни, – советует Андреев.

И Ольшанский застегивает. Так, в желании тепла, в короткой минутной слабости теряется здравый контроль. Вначале тепло от примуса расслабляет нас, и мы задремываем в ожидании чая. Но примус начинает «чихать», видимо, засорился. Валера быстро-быстро двигает поршень насоса, поднимает давление, но горение не улучшается, появляется красно-желтое пламя, а затем образуется факел. Погасить не удастся. Чад разъедает глаза.

– Открывай палатку!

Сил уже нет. В легких – едкий угар. Сейчас или палатка вспыхнет, или давление выбьет клапан, и произойдет взрыв. Ольшанский никак не может расстегнуть вход палатки, он тщательно «законопатил» вход на все пуговики.

– Не могу, – хрипит он.

– Режь! – кричит Андреев.

Но вот несколько пуговиц снизу расстегнуто.

– Держи дыру!

Ольшанский держит края дыры, а Андреев ногой вышвыривает пылающий примус из палатки. Клубок пламени,

выхватывая из тьмы куски скал, падает вниз, подпрыгивает, наконец ударяется и взрывается, расстреливая яркие жгуты бензина. Это видели наши наблюдатели, обратившие внимание на то, что наша палатка вдруг засветилась.

Некоторое время не можем произнести ни слова.

– Погрелись, – произносит первым Меньщиков.

– Чуть не сдохли, – подводит итог Андреев.

– Будем тянуть на запасном.

Запасной примус, который «Туристский», – еще более капризный, чем первый. Но делать нечего, и теперь Ольшанский возится с ним.

Пока тает лед, закипает вода для чая, мы забываемся в полудреме. Валера будит нас, когда палатку наполняет аромат свежего чая. Но что к чаю? Ольшанский выкладывает на спальный мешок оставшиеся продукты. Две банки паштета, жалкие остатки сухарей, селедка (одна штука), чернослив на дне мешочка, плитка шоколада, пачка зеленого чая и горсть сахарного песка. Мы можем проглотить все это сейчас. Что делать? Можно начать растягивать оставшееся. Но как работать? Высота, холод, опасности. Голод начинает показывать свои желтые когти. Спускаться же смертельно опасно. Скалы забиты снегом.

– Гера, это все, – говорит Ольшанский и с детским недоумением глядит на капитана команды. Тот что-то вычисляет в уме и принимает решение.

– Всем по сухарю. Банку паштета. Чай с сахаром.

– Ольшанский тут же вскрывает банку. И вот мы хрустим сухарями, проглатываем божественный паштет. А кружка сладкого чая – настоящее блаженство. Почти хорошо. Можно спать. Жаль, что мешок мокрый, ну да ничего.

Ночь приносит новое приключение. Я просыпаюсь с неприятной догадкой. Подо мной, кажется, ничего нет. Эта мысль прошивает, как электрическая игла.

– Парни! Я повис! – раздается мой вопль.

Площадка в нише с наклоном, а я лег с краю, и ночью палатка съехала. В результате между днищем палатки подо

мной и твердой опорой внизу образовался зазор порядка тысячи метров.

– Забирайся на нас, – спокойно предлагает Меньщиков.

Я ложусь на ноги друзей и тут же засыпаю. Однако через некоторое время просыпаюсь от того, что то один, то другой из владельцев ног почему-то начинает их переворачивать или вытаскивать. И так до утра. Жутко неудобно. Но терпеть можно. Главное, что завтра вылезем.

Встали поздно. Палатка согрелась от солнца. Это здорово, что солнце! Его так давно не было.

– Солнце! – говорю я.

– Это плохо, – говорит Андреев.

Удивленно смотрю на него.

– Сидеть придется, – отвечает он на мой безмолвный вопрос, – снег наверняка уже рыхлый.

– Давай скорее! Может, успеем еще!

– Едва ли. Ну давай, попробуй, как держат ступени.

Я быстро обуваю ботинки, обвязываю конец веревки вокруг пояса.

– Валера, пострахай, – говорю Ольшанскому и вылезая на склон.

Вот Герины вчерашние ступени. Кажется, он прав. Снег раскис. Я ставлю на ступень ногу, пытаюсь другую поставить выше, но снег под первой ногой едет, и я проскальзываю. Какая досада! Проспали! Грустный, возвращаюсь в палатку.

– Ну что?

– Едет.

– Хреново. Придется ждать. Ну да ладно, нет худа без добра. Подсушимся хоть немного.

Мы вытаскиваем из палатки все вещи, а палатку выворачиваем и, закрепив, вывешиваем, спустив ниже ног. Места мало. Ботинки держим на коленях. Наслаждаемся солнцем. Белуха смирлостивилась сегодня над нами, подарив праздничное тепло. И сама себя открыла. Сурова Аккемская стена. Почти вся в тени и осветится лишь вечером. Огромные висячие ледники замерли над ее отвесами. Тонкие прочерки скал

просматриваются под ними. А по верхнему краю стены белые козырьки карнизов. Видны Западная и Восточная вершины, ровный край «седла» и пик Делоне. Гребень с Делоне – как кривая турецкая сабля. Черная не запорошенная стена пика контрастирует с ледяным центральным участком. Целый день будем все это рассматривать.

– Гера, как с едой? – спрашиваю я и пугаюсь своей бестактности. Можно было бы и не спрашивать.

– Пока посидим без еды, – отвечает Андреев.

Но к середине дня голод становится нестерпимым, и в два часа Андреев сам просит Ольшанского приготовить чай.

– Что там от сухарей осталось?

Ольшанский достает белый матерчатый мешочек. На его дне одни сухарные крошки. Но их много. Каждому по три ложки. А теперь лакомство: селедка! Андреев разрезает ее на пять частей. Себе он оставляет голову и хвост, а дольки туловища раздает нам. Кладу в рот пряный, сочный ломтик и сосу, как конфету, затем осторожно откусываю и глотаю маленькие сладкие кусочки. Кусочек скелета выбрасываю вниз, и он застревает двумя метрами ниже.

– Ты что делаешь? – возмущается Ольшанский.

– Что?

– Зачем выбросил позвоночник? Он же съедобный!

– Ты прав. Пострахуй меня.

Я подаю Ольшанскому веревку и, не привязавшись, спускаюсь, держась за нее.

– Куда? – кричит Андреев. – Назад, я сказал!

Но я успеваю дотянуться до позвоночника, и он уже у меня во рту. Перетирая его зубами, осторожно вылезаю.

– Ты случайно не того? – Андреев выразительно крутит пальцем у виска.

– Гера, я больше так делать не буду.

– Больше селедки не будет, – корректирует Меньщиков.

– Больше ничего не будет, – уточняет Ольшанский.

– Нет, не так, – возражает Андреев, – У нас еще целая банка паштета, штук пятьдесят черносливин и плитка шоколада.

– И тогда уже все? – спрашиваю я.

– Нет, не все. Наших жировых запасов на три дня сносной работы.

– Жировых запасов, кажется, уже нет.

– Это кажется.

– После жировых запасов – все?

– Нет, не все.

– А что же еще может быть?

– Допинг. Примешь таблетку и двенадцать часов будешь работать, как зверь.

– А потом – все?

– Потом – все.

– Перспектива понятна, – резюмирует Меньщиков.

– Парни, давайте договоримся: «не портить воздух»! – завершает исторический разговор Андреев.

Ну что ж, «не портить» так «не портить». Мы пьем чай с последним сахаром и снова бездеятельно сидим на солнце, глядя на горы. Глядение это продолжается до шести вечера, пока снег не смерзается.

Начинаем подъем под карниз. Первой движется связка Меньщиков-Андреев. Я поднимаюсь последним. «Перо» весьма крутое. Но слой снега толстый. Ледоруб уходит в него по самую головку. А вдруг весь этот снежный покров поедет сейчас вниз, превратившись в свирепую лавину? Отгоняю прочь такую глупую мысль. А карниз красив, ничего не скажешь. Первым под него выходят Меньщиков с Андреевым. Над их согнувшимися фигурами висит страшная масса. Лишь бы карниз не рухнул. Андреев страшует Меньщикова. Валера движется с полки влево и по вчерашнему следу Геры поднимается к краю гребня, расширяет лаз.

– Страхуй жестче! – кричит он Андрееву.

– Страхую!

Меньщиков, вытянув руку, забивает ледоруб в снег выше лаза на «крыше» и пробует, как прочно держит ледоруб. Кажется, держит.

– Внимательнее! – снова кричит он.

– Давай, давай, Валера!

Меньшиков подтягивается, переваливается через лаз и выползает на гребень. Ура! Он на гребне!

– Валера! Закрепи веревку! Сделай перила! – кричит ему Андреев.

– Закрепил! Перила готовы!

– Валера Ольшанский! Поднимайся ко мне! – кричит, повернув голову к нам, Андреев.

– Страховка готова? – спрашивает у меня Ольшанский.

– Готова!

– Пошел!

Ольшанский поднимается к карнизу в три такта, по очереди ступая ногами и загоня ледоруб в снег. Страховка у него нижняя, через мой ледоруб. Андреев протягивает руку и помогает Ольшанскому выйти под карниз.

– Сделай самостраховку. Потом применишь Жеку и выпустишь его по перилам. Я пошел.

– Хорошо.

Андреев поднимается по перилам. Вот он уже наполовину над гребнем. Красная пуховка пламенеет на синем небе, а ниже – голубизна холодных сбросов.

Теперь я поднимаюсь к Ольшанскому. Не задерживаясь около него, сразу вылезаю по перилам на гребень и принимаю Ольшанского.

Как здесь чудесно! Во-первых, здесь почти ровно. Во-вторых, места столько, что можно свободно отойти метров на десять в любую сторону. А в-третьих, какой вид! На западе горы сменяются мягкими зелеными долинами, а на восток тянется длинный кортеж безымянных вершин, исчезающих в полупрозрачной дымке. А Белуха! Солнце плеснуло на нее закатным светом. И только нежное облачко, пригревшийся белый котенок, лежит на «седле». Все другие вершины теперь ниже нас. Трехгранные, четырехгранные пирамиды, неправильные звезды и конусы. Солнце отбрасывает от них контрастные лиловые тени. Проглядывают бирюзовые прожилки льда. Гранатовыми друзьями теснятся рыжие скалы.

Ледник Родзевича с полоской морены на спине, словно бурндук, вот-вот устремится вниз по ущелью, где овальным серебряным слитком сверкает Аккемское озеро. «Озеро горных духов». Взлететь бы сейчас и поплавать между вершин в этом вечернем небе.

– Жека! Хватит любоваться! Иди работать! – возвращает к действительности голос Андреева.

Друзья начали утаптывать площадку. Сегодня-то съезжать некуда. Выспимся на славу. Натягиваем палатку, по всем правилам. А время уже – девять вечера.

– Гера, время связи, – говорю я.

– Давай, стрельни ракету, – отвечает он, достает зеленую ракету, ракетницу и протягивает мне. Я подхожу поближе к краю гребня и выстреливаю ракету вперед. Яркой звездой зависает она над ребром и тает в темнеющем ущелье. И тут же далеко внизу взлетает ответная зеленая звездочка и делает слабенькую попытку подняться до нас, но гаснет. Все в порядке. Наблюдатели зафиксировали наш выход на гребень.

Возвращаюсь к палатке. Друзья устраиваются для сна.

– Ну что там, Жека? – спрашивает Андреев.

– Что? А вот что:

Ах ты, ребрышко-ребрышко!

Восемь суток подряд! –

Вместо ответа я читаю две строчки.

– Наблюдатели дали ракету? – улыбаясь, спрашивает Андреев.

– Да. Причем, тоже зеленую.

– Красной только еще и не хватало.

Красная ракета – это сигнал «SOS».

На ужин последняя банка паштета и чай. Андреев благосклонно выделяет каждому по три черносливины. Ольшанский подсчитывает оставшиеся.

– Тридцать шесть, – грустно констатирует он.

– Прекрасно. По целых девять штук, – радуюсь я.

Эйфория красоты, видимо, еще не совсем испарилась из меня, и мне не хочется думать о том, что будет завтра.

– Завтра будем на вершине XX лет Октября. Может, найдем записку 37-го года, – говорит Андреев.

– Неужели записка может пролежать 26 лет?

– Чем черт не шутит.

Я уже засыпаю, когда Меньщиков произносит:

– Ах, туман-непогодушка!

Ничерта не видать!..

– Ну вы, поэты! Спать! – командует Андреев.

«Где, интересно, сейчас наш спасотряд? Сегодня ведь 3 августа, истек наш контрольный срок. Они должны были выйти навстречу нам», – уже совсем засыпая, думаю я.

Лобастые белые взлеты, перегибы и впадины гребня ведут нас к вершине пика XX лет Октября. Очень холодно. Мороз порядка двадцати-двадцати пяти градусов, несмотря на яркое солнце. Сверкает снег. Но Меньщиков, идущий первым, пренебрегает темными очками. Заметив это, Андреев кричит ему, чтобы он надел. Меньщиков возражает. Андреев крепко ругается, и тот выполняет команду. Снег очень твердый, и ходьба была бы наслаждением, если бы не терзал желудок. К сожалению, он еще не отвык от пицци, а чернослив почему-то его не устраивает. Передвижение по гребню отнимает у нас несколько часов, и когда мы ступаем на вершину, снег уже окончательно раскис. Усердно ищем записку, но все бесполезно. Чуть ниже и южнее вершины небольшие выходы скал. Спускаемся даже к ним, переворачиваем каждый подозрительный камень, но ничего не находим. Конечно, вероятность того, что записка 37-го года могла сохраниться, крайне мала. Нет так нет. Пишем свою записку, сооружаем тур из камней, положив в него свидетельство нашего первопрохождения по ребру. Итак, на девятый день мы поднялись на первую из четырех вершин. Не очень здорово. Но все равно вершина приносит радость. Тем более, что погода прекрасна. Хорошо видна Западная вершина. В ее гребне два возвышения с понижением между ними. Сама вершина – это левое, северное возвышение. Под нами внизу огромное белое поле – Западное плато. 4050 м. «Аэродром», как назвал Андреев.

Действительно, настоящий аэродром. На юге горы сменяются коричнево-зелеными холмами. Блестят ветви горных рек. А еще дальше, за дымкой – степь. Где-то в той стороне – теплая-теплая Алма-Ата. Там с загоревшими стройными ногами и постоянной улыбкой на курносом лице порхает моя девушка с чудесным именем Лиля. Я машу рукой в ту сторону. Долетает ли до нее мой привет?

- Жека, спускаемся, – говорит Андреев.
- Дойдем сегодня до Западной Белухи?
- Не будем загадывать.

Спуск на «аэродром» довольно простой, и вскоре мы топчем по колено в снегу, в направлении перемычки в гребне Западной вершины. Кажется, что она совсем близко. Но это обман, вызванный прозрачностью горного воздуха. Рыхлый снег отнимает много сил. Идти все тяжелее. От моей дольки шоколада остался маленький кусочек, а из девяти черносливин – только три. Сегодня постараюсь их не трогать. Ботинки от сырого снега раскисли и теперь чавкают. Штормовые брюки промокли до колен. Как будем сушить? Неужели сегодня не дойдем до Западной вершины? Что с ногами? Так тяжело стало вытаскивать их из снега. Сейчас бы прилечь, отдохнуть самую малость. Друзья молчат. Им не легче. Ни за что не скажу первым, что пора делать привал.

Но вот Андреев втыкает ледоруб в снег, поворачивается к нам. Остановка. Привал или ночевка?

Ночевка. Сырая и голодная.

Утром просыпаемся замерзшие. За палаткой не видать ни зги. Идет густой снег.

- Что, Гера, делать будем? – спрашивает Меньщиков.
- Чай вскипятим, – уходит от ответа Андреев.
- Бензин кончился, – вставляю я.
- Гера, я не о завтраке, – говорит Меньщиков.
- Ну что ты хочешь, чтоб я сказал? Соберем рюкзаки и будем ждать, – лицо капитана непреступно.
- Сколько ждать? – добивается Ольшанский.
- Валера, спроси у бога.

Сворачиваем подмокшие спальные мешки, засовываем их в сырые рюкзаки. Все стало неприятным, тяжелым. И места в палатке мало. И товарищи задевают так неаккуратно. Опять надо терпеть. Сколько можно? Я сажусь на свой рюкзак и кладу в рот последнюю крошку шоколада. Все равно ведь не имеет значения, когда я ее съем: сейчас или позже. И пока сладкая частичка не растаивает, я не глотаю ее. Последние свои черносливины я все-таки съел вчера вечером. Как жаль их теперь.

Рядом со мной скукожившийся Ольшанский. Лицо у Валеры посерело и как будто стало меньше. Руки – подмышками. Взгляд уперся в одну точку. Мы долго сидим молча, слушая шорох снега. Наплывает безразличие. Словно легкий туман пеленает сознание.

– Давайте спускаться по стене, – тихо произносит Ольшанский.

– Валера, что с тобой? – так же тихо спрашивает Меньщиков.

– Там лагерь... Травка...

Я гляжу на Андреева и пугаюсь. Никогда еще не видел его лицо таким страшным. Пальцы его впились в колени, суставы побелели. Ольшанский сломался. Андреев ждет. Смотрит на меня. Может, и Кузнецов сломается?

– Валера, на стене же отвесы, – говорю я.

Ольшанский больше ничего не говорит. Я чувствую, как он дрожит. Видимо холод и голод доконали нашего большого Валеру. Андреев убирает руки с коленей.

Шуршит снег, и я задремываю под это вязкое шуршание. Вздрагиваю от голоса Андреева. Он вызывает наблюдателей. Но рация нема. Тщетно повторяет он позывные.

Снег и снег. Между створками входа молочная белизна, частое мельтешение снежинок. Когда же все это кончится? Случается, снег идет несколько дней, неделю... Что тогда? Все? Здесь? Неужели совсем занесет палатку? Может, хотя бы конек ее будет виден? Хорошо бы. Тогда найдут. Прочитают наши дневники, узнают, что думали. Попадет ли мой дневник

Лиле? Надо написать, что он посвящен ей. Где карандаш? А, он у Меньщикова. Валера пишет и пишет в свою книжонку. Подожду. Торопиться некуда. Время завязло в этом шуршании. А где же мой талисман? Он должен был быть здесь! Неужели я его потерял? Плохая примета! Но вот в кармане рюкзака рука нащупывает плюшевую игрушку. Маленький рыжий мишка с бутылочкой молока в лапах. Его подарила мне Лиля. Мишка сдеформировался. Я держу талисман в кулаке. Становится словно уютнее, и сплошной туман засасывает меня. Так хорошо в нем плыть и плыть. А что это за темная точка? Нет, это не точка. Это маленький человечек. Он становится больше и больше. Да это же Боб Гусев! Как я сразу его не узнал! Он идет ко мне и протягивает банку сгущенки. Давай, давай быстрее! Я тянусь к банке, вот-вот возьму ее. Но Боб исчезает...

Что это? Почему? Стоп! Неужели я сплю? Но я же не сплю! Тогда что это? Все стирается. Я снова проваливаюсь в забытье.

– Парни, прояснилось. Выходим, – голос Андреева пробивает панцирь оцепенения.

Но не так просто разломать дремоту. Ничего не хочется делать. Кое-как вылезает из палатки. Ни черта не видать. Какого хрена прояснилось? Где прояснилось? Сплошной снег: под ногами – толстая, до колен, перина, в воздухе – пушистый занавес. Белая пучина. Что в ней увидел Андреев? Ничего он не мог увидеть. Просто нужно что-то делать. Иначе... Но куда идти? По интуиции? По вчерашней памяти? Ну что же, доверимся интуиции.

Надо еще свернуть палатку. Полог провис от снега. Палатка мокрая и тяжелая и никак не проталкивается под лямки рюкзака. Надо еще связаться веревкой. Веревка тоже мокрая и тяжелая.

– Идем на полную длину веревки, – говорит Андреев. Он первым начинает движение и скоро становится невидимым в белой пушистой трясине.

Идти тяжелее, чем вчера. Не ноги, а вата. Вытаскиваю из снега одну, а другую не могу. С трудом справляюсь со второй

и опять принимаюсь за первую. Я кукла. Кукла, привязанная к веревочке. Что случилось? Не я ли еще вчера искал на вершине записку? Я, но другой я. Того меня больше нет.

Андреев с Меньщиковым стоят. Они пропускают вперед нас с Ольшанским. Ольшанский, поравнявшись с Андреевым, сообщает:

- Гера, я забыл кошки.
- Ты что? ... мать! Издеваешься?
- Так получилось.

Андреев сбрасывает рюкзак в снег и садится на него.

– Иди за кошками! Стой! Жека, иди с Валерой. Одному нельзя.

И мы с Ольшанским начинаем мучительную ходьбу назад. Ходьбу, которой нет сравнения. Место ночевки почти незаметно. Валера шарит в снегу и находит кошки. По следам, уже едва различимым, возвращаемся к Андрееву с Меньщиковым, неподвижно сидящим на рюкзаках. Их плечи и головы покрыты снегом.

Этот «челнок» отнял последние силы. Хочется кричать от изнеможения. Хочется плюнуть на все и лечь. Просто лечь на мягкую перину. Но Андреев с Меньщиковым уходят вперед. Выходит, что и нам надо двигаться. Наскребая какую-то волю, все-таки идем дальше. Я делаю последний шаг. Сделал. Теперь еще один, и тогда остановлюсь. Нет, еще постараюсь один. Время исчезает. Есть только снег и ноги. Снег и ноги. И надо идти. Идти, идти...

Появляется Боб Гусев с банкой сгущенки. Я тянусь к ней и падаю. Чертовщина! Проклятый Боб! С трудом поднимаюсь.

Меньщиков и Андреев стоят, пропускают нас с Ольшанским вперед. Я давно хочу спросить Андреева, правильно ли мы идем, хотя понимаю, что он не сможет ответить на этот вопрос.

- Гера, правильно ли мы идем?
- Примерно.
- Значит, ты ничего не видел?
- Спрашиваешь.

– Не запоремся?

– Может, не запоремся.

Короткий разговор обессиливает. Надо молчать. Надо молчать и идти. Молчать и идти. Я иду первым, точнее, барахтаюсь первым. Передо мной никаких следов. Только белое ничто. Будет ли когда-то конец этому? Шаг. Еще шаг. Все трудней и трудней вытаскивать ногу и заносить ее вперед-вверх. Как вверх? Что это значит?

А это значит, что начался подъем. Что «аэродром» кончился. Что мы поднимаемся по склону Западной вершины. Что мы шли правильно. Но что вверху? Вверху все то же насыщенное снегом облако. И мы в нем, как слепые мошки. Но все-таки поднимаемся. Рано ли, поздно ли – будет гребень. А по нему влево – к вершине. А на вершине... На вершине должна быть «заброска»: продукты, принесенные группой вспомогателей. Ведь наш контрольный срок кончился, и спасотряд должен выйти навстречу. Что там в «заброске»? Хотя бы две банки тушенки...

Что это? Что такое? Нет, это мне показалось! Конечно показалось! Нет, не показалось! Вверху синяя полынья! Небо! Полынья смещается, и в ней на секунду появляются куски скал. Но разорванные, волокнистые края сказочного окошка смыкаются. И снова сплошное молоко. Но там гребень! Мы идем правильно! Мы идем правильно!

Без видимой цели хуже, чем без пищи. А сейчас цель проглядывается. Хотя один раз да проглянула. Значит, дойдем. Становится веселее. Я даже не замечаю, что уже давно иду первым.

– Жека, в сторону, – голос Меньщикова.

– Ничего, я еще могу.

– Отходи, говорю.

Я отступаю в сторону.

– Видел? – спрашивает, поравнявшись со мной, Андреев.

– Да.

Крутизна возрастает, но в облаках все чаще разрывы, и, преодолевая слабость, мы отчаянно вытаптываем ступени и

завоевываем тяжелые метры. Два часа пытки, и мы на перемычке гребня. Облака разносит. Видна Восточная вершина. С ее стороны страшно дует. Время шесть вечера.

– Давайте поставим палатку, – предлагает Ольшанский.

– Пройдем немного вверх, влево под скалы. Там ветер должен быть слабее, – отвечает Андреев,

Гребень круто поднимается влево. Мы продолжаем двигаться, но снежный покров становится все тоньше, и вскоре приходится остановиться. Дальше лед. Значит, ночевать здесь. Надо рубить ступень. Ох, эта рубка. Изнурительная, тяжкая, она вытягивает последние жилы. Легкие едва собирают кислород из похолодавшего воздуха. Хочется упасть и лежать. И тогда никакие призывы воли не помогут. Но нельзя. Нельзя. Поднимай ледоруб и тюкай, пока тюкается. Поднимай и тюкай. Нужна площадка. Иначе околеем, превратимся в скрюченные статуи.

Забив крючья в лед, натягиваем палатку. На дно ее, темное и промерзшее, в качестве теплоизоляции «змейками» раскладываем две мокрые веревки. На них стелем три штормовки. Единственная пуховка у Андреева. Он в ней спит. В изголовье ставим сырые ботинки. Сверху на них надо положить пустые рюкзаки. Но вначале надо отряхнуть их от снега. Некоторые куски снега примерзли к рюкзакам, с трудом отдираются. Теперь можно расстелить ватные мешки. Мешки смерзлись. С хрустом разворачиваем их. Тонкие пластиночки льда с легким серебряным звоном осыпаются со сгибов. У нас с Ольшанским один мешок на двоих. На вчерашней ночевке мы распоролли свои и сшили вместе. Вдвоем в общем мешке теплее.

– Жека, можно я опять лягу к середине? – спрашивает Ольшанский.

Он уже залез в мешок и начинает укладываться, долго и сильно ворочается.

– Ночью поменяемся – отвечаю я и тоже забираюсь в мешок, поворачиваюсь спиной к Валере. Скоро, правда, начинают мерзнуть колени. «Теплоизоляция» не работает. Ощу-

щение, что лежим на льду. На вечном холодном льду. Все притихли, но заснуть невозможно.

– Валера! Ольшанский! – окликает Андреев.

– Что?

– Что бы ты сейчас поел?

– Гера, не надо об этом.

– Гера, спроси меня, – голос Меньщикова.

– Ну, а ты?

– Пожалуй, я бы не отказался от отбивной котлетки. Отбивная котлета на косточке. И косточка обернута салфеткой.

– Эстет! – восхищается Андреев, – Но отбивная – это не совсем то. Вот утка с черносливом, из духовки, румяненная, а?

– Гера, я просил тебя! – стонет Ольшанский.

– Жека, как ты насчет уточки? – не обращая внимания на стоны Ольшанского, продолжает Андреев.

Ага, и до меня добрался. Но я не потерплю это издевательство. Это же садизм, настоящий садизм. Я тебе сейчас покажу.

– Уточка, говоришь? Уточка – неплохо. А как насчет свежей картошечки? Кругленькой, обжаренной со всех сторон? И чтобы еще рыжички. Соленые рыжички. Маленькие такие, величиной с пуговку. Со сметаной. И хлеб ржаной с шершавой коркой, испеченный в русской печи. А корку чесночком натереть.

– Так ты и до ста грамм договоришься.

– Гера! – умоляет Ольшанский, зарываясь в мешок.

– Валера, а ты тоже думай о еде. Смотришь, и насытишься. Один американец, я читал, не ел пятьдесят два дня.

– Заливай больше.

– Точно. Правда, ему пить давали, и пульс врачи проверяли, – бессовестно врет Андреев.

– Сюда бы того американца.

– Ладно, парни. Поговорим тогда о женщинах.

– Гера, у меня предложение, – откликается Меньщиков.

– Какое?

– Предлагаю о женщинах подумать самостоятельно. По мере сил.

– Согласен.

Посмеяться бы. Мы замолкаем. Каждый пытается уснуть.

Я вспоминаю разные приемы аутотренинга. Надо вызвать видение леса, потом луга, и чтоб появились цветы, желательно желтые. Но вместо луга какая-то фиолетовая осока. Мерзнет бок. Я переворачиваюсь. Вздыхая, переворачивается и Ольшанский. Кашлянул Меньщиков. Никто не спит.

– Где же сейчас вспомогатели? – нарушает молчание Андреев.

– Может, на этом же гребне, – говорит Меньщиков.

Снова замолкаем. Рваные куски полузабытья. Переворачивания, кашель. Под утро меняем с Ольшанским местами. Становится чуть-чуть теплее, и я забываюсь. Но вскоре судорога сводит мокрые ноги. Скорей бы рассвет. Завтра, точнее уже сегодня, дойдем до «заброски».

Сон все же взял свое. Встали поздно. Сегодня 6 августа, одиннадцатый день восхождения. Сегодня Гере 28 лет. Но на лице его нет и намек на радость. Мы поздравляем его и начинаем собираться. Надо лезть вверх. Есть не хочется. Даже странно. Неужели чувство голода атрофировалось? И только слабость дает себя знать. По заснеженным, довольно опасным скалам с трудом вылезаем на острую часть гребня. Теперь влево. Видимость метров пятнадцать. Медленный танец снега в густом молоке тумана. Справа снежные карнизы, под которыми триста метров до «седла». Слева – ставший очень крутым ледовый склон к «аэродрому», жуткий склиз. Шагнешь вправо – упорхнешь с карнизом на «седло». Шагнешь влево – слетишь на «аэродром». Лезвие бритвы!

Обе веревки мы связали в одну. Идем «цугом», ступая след в след, вытянувшись на всю длину веревок. Если один из нас сорвется – можно успеть задержать. Первым сегодня иду я. Интуиция выручает лучше прибора. Кто мне ее подарил? Вот ступня левой ноги ощущает увеличение крутизны – значит, я отклонился влево, на склон. Вот ступня правой ощущает выполаживание – значит, отклонился вправо, захожу на карниз. Некая магнитная стрелка балансирует внутри меня.

Склон. Карниз. «Стрелка». Склон. Карниз. «Стрелка»...Потеряю «стрелку» – полечу. Нет, нет, «Стрелка» не подводит...

Извилистой змеей возникает у ног трещина чуть правее меня. Глухой шум. Обвал! Падаю, вонзая ледоруб в снег. Шум перерастает в громовой гул. Оглядываюсь. Вижу лежащего Ольшанского. Он шел вторым.

– Гера! – это голос Меньщикова.

– Гера сорвался! – кричит мне Ольшанский.

– Веревка цела?

– Цела!

– Я страхую тебя! Закрепись!

Ольшанский, лежа, загоняет ледоруб глубже в снег и закрепляет на нем петлю от своей груди. Молодец, Валера!

– Готово! – кричит он.

Я быстро подхожу к нему и делаю себе самостраховку. Теперь тащить. Вдвоем тянем веревку от Андреева. Меньщиков не виден, но он тоже тянет. Над краем обрыва показывается голова Андреева, запорошенная снегом. Он цепляется клювом ледоруба за гребень.

– Не тяните!

Веревка, видимо, сильно сдавила его. Слышно, как он тяжело дышит. Чуть-чуть ослабляем веревку.

– Жека, держи веревку. Я помогу ему, – говорит Ольшанский и спешит к Андрееву, помогает ему вылезть. Гера плашмя лежит несколько секунд на снегу. Из тумана подходит Меньщиков. Андреев, шатаясь, встает. Мы снимаем с него рюкзак, и он плюхается на него.

– Ну, Гера, второй раз родился.

– Долго жить будешь.

– Гера, ты что, на карниз ступил?

– Да нет. Тронул чуть-чуть ледорубом снег справа и тут же поехал.

– А если б еще кто-то?

– Двое не удержали бы двоих.

Только сейчас ощущаем ужас того, что не произошло, но могло произойти.

Немного отойдя от стресса, возобновляем движение. Первым идет Меньщиков. Глухой шум. Снова обвал! Падаем на снег. Все на гребне. Это Меньщиков теперь потрогал справа от себя снег. Какое-то наваждение. Опасность преследует нас. Идти все тяжелее. Но появившиеся впереди предвершинные скалы всеяют надежду. На вершине... Только бы дойти до нее. Проклятые обвалы! Совсем нет сил. Почему Ольшанский так тянет веревку? Ага, карнизы кончились. Начались скалы. Становится виден крутой склон к «седлу». Облака разнесло. Андреев кричит Меньщикову остановиться, и Валера садится. Мы подходим и тоже садимся. Поднимается ветер. Привал не в радость.

– Гера, пойдем, – говорит Меньщиков.

– Давай, пойдем.

Начинается изнурительное лазание по скалам. Близится вечер. Скорее, скорее! Ожидание вершины помогает идти. Только она, наша спасительница.

Тур виден издали. Меньщиков первым подходит к нему. Снимает рюкзак. Садится на корточках, берет первый камень из тура и аккуратно кладет рядом с собой, затем второй, третий... Мы подходим и молча наблюдаем. В углублении между камнями заржавевшая консервная баночка. В ней что-то, завернутое в целлофан. Меньщиков разворачивает и достает пожелтевшую бумажку. Не читая, передает Андрееву.

– Гера, держи.

Лицо Андреева – спрессованный бурый комок. Глаза смертельно устали.

– «Заброски» нет, значит, – тихо говорит он.

Никто не произносит ни слова. Андреев разворачивает записку и читает.

– 53-й год. Экспедиция Казаковой.

Он прячет трепещущий листок во внутренний карман пуховки, достает блокнот и, повернувшись спиной к ветру, пишет нашу записку. Смеркается. Ветер звереет. Сильно мерзнут ноги.

– Валера, положи в тур, – Андреев протягивает записку Меньщикову. Меньщиков заворачивает ее в тот же целлофан, кладет в ту же баночку и медленно, словно в раздумье, закла-

дывает камнями. Ветер яростно рвет его штормовку. Закончив, Меньщиков садится на свой рюкзак. Тягостное молчание охватывает нас. Что будем делать?

– Что будем делать? – произносит Андреев.

– Палатку ставить, – говорит Ольшанский.

– Околеем.

– На «седло» в темноте не спуститься, сорвемся.

Андреев не отвечает. Меньщиков затягивает капюшон штормовки и обхватывает руками колени, наклоняет голову. Какое решение более правильное? Нет такого решения.

– Спускаемся, – говорит Андреев.

– Как будем спускаться?

– Как положено. Кошки наденем.

– Веревки развязываем?

– Нет.

До «седла» метров четыреста. Большая часть склона – лед градусов под 60. Чуть ниже середины – небольшой скальный остров.

Достаем из рюкзаков кошки. Надо притянуть их к подошвам ботинок. Обледеневшие ремешки не лезут в замки. Пальцы не слушаются. Перетянутые ступни немеют. Элементарный прием проделываем не менее чем за двадцать минут. Пока возимся, становится совсем темно.

– Кто идет первым? – спрашивает Меньщиков.

Андреев отвечает не сразу. Решает, кому спускаться последним, то есть на нижней страховке. Спускаться последнему – опаснее всего. В случае срыва он летит как минимум до ближайшего крюка. Если страхующий снизу успеет выбрать слабинку веревки, то сорвавшийся остановится недалеко от крюка. Если нет – «сквозит» ниже, набирая скорость. Это всем ясно.

Ветер совсем осатанел. Он выдирает из-под штормовок последние крохи тепла. Ноги уже ничего не чувствуют. Нельзя сидеть! Двигаться, надо скорее двигаться!

– Первым спускается Ольшанский. За ним я. За мной Жека. Ты последним. На нижней страховке. Ты понял? – обращается он к Меньщикову.

– Да.

– На нижней страховке, – повторяет Андреев.

– Валера, пошел, – это Ольшанскому.

И вот мы все оказываемся на облизанном ветрами крутом льду. Я стою рядом с Меньщиковым у крюка. Внизу, тридцатью метрами ниже, должны быть Андреев с Ольшанским. Сейчас пойду я.

– Быстрей, Жека. – говорит Меньщиков.

Я вижу, как он дрожит.

– Смотри, без моей команды не спускайся. Осторожней, Валера.

– Давай быстрей.

Я отщелкиваюсь от крюка и, держась за веревку, спускаюсь в темноту. У камня, выступающего изо льда, стоит Андреев и страхует через камень Ольшанского, находящегося ниже. Но веревка запутывается. Андреев распутывает ее, а я набрасываю на этот же камень веревку от Меньщикова. Меньщиков вывернул изо льда крюк и ждет команду.

– Валера, пошел! – кричит Андреев Ольшанскому и тут же: – Валера сорвался!

Меньщиков! Черный комок, переворачиваясь, летит вниз. Искры! Это кошки о камни! Судорожно выбираем веревку. Не успеваем! Комок проносится мимо в темную бездну, и она поглощает его. Страшный рывок. Веревка обжигает ладони и натягивается. Тишина до ломоты в ушах. Что с Валерой? Закрепляем за камень веревку. Господи!..

– Ребята, скорей... – еле-еле доносится снизу.

– Я пошел. Держись, – говорит мне Андреев и по веревке быстро скользит вниз, в темноту.

Я остаюсь у камня. Что с Меньщиковым? Зубы, не подчиняясь воле, начинают ожесточенно стучать. Надо дожждаться команды Андреева. Он сейчас там. Может, мне тоже спускаться? Нельзя. Возможно, веревка будет там нужна сейчас, и я должен отвязать ее от камня и идти вниз на нижней страховке. Но только по команде. Что с Валерой? Пальцы рук страшно мерзнут. Отпускаюсь одной рукой от камня и пытаюсь согреть

пальцы другой во рту. Сколько прошло времени? Проклятый ветер! Тебя бы хоть не было! Валере нужны сейчас покой и тепло. Это невозможно! Что такое? Камень идет на меня! Нет, нет, показалось. Надо погреть вторую руку. Почему молчит Андреев? Может, крикнуть? Нельзя. Что с моими ногами? Я совсем их не чувствую! Кончится или нет этот ад? А что, если Меньщиков... Нет, нет, нет. Он же позвал. Ну что же там? Камень снова идет в мою сторону. Сейчас полечу. Сорву их. Нельзя! Камень останавливается.

– Жека, спускайся! – доносится слабый голос Андреева. Мне что ли? Да. Я ведь Жека. Надо спускаться. Как? Ни ног, ни рук. Что вначале сделать? Надо прищелкнуться к веревке. На поясе запасной карабин. Прижимаю к веревке карабин, теперь надо продавить веревку в муфту. Ничего не выходит. Пальцы не слушаются. Почему я сразу не сделал этого! Вот, наконец, получилось. Теперь надо отстегнуть от груди само-страховочный конец, связывающий меня с камнем. Для этого требуется раскрутить муфту на карабине, а потом вытащить узел. Это значительно сложнее. Но сколько можно возиться? Злость помогает наконец произвести элементарное действие. Ну вот, теперь все. Теперь вниз, держась за веревку. Не получится. Пальцы! Я обнимаю, обкручиваю вокруг руки веревку и еду вниз...

Очень узкая полка. На ней мешком висит палатка, закрепленная на скале. Меньщиков сидит с забинтованной головой. Рядом стоят Андреев с Ольшанским.

– Валера, как ты?

– Жека, не беспокой его. Снимай рюкзак. Ляжете с Валерой Ольшанским вниз, боком друг к другу. На вас я положу Валеру. Сам как-нибудь. Подождите, дам спирту.

– У Валеры глаз вытек, – наклонившись ко мне, шепчет Ольшанский.

Андреев раздает обжигающие глотки.

Всходит полная луна. Жуткую картину являют горы. Лимонные пики. Чернильные тени на склонах.

– Гера, надо ракету красную дать.

– Улетели ракеты. С Валеркиным рюкзаком. Залезайте в палатку. Кошки снимите, Жека.

Но кошки снять невозможно.

– Гера, помоги.

Андреев помогает мне освободиться от стягивающих ремней, и кровь начинает приливать к ступням. О, мама! Я готов выть от боли. Залезаю в палатку-мешок и ложусь рядом с Ольшанским. Ноги наполовину торчат из палатки. На нас медленно забирается Меньщиков. Андреев пристраивается непонятно как. Но вначале он стаскивает с Меньщикова ботинки и растирает ему спиртом пальцы.

– Все, спирт кончился.

Меньщиков изредка стонет. Андреев прикрыл его своей пуховкой. Страшно неудобно лежать. Терпим. Ноги немеют.

– Гера, может, перевернемся?

– Можно. Только не спешите. Я помогу Валере.

Кое-как переворачиваемся. Терпим. Но сон побеждает. Мертвецкий сон после всего пережитого.

Утро. Наша палатка нагрелась от солнца, и мы вылезаем из нее. На небе ни облачка. Прямо перед нами Восточная вершина, а ниже, совсем как будто близко – «седло».

– Валера, давай перевяжу, – говорит Андреев Меньщикову. Он медленно снимает окровавленный бинт с его головы. Валера мужественно терпит.

– Э, да у тебя тут все запеклось.

– Осторожней!

– Потерпи чуть-чуть. Вот так... Глаз, кажется, цел. Но под ним все разорвано. Сейчас завяжу новым бинтом. Будешь пока одноглазым. Сильно болит?

– Есть немного.

– Потерпи.

Скалы, где мы находимся, позволяют разместиться на отдельных камнях, и мы вытаскиваем все наши мокрые вещи, раскладываем на просушку. Тряпичный «базарчик». Меньщиков движется. Значит, все обойдется. Я делаю воду. Из нашей закопченной кастрюли выгребаю старую чайную заварку

и сохраняю ее. Между камней сверкает снег, и я набиваю его в кастрюлю, а сверху кладу заварку и разравниваю ее. Выставляю кастрюлю на солнце.

Мы сидим на солнышке и греемся, как мокрые потрепанные воробы. Ни ветра, ни снега в лицо. И все-все видно. «Седло» плавно понижается к югу. Где-то там рождается Катунь – «хозяйка» Горного Алтая. На севере видна резкая линия обрыва, где «седло» сменяется Аккемской стеной. За линией обрыва вдали – цепь вершин. А главная вершина Алтая – как на ладони.

– Жека, посмотри, не натаяло ли, – говорит Андреев. Снег в кастрюле осел, и под ним образовалось немного воды. Прижимая ладонью снег, сливаю талую воду в кружку. Почти полкружки. Протягиваю Меньщикову. Его разбитые губы распухли. Он прикасается ими к краю кружки и маленькими глоточками отпивает четвертую часть воды. Незабинтованный глаз Валеры повлажнел. Меньщиков передает кружку Ольшанскому. Ольшанский достает из кармана сбереженную крошку шоколада, откусывает от нее и запивает, а остаточек снова прячет. Теперь кружка у Андреева. Он долго смотрит в нее, словно прикидывает цену, берет глоток в рот, держит во рту и проглатывает. Теперь моя очередь. Как сильно хочется пить. Два дня не пили, сосали ледышки. Бесценный глоток испаряется внутри меня. Ничего, скоро еще попьем.

– Валера, как ты сорвался? – спрашивает Андреев.

– Я вывернул крюк и ждал команды. Сильно замерз, ног не чувствовал. Потом услышал, что ты сказал: «Валера, пошел!»

– Так это я Ольшанскому крикнул.

– Я подумал, мне. Начал спускаться и полетел. Тут же «вырубился». Очнулся от удара.

– Ох, и летел!

– Представляю.

– Метров шестьдесят.

Я слушаю, а сам гляжу на Восточную вершину. Среди скал на ее гребне черные точки. Как будто бы они смещаются. Не может быть! Пока молчу. Вдруг мне мерещится. Вон, между

двумя зубцами на снежном галстукe три точки. А было две. Снова две. Люди!

– Ребята, люди!

– Где? Врешь!

– Смотрите, смотрите! На Восточной Белухе! На гребне!

Черные точки! Смотрите, перемещаются!

– Ничего не видно, тебе показалось.

– Нет, не показалось! Смотрите правее и ниже вершины, туда, где два зубца такие торчат!

– Я тоже вижу! – кричит Ольшанский.

– Точно. Теперь и я вижу, – говорит Андреев.

– Надо дать им знать.

– Как?

– Кричать будем. Шесть раз в минуту. Сигнал «SOS».

– Давайте вместе. Гера, командуй.

– Начали!

– Э-э-э-э-э-э!

– Теперь молчим минуту.

Стекло́нная тишина покальывает в ушах.

– Приготовились. Начали!

– Э-э-э-э-э-э!

Так мы повторяем несколько раз. Теперь надо слушать. Тихо. Звонит высота. Или это кровь в висках? Снова кричим, пока из глоток не появляются хрипы.

– Бесполезно. Далеко, – говорит Андреев.

– Тихо! Замолкли! – приказываю я.

Словно свист ветра. Словно воспоминание о звуке. Но я что-то слышал. Нет, показалось. Нет, опять. Еле-еле. Да, это нам кричат.

– Все слышали?

– Да. Но они не видят нас.

– Это верно.

– Может на снег выйти?

– Свалимся. И так еле сидим.

– Давайте махать. У меня красная куртка.

Я беру свою куртку от хоккейного костюма и машу ею из стороны в сторону.

– Жека, хватит, – останавливает Андреев.

Мы сидим, выжатые до предела. Пока кричали, совсем выдохлись. Вот когда окончательно пришла слабость. Приторно-сладкое бессилие. Ничего не надо. Только сидеть на солнышке. Ольшанский гладит свои пальцы.

Незабинтованная часть лица Меньщикова бледна, несмотря на обгоревшую кожу. В здоровом глазу сплошная боль. Андреев почему-то смотрит вниз. Лицо его совсем почернело. На носу, щеках и ушах лохмотьями старая, отмершая кожа. На губах струпь. Брови еще сильнее надвинулись на глаза.

– Надо спускаться, – произносит он.

Легко сказать. На чем спускаться? Андреев поднимает голову и смотрит вверх. Туда, откуда свисает веревка, спасшая жизнь. Веревка нужна снова. Если сейчас не выйдем на снег, нас могут так и не увидеть. Сейчас он скажет, что надо лезть вверх и снимать веревку. Кому лезть? Неужели мне? Почему мне, а не другому? Потому что Меньщиков отпадает. Ольшанский. Но у него пальцы. Сам Андреев? Сам он должен быть здесь, рядом с пострадавшим. Значит, мне. Но я не смогу. Я действительно не смогу. Последний запас сил остался там, у того камня ночью. Ничего больше нет. Так и скажу. Андреев смотрит на меня и молчит. Почему молчит?

– Жека, надо снять веревку, – тихо говорит он.

В голосе суровая необходимость. Все взвешено. Но как наскрести волю? Разве она еще есть? Вначале надо дотянуться до ботинок и начать обуваться. Они сохнут справа выше меня на камне. Чтобы дотянуться, надо привстать. Ну! Упираюсь руками в камень и приподнимаюсь. Это начало. Притягиваю ботинки. Медленно и вяло зашнуровываю. Затем с трудом надеваю страховочный пояс, сверху штормовку, шапочку на голову. Теперь надо вставать и идти к веревке. Встаю и делаю первые шаги, как делает их человек после долгой болезни.

– Жека, стой!

Андреев выбрасывает из кастрюли остатки заварки. Наливает кружку талой воды. Затем достает целлофановый пакет и из него круглую банку из-под киноплёнки. Снимает с нее резинку, открывает и роется среди таблеток. Находит три. Мы молча следим за его действиями. Допинг? Одну из таблеток он делит пополам и протягивает половинки Меньшикову и Ольшанскому, передает кружку с водой. Себе и мне оставляет по целой таблетке. Все ясно. Мне лезть. Ему страховать и все остальное. Глотаю таблетку и запиваю. Жду чуда. Прилива сил, возбуждения. Но ничего подобного не ощущаю.

– Жека, вверх иди на «схватывающем», нагружай веревку. У камня пристегнешь конец веревки к себе и будешь спускаться на нижней страховке. Я буду страховать.

Андреев натягивает нижний конец веревки, и я передвигаю по ней «схватывающий». Опираюсь рукой на ближайший камень. Какая слабость. Дохлый куренок. Ну, пошел же! Лезу или ползу? Начинают кружиться скалы. Останавливаюсь и закрываю глаза. Что за таблетку он дал? Кажется, еще хуже стало. Кружение прекращается. Снова лезу. Вверху недалеко выступ скалы. Похоже, плоский сверху. Как-то надо на него. Там можно посидеть. Берусь за веревку двумя руками, передвигаю «схватывающий», переставляю ноги. Сердце вот-вот выскочит! Выступ уходит вправо, и ноги проскальзывают. Срыв! «Схватывающий» затягивается, и я повисаю на куске репшура. Страховочный пояс сдавливает грудь, дышать становится трудно, в глазах темнеет. Неужели Андреев дал какую-то простую таблетку? Царапаясь зубцами ботинок по льду, кое-как подтягиваюсь по веревке, ослабляю «схватывающий». Как стучит в висках! Может, если бы Андреев не дал таблетку, я совсем не смог бы идти? Еще два шага до выступа. Ага, вот. Я хватаюсь за шершавый край. Ну, слава богу. Вылезаю на выступ и сижу, закрыв вначале глаза. Жду, когда успокоится сердце. Где же конец веревки? Еще метров пятнадцать вверх. Вон и камень, на котором она закреплена. Ночью там был адский холод. А сейчас так хорошо, так тепло. Посидеть, погреться. Но почему я так долго лезу? Меня ведь ждут. Ин-

тересно, как на них таблетки подействовали? Пошел! Берусь за веревку и вижу на ней красный след. Что такое? А... Это от ладони, ободрал ее, наверное, когда сорвался. Перехватываюсь по веревке. Пять шагов. Отдохнуть. Еще пять шагов. Снова кружатся скалы. Черт с ними! Не останавливаться! Камень близко! Ну, еще немного! Дотягиваюсь рукой до петли на камне и в изнеможении падаю на него. Бешено бьется сердце. Камень жизни! Здравствуй, милый! Я тебя никогда не забуду! Ты такой крепкий, такой верный! Вокруг тебя подтаяла кромка льда. Чуть-чуть подтаяла. Значит, ты не такой уж холодный, как я думал вчера. Ты молчишь. Но ты же слышишь меня. Сейчас я отдохну у тебя, совсем немножко отдохну и буду спускаться.

Я глажу камень рукой. Становится словно легче. Как спускаться? Страховка нижняя. Сорвусь – лечу до Андреева. Нет, ниже. Прикрепляю конец веревки к страховочному поясу. Снимаю петлю с камня. Андреев выбирает слабинку, и веревка своим весом начинает тянуть меня вниз. Так не хочется расставаться с камнем. За что держаться? Вдруг опять все начнет кружиться.

Первый шаг вниз. Какой я легкий! Но главное – сохранить равновесие. Это же просто. Точно поставить ногу. Опереться руками, поставить вторую. Только не торопиться. Спокойно, спокойно. Вот маленький камушек торчит изо льда. Правой рукой за него. Две фаланги умецаются. Можно опустить ногу ниже. Все будет хорошо. Все должно быть хорошо. Скалы ведь не кружатся! Вот плоский выступ. Можно передохнуть. Нет, нет, не стану останавливаться. Главное – не потерять спокойствие. Я такой легкий. До Андреева совсем немного. Теперь перенести центр тяжести на этот вот камушек. Так. Теперь на тот. Еще немного. Вот и Андреев. Он придерживает меня.

– Ну, Жека, если бы ты сорвался...

Гляжу на него.

– Страховка сопливая. Для блезиру. Вместе бы улетели.

– Нельзя было срыватьсь.

– Нельзя, Жека.

Что-то дрожит в его голосе. Или мне показалось?

Связываем все имеющиеся веревки и репшнуры, закрепляем конец и сбрасываем вниз. Веревка, развиваясь, вытягивается, но до «седла» не достает. Остается метров пятьдесят крутого снежника. Съедем без веревки. Склон чистый. «Бергшрунда» – трещины, разделяющей обычно склон и ледник – не видать. Собираем рюкзаки. Вначале спускаемся по связанным веревкам, а затем садимся на снег и вылетаем на «седло». Чуть дальше от нас лежит рюкзак Меньщикова. Валера бредет к нему, копается в нем и достает две красные ракеты с ракетницей, передает Андрееву. Андреев, не снимая своего рюкзака, выпуливает их одну за другой. Ракеты почти не видны в сияющем просторе. Но хлопок выстрела должен быть слышен далеко. Да мы и так хорошо видны на снегу.

С гребня Восточной вершины уже спускаются люди. Первая двойка. Теперь совсем немного ждать. Мы располагаем палатку входом к Восточной вершине. Забираемся в палатку и лежа наблюдаем за теми, кто спешит к нам. Наконец-то можно по-настоящему расслабиться. Впереди долгожданная встреча. Их шесть человек. Три связки. Первая уже на середине склона. А ниже, где склон смыкается с «седлом», изгибается широкий «бергшрунд». Ширина, наверное, не менее четырех метров, а глубина – десяти. Верхний край трещины значительно смещен относительно нижнего. Всегда жутко, когда заглядываешь в такую трещину и видишь гладкие затемненные стенки.

Последняя связка почему-то спускается не там, где первые две. Вдруг что-то происходит. Верхний участник последней связки, кажется, поскользнулся. Да, он упал и скользит вниз. Скорость нарастает. Видимо, круто. Его напарник тоже срывается. Это первый сдернул его. Но скорость первого в момент срыва второго уменьшилась, и он на какое-то мгновение задерживается. Но теперь уже второй сдергивает его, а сам останавливается, так как скорость его гасится при рывке. Его сдергивает теперь верхний. Какой-то жуткий челнок. Но вот оба скользят с большой скоростью. Сейчас «бергшрунд».

Близится развязка. Страшное ругательство вырывается из уст Андреева. Мы немеем. Перед «бергшрудом» обоих сорвавшихся подбрасывает, и, описав большие дуги, они перелетают через него, зарываются в снежный нанос и в неестественном положении едут вместе с ним. Останавливаются. Пытаются встать и не могут. Видно, мокрый тяжелый снег сильно уплотнил их. Но вот они выкарабкиваются. Сидят какое-то время. Слава богу. Пронесло. Придя в себя, разматывают запутавшуюся веревку и, смотав ее в кольца, топают к нам, проваливаясь по колено в снегу. Их товарищи осторожно подходят к «бергшруду», разведывают, где поуже, и перепрыгивают, страхуя друг друга.

Уже различимы лица. Первыми к нам подходят Виталий Хижняк и Саша Иванов. Это они сорвались. Несмотря на виртуозное падение, на носу у Хычи сохранился пластырь, защищающий от солнца. За ними спешат Валя Слюсарчук и Леша Спиридонов. Последними Сережа Лобанов и Юра Брусов. Все улыбаются. Какие прекрасные лица! Счастливая встреча! Нас обнимают, на нас обрушивают ворох вопросов. Все говорят сразу. Мне кажется, что я плачу. От радости, от счастья жизни. Валя Слюсарчук достает из своего рюкзака сухие шерстяные носки, нежно улыбается и помогает мне надеть их. Другие возьмется с Меньщиковым и Ольшанским. И только Андрееву не требуется помощь. Уже гудит примус, натянута вторая палатка.

И вот оно, блаженство – горячий, крепкий, ароматный, сладкий чай! Самый прекрасный напиток из всех напитков земли!

И манная каша с небесным вкусом! И сухари – концентрат чудесного хлеба с теплых полей! Больше у ребят ничего нет. Но все это – бесценно!

Постепенно всплески чувств стихают, разговоры становятся спокойнее и последовательнее.

– Откуда вы идете? – спрашивает Андреев руководителя группы Виталия Хижняка.

– Сейчас из базового. Уже второй раз на Восточной Белухе.

– Как – второй?

– А так. Первый раз поднялись по плану и спустились на ледник Мен-Су, ждали там группу Гиша. Просидели неделю, вымокли все, продукты кончаются, никого нет, решили пойти в базовый. На перевале Аккем встретили Гиша.

– А они куда шли?

– На Восточную Белуху, вам навстречу.

– Так они были на ней?

– Да.

...Выразительное молчание. Все встает на свои места.

– Если б вы не пришли... – начинает Андреев и снова замолкает.

– Почему вы пошли к нам? – наконец спрашивает он.

– Так вас же нет. И связи нет. Ну, мы и рванули к вам.

Благородный поступок Хижняка спас наши жизни.

Весь остаток дня мы делимся впечатлениями. Сегодня отдыхаем. А завтра вместе будем подниматься на Восточную вершину. Все хорошо. Теперь мы дойдем. Лишь бы выдержал глаз у Меньщикова.

Все вместе идем на Восточную вершину. Темп медленный, но ровный. Наша четверка идет первой. За нами без разрыва группа Хижняка. Идти, конечно, очень тяжело. Сказывается истощение. Но наше моральное состояние теперь высокое. Стало веселее, увереннее. Теперь мы не одни, и путь ясен. И более половины пути уже пройдено.

Идем с «седла» на гребень. Идем по пути первовосходителей – братьев Троновых. Здесь в 1914 году поднимались они в валенках и полушубках, с альпенштоками в руках. Троновы были еще совсем молоды, и еще не началась первая мировая война. Михаил Владимирович еще жив и здоров, работает в Томском университете, заведует кафедрой. Маленький сухонький старичок. Я видел его четыре года назад в альпланере «Ак-Тру» на Алтае, где базировалась возглавляемая им гляциологическая экспедиция. Каждый вечер альпинисты лагеря собирались у большого костра и пели песни. Подходил и Михаил Владимирович. Ему уступали местечко получше, и он подолгу сидел с нами.

Воспоминания помогают переносить тяжесть подъема. Целых два часа поднимаемся на перемычку в гребне. Теперь путь по скалам, достаточно простым в техническом отношении, к самой вершине. Участки, где требуется попеременная страховка, перемежаются с участками, где можно идти одновременно. Это типичный «двоечный» маршрут, не представляющий труда для альпинистов, находящихся в спортивной форме. Технически мы делаем все правильно, но только очень уж медленно. Наши друзья, идущие сзади, не пытаются выйти вперед. Они тоже устали, но, без сомнения, могут идти быстрее. Действует одно из самых этичных правил альпинизма – темп группы определяется темпом слабого.

И вот цель совсем близка. Сердце наполняется радостью. Как ни прекрасны мгновения на вершине, как ни велика гордость за восхождение вниз, после спуска, все же лучшие, самые счастливые минуты, самое острое ощущение – минуты подхода к вершине. Она совсем близко! Последние шаги! Забывается усталость, хотя частое, тяжелое дыхание вырывается из груди и кровь зубилом долбит в виски. Еще каких-то десять метров! Товарищ по связке уже на вершине. Вот она! Чувство необычайного облегчения, эйфория, экстаз победы. Ради этого стоит жить. С этим можно теперь жить. Что бы ни было дальше в жизни, всегда можно будет оглянуться на эту вершину. Мы находимся выше всего Алтая, огромного, чистого, нетронутого. Песчинки в этом вздыбленном мире. А может, мы молекулы Родины?

Великолепная панорама открывается нам. Вдали на севере – темный оком тайги, Аккемское озеро, домик метеостанции. Под нами ледник Родзевича. Круто взлетают над ним ребра пика XX лет Октября. Вон и наше «ребрышко». Восемь суток подряд...

Все улыбаются. Радостные, легкие, шутливые восклицания. Из тура извлекается барельеф Сталина – небольшая тарелочка с выпуклым изображением вождя. Тарелочка переходит из рук в руки. Достается целый комплект записок: 1937 года – группы альпинистов обществ «Спринт», «Строитель

Востока», «Металлург» и 1953 года – группы ВЦСПС, которую возглавляла Елена Казакова.

Наши друзья ставят две палатки на снегу чуть ниже вершины, в удобном месте, защищенном от ветра. Палатки расположены входами друг к другу – «тандемом». Все так хорошо. Готовится скудный, но горячий ужин.

Утром я начинаю просыпаться до общего подъема. Какая прелесть в таком просыпании: можно все слышать и одновременно погружаться в прозрачные волны сна, время от времени всплывая к его поверхности. Где-то рядом гудит примус. И вдруг мы все резко и окончательно просыпаемся. Из соседней палатки летят вопли. Кто-то задел кастрюлю с какао, и она – кувырком – на Сережу Лобанова. Первые крики – крики сожаления, ведь это последнее какао. И только чуть позже начинаются сочувствия Сереже: он обжегся. Сережа от этого лишь сильнее злится.

Я выбираюсь из палатки и попадаю в чудо. Под нами бесконечное море облаков, залитое солнцем. Белая пена покрыла все, и земля утонула под ней. И лишь сверкающие шлемы вершин, как островки, плавают в этом море. И мы на одном из таких островков.

Легкий толчок в плечо прерывает мои мечтания. Это Андреев. Он улыбается.

– Идем, сфотографируемся перед выходом.

Надев рюкзаки, мы стоим на вершине. Хижняк щелкает нас из разных фотоаппаратов, заставляя менять позы. Андреев держит вымпел, на одной стороне которого белый буревестник раскинул крылья, а на другой – слова посвящения 60-летию КПСС. Гера улыбается. Козырек его вязаной шапочки отбрасывает тень на глаза. Меньщиков, выпросив у меня темные мотоциклетные очки, прикрывает ими бинт. Но белый уголок по-предательски выглядывает из-под очков. Ольшанский становится на колени и щурится на солнце, собрав лоб в морщины. Оставив в туре записку с вымпелом, идем по гребню на пик Делоне.

Гребень на Делоне хорошо виден. В сторону ледника Мен-Су с гребня нависают гигантские карнизы, словно роскошные кружева. В другую сторону – крутые снежные склоны, переходящие в вертикальные сбросы. Складки гребня создают впечатление лабиринта.

Осторожно обходим карнизы, тщательно страхуя друг друга, оставляя на сверкающем снегу цепочку следов. Наши тени, удлинённые за счет крутизны, словно столбы, движутся за нами. Карнизы кончаются, и мы подходим к скалам, выводящим на вершину. Решаем обойти их по твердому фирну, надеваем кошки. Не снимая их, заходим на саму вершину, на которой нагромождения крупных обломков скал. Вид с вершины превосходный, но он уже не радует, слишком велика усталость. Все страшно голодно. Мысли только о завершении маршрута. Валя Слюсарчук раздает всем по одной шоколадной конфете. Никогда не думал, что так много сил может дать одна конфета. Истощенный организм мгновенно выхватывает из нее все калории, и я чувствую себя сразу сильнее.

Ночуем на неудобном скальном пяточке, к которому подходим по неприятному натечному льду, вырубая ступени. И вот наступает последний, пятнадцатый день восхождения. Спуск с Делоне довольно опасен, гребень узок. Приходится забивать крючья, рубить ступени, не делая скидок на усталость. Слишком много альпинистов погибло именно на спусках. Когда пройдена самая трудная часть маршрута, кажется, что все опасности позади, воля расслабляется и теряется бдительность. Нельзя спешить!

Уже высоко над нами возвышается пик. Уже близок перевал Аккем. Еще, еще немного! Последние скалы, последняя страховка. Ровный снег перевала. Спуск с него не представляет опасности, и, опираясь на ледорубы, мы «глиссируем» и быстро оказываемся на верхней части ледника.

Мы на леднике! Оглядываемся наверх. Громада Делоне закрывает вершины Белухи. Не видно ни «седла», ни «аэродрома». Только прямо на западе – корона XX лет Октября. Что осталось наверху? Целая жизнь. Еще не скоро все уляжется в

сознании, и долго будут впиваться в обмороженные ступни сотни иголок. Но мы чувствуем, что сделано что-то большое, может быть, очень большое. Больше, чем просто спортивное восхождение. Мы боролись за победу и боролись за жизнь. И помогали друг другу. И потому, что мы были вместе, мы теперь здесь.

Ледник, словно широкая белая река, уходит вниз на запад и там поворачивает на север. Ноздреватый, засыпанный камнями лед. Совершенно чистое небо и совершенно пустой желудок. Еще шагать и шагать. Вниз – не вверх. Но и вниз не просто. Я загадываю себе ближайшую цель – маленький бугорок впереди. До бугорка метров сто. Около ста пятидесяти шагов. Считаю десятки шагов. Вот и бугорок. Теперь впереди замечаю трещину и прикидываю расстояние до нее. Трещина все ближе и ближе. Надо ее перепрыгивать. Собираю в узелок оставшиеся силенки и перепрыгиваю, не задерживая друзей. Маленькие цели помогают двигаться. Нет никаких мыслей. Лишь бы дойти. Наверное, у языка ледника отдохнем. Лишь бы Андреев остановился. Ну вот и конец ледника. Гера останавливается, смотрит на нас, и пока не садится. Но видно, что он тоже смертельно устал. Сидим на больших камнях, скатившихся на лед. Двигаться не хочется. Даже разговаривать нет никаких сил. Остановиться бы, поставить палатку. Но до базового лагеря ходьбы не более часа. Всего какой-то один час! Даже не верится.

– Ну, штурмовики! Подъем! – через силу бодрится Андреев.

Кое-как поднимаемся и снова переставляем ноги. Выходим на морену. Тропы практически нет, сплошная чертоломина. Мелкие камни едут из-под ног, а средние качаются, и тогда теряется равновесие. Это страшно мучительно – терять равновесие! Проклятые камни! Я поднимаю голову и вижу флаг. Красный лепесток среди скал. А вот и речка перед лагерьем. Надо перепрыгивать по камням. За речкой подъем к лагерю. Перепрыгиваем, умудряясь не попасть в воду. Последние шаги. Последние десять метров. И тут силы окончательно отказывают. Я сажусь. Встать не могу.

– Жека, ты что?

– Я потом.

– Да осталось-то – ерунда!

Я молчу. Подбегают друзья....

И вот наконец все. Мы стоим напротив строя друзей. Чуть слышно трепещет флаг.

– Покорителям Белухи... Физкульт...привет! Физкульт...привет! Физкульт-привет! – троекратно поздравляют нас.

– Лагерю наш... – произносит Андреев.

– Привет! – подхватываем мы хриплыми голосами. Нас обнимают. Нам жмут руки. Нам подносят компот в кружках. Горячим теплом окружают каждого из нас.

Милый базовый лагерь! Никуда не надо идти. Зеленая травка. Палатки. Стол. На столе большая кастрюля с мясом. Молодая телятина. И ведро бульона. И лепешки. Целая гора еды!

– Парни, вам сейчас нельзя мясо, – говорит Саливон.

– Мы немного.

– Нисколько нельзя.

– Немного-то можно?

– Только чуть-чуть.

От еды невозможно оторваться. Наконец, мы расползаемся и падаем, обессиленные, на спальные мешки. Но вскоре резкие боли в животе скрючивают и выворачивают нутро. О, ужас! Надо было послушаться Саливона! Какие муки! Петя Фомин дает слабительное, нас пытаются отпоить чаем. Все напрасно! Только к ночи начинают стихать боли.

Первая ночь в абсолютном тепле. Сухой и мягкий спальный мешок. Легкий ветерок залетает в палатку. Темно и тихо. Только шум речки нарушает тишину ущелья. Речка ликует, удрав из ледяного плена Белухи. Ноют обмороженные ступни ног.

Пушистым облаком обволакивает сон. Но вскоре появляются обледеневшие скалы. Засыпанные снегом полки сменяются ледовыми ступенями. Натянутые веревки перекрещиваются в каком-то беспорядке. И весь этот жуткий калейдоскоп не дает ни остановиться, ни отдохнуть. Загорается факелом примус. Надо скорее уходить, но под ногами крутой лед, и

Меньщиков летит кувырком в темную пропасть. Палатка сдавливает нас, и легкие разрываются от удушья. Страшный мучительный кашель сотрясает меня. Я просыпаюсь. Я задыхаюсь от кашля. Исчезает все. Абсолютно все. Остается какой-то жуткий «треугольник». Натуга от кашля поднимает меня вверх по его боковой стороне. Не перевалю вершину дьявольского «треугольника» – умру. Вот вершина! Бесперывный, вытягивающий нутро кашель как будто отпускает меня, и я спускаюсь с вершины «треугольника» к основанию, и снова ползу вверх. Эти адские «треугольники» повторяются много раз, вконец измучивая меня.

На другой день после завтрака Петя Фомин оперирует Меньщикова. Валера выставил условие: никто из нас не должен находиться рядом и рассматривать. Он лежит на спальном мешке прямо на земле. Руки не привязаны. Валера мужественно терпит. Лицо и шея закрыты марлевой накладкой. Петя в маске. Он склоняется над поврежденной частью лица. Зашивает рану под глазом. Все нормально. Шов скоро заживет, побелеет. И останется на лице Валеры метка Белухи.

На разборе (анализе) восхождений Андреев скажет, что если бы группа Хижняка не вышла навстречу нам, было бы четыре трупа.

Кинооператор Мочалов предлагает закончить съемки начатого фильма. Ведь он снял только начало нашего восхождения. Значит, надо «ставить» восхождение. Мою роль будет «играть» Юра Брусов. Я чувствую себя плохо. Сильно распухли кисти рук. Пальцами не могу достать ладони. Юра надвинет шапочку на глаза, и никто из посторонних зрителей фильма не поймет, что «артист» сменился. Валера Меньщиков будет поворачиваться в сторону камеры только той стороной лица, на которой здоровый глаз...

У Меньщикова поднимается температура. Его тоже мучает кашель.

Принимается решение: завтра утром меня, Меньщикова и Васю Зекова отправить вниз в сопровождении врача. У Васи нарушилась координация. Товарищи по восхождениям

говорят, что, когда все прыгают через трещину, у Васи получается вбок, и он не однажды побывал в трещинах. Еще одна мучительная ночь с «треугольниками». Утром мы укладываем свои рюкзаки. Но до выхода фотографируемся всем составом. Наши главные фотографы – Виталий Хижняк, Гарик Скрябин и Дима Денисов настраивают аппараты на автоспуск и быстро, со смехом бегут к нам. Мы тоже смеемся. В меховых чунях до колен рядом со мной сидит Валерий Ольшанский. С другой стороны от меня Генрих Андреев, за ним, наклонив вбок голову – Валерий Меньщиков. Александр Мочалов, Борис Гусев, Юрий Саливон, Юрий Брусов, Василий Зеков, Валентин Слюсарчук, Анатолий Молодежников, Виталий Хижняк, Александр Иванов, Григорий Шварцман, Петр Фомин, Сергей Лобанов, Леонид Спиридонов, Владимир Сыркин, Василий Петренко, Вадим Денисов. Почти все улыбаются. Так и запечатлевает фотография чудесный миг нашей жизни.

Ковыляем по караванной тропе. Три «калеки» и врач. Остались позади базовый лагерь, Аккемское озеро и домик метеостанции. Перед входом в тайгу останавливаемся. Оглядываемся в последний раз на Белуху.

Что-то сжимается внутри. Яркая сверкающая кинолента уже тянется в прошлое.

Вот и первые лиственницы, стоящие в одиночку. Жилистые, истерзанные ветрами, их тела, как и наши, лишены жировой прослойки. Тайга обнимает, обволакивает густым воздухом, заволакивает могучим шумом. Деревья словно что-то хотят нам сказать, наклоняясь к тропе. Их корни переплетают тропу, давая опору нашим ногам. Торопится вниз, бурчит сердитый Аккем. Ни льда, ни снега, ни ветра. Как хорошо жить. Мы перемещаем свои тела по тропе, только душа все еще наверху.

Вечером на второй день подходим к Катуня. На противоположном берегу поселок Тюнгур. Могучая стремнина переносит наш паром, как перышко. И вот мы в поселке. Просимся переночевать. В избу нас не пускают, но разрешают использовать баню. Мы согласны. Хозяйка дома приносит нам чугунок молодой картошки. Новый день. Автомашина.

Чуйский тракт. Все ниже и ниже горы. Горно-Алтайск. Бийск. Купив на железнодорожном вокзале билеты, мы узнаем, где депо. Идем туда, чтобы попроситься в рабочий душ. Там неожиданно оказываются весы. Измеряем свой вес. У меня 62. До экспедиции было 78.

Стучат колеса. Мы все ближе и ближе к Томску. Скоро я встречусь с родными, приду на кафедру, где буду работать, поделюсь впечатлениями с друзьями и коллегами. И будет радостно найти отклик в душе людей. Но незримо будет присутствовать грусть – ведь все самое большое осталось там, на Алтае.

Через месяц в областной газете появится статья Андреева «Флаг «Буревестника» на Белухе». Гера назовет наш маршрут одним из лучших в сезоне 1963 года. И очень мягко коснется он сурового испытания – голода. Соображения престижа удержат его и от рассказа о спуске с Западной вершины.

Мочалов закончит монтаж своего фильма, и по томскому телевидению будет показана лента «Свидание с Белухой».

Новые вершины вставали на пути. Но Белуха светила ярче других. Сколько раз я возвращался мыслями к ней! И когда случилось, что я начал серьезно болеть и потерял веру, что вернусь к альпинизму, когда все восхождения, что видел во сне, стали сниться только как неудачные, Белуха все равно продолжала светить. И однажды мне приснился сон, что мы с Меньщиковым идем к вершине, которая острым сверкающим пиком вонзается в небо. До вершины остается совсем немного. Радость переполняет сердце. Но сверху несется страшная лавина, вот-вот она обрушится на нас, и я говорю Валере: «Давай, хотя бы обнимемся напоследок». Мы обнимаемся, падаем, и я просыпаюсь в сильной тоске. Сердце бьется, как жалкий птенец...

И вот я взялся за перо, чтобы создать вторую свою Белуху. Неважно, что прошло много лет. Все так свежо в памяти. Вновь оживают голоса и лица друзей, и вновь я испытываю радость победы и страх близкой смерти, и слезы при встрече...

У каждого человека своя вершина в жизни. У моих друзей и у меня есть Белуха. На всю жизнь.

РАССКАЗЫ

ПОЧЕМУ НЕТ ПАРНЕЙ?

Стоял теплый, но не жаркий денек. Я увидел Леху еще издали, у книжного магазина «Искра». Белая рубашка приятно оттеняла его загоревшее, обросшее черной бородкой лицо. Полные красивые губы и добрые карие глаза таяли в улыбке.

– Леха!

– О, Жека! Здорово!

Он весь светился радостью возвращения в родной Томск. Ведь он вернулся из альпинистской экспедиции. Вернулся капитаном команды, которая прошла сложный маршрут.

Я пригласил Леху к себе домой. И он согласился. Мы шли новым для него путем, мимо светлого двухэтажного домика на пригорке.

– Леша, это роддом имени Семашко. Здесь Ванька наш родился.

– Да? Интересно. Понимаешь, когда вылезли на гребень, сразу попали в облако. Ну, молоко сплошное...

Леха рассказывал, а мы подошли к остаткам стены бывшего монастыря. Стена поросла мелкой березкой.

– Леша, это бывший женский монастырь. А в том доме, на его месте – общежитие педучилища. Я на танцах там бывал.

– Да? Здорово. Представляешь, такие карнизы на гребне, жуть. Едва не гробанулись...

Незаметно мы вышли на тихий Тверской проезд – маленькую в зеленой травке улочку – и подошли к домику у двух берез. Здесь жили родители моей жены и моя семья. Дома были два человека: Нина да проснувшийся годовалый Ванюшка. Нина обрадовалась («Ой, кто к нам пришел!»),

и послала меня за малиной для гостя. Я принес из огорода тарелку крупных ягод и поставил Лехе на колени. Он брал малину по ягодке и продолжал рассказывать, а мы сидели втроем перед ним и слушали. Ванюшка притих, тоже слушал, что-то по-своему соображал, и так было хорошо смотреть на друга и радоваться его радостью...

Все это было год назад. А сейчас мы с Генрихом Андреевым сидим под пиком Революции. Андреев – капитан нашей команды. Сидим мы выше уровня моря на целых пять километров да еще триста метров. Прямо перед нами – северная стена пика Революции. 6987. Центральный Памир. Насколько хватает взгляд – ослепительное сияние снега. Солнце обрушивает нескончаемую лавину света. Тишина. Мы рассматриваем в бинокль и просто так стену. Она хорошо видна, но она еще не наша. Как-то будет на ней? По центру стены большой гладкий скол, над ним внутренний угол и нависание. А та беленькая черточка – полка со снегом. Видимо, там можно встать. Камней под стеной нет, значит, можно не бояться камнепада. Ослепительная, сверкающая тишина. Кажется, что звенит в ушах.

– Ну что, Жека? Давай попьем чаю, – говорит Андреев. Лицо его, обычно мягкое, сегодня будто каменное. В глазах – накрепко вбитая тревога.

– Давай, – отвечаю я.

И весь разговор. Я разжигаю примус, набираю в ручье воду. Удивительно, что ручей существует на такой высоте. Здесь образовался своеобразный «закуток». Снежные склоны, как вогнутая линза, аккумулируют солнце. Пока вода в кастрюле закипает, я сижу около примуса, а Андреев на прежнем месте около палатки. Молчим. Во что погружен каждый из нас? В мысли свои или в безмолвие гор? Странное оцепенение охватывает нас. Ни он, ни я не говорим о том, о чем боимся говорить...

Не помню, зачем я зашел к Лехе перед отъездом в эту экспедицию. Леха с женой и дочкой жили в студенческом общежитии. Ему, кандидату наук, выделили комнату. Длинный полутемный коридор с детскими колясками и мусорны-

ми ведрами у дверей. Запахи пеленок и пищи. Я постучался в комнату. Никто не ответил. Зная, где искать Леху, я пошел на кухню. Но и на кухне никого не было, лишь дребезжала от пара крышка чьей-то кастрюльки. Тогда я направился в сушилку, бывший красный утолок, завешенный бельем. Среди свисающих белых зарослей кто-то шевелился.

– Леха!

Белье раздвинулось, и вышла Светлана, жена Лехи. Бледное озабоченное лицо и острые плечи. Под фартуком заметно выделялся живот. Света ждала второго ребенка.

– Здравствуй, Света.

– Здравствуй.

– А Лехи нет?

– Он ушел с Юлькой. Скоро придет.

– Можно подождать?

– Как хочешь.

Она замолчала и пошла в комнату, а я за ней.

– Скажи, когда у вас конец экспедиции? – спросила она, не оборачиваясь.

– Числа двадцать пятого августа.

– Лешка обещает мне вернуться к пятому августа.

– Да. Он говорил нам об этом. Правда, в экспедиции могут возникнуть обстоятельства, из-за которых он может задержаться.

– Какие обстоятельства?

– Непогода, затянется восхождение...

– Ничего не хочу знать! Он обещал мне вернуться к пятому августа! Или он вообще не поедет! – закричала она. Крик, пронзенный обидой и болью. Он и сейчас у меня в ушах. Я извинился и ушел...

Нет больше сил молчать и разглядывать стену, и Андреев предлагает подняться на гребень пика Куйбышевской ГЭС, у подножья которого мы сидим. С гребня можно сделать хорошие панорамные снимки. С гребня стена Революции будет «смотреться». Мы прикалываем к палатке записку для наших парней, которые сегодня должны прийти к нам, берем верев-

ку, ледорубы и идем вверх. Идетя легко. Подъем технически прост. И похоже, что мы неплохо акклиматизировались. В висках не стучит. Вот Андреев выбирается на кромку гребня. Кромка – словно сверкающее полупрозрачное лезвие, вся пронизана солнцем. Андреев встает во весь рост. Красная куртка на синем небе. Под ногами расплавленное золото. Я тоже спешу вылезть на свет из холодной голубизны затененного склона. Вылезаю и бросаю взгляд по другую сторону гребня. Далекo внизу ледник Федченко. Словно широкая белая река, плавными изгибами спускается он на запад и там теряется в дымке. А берега реки – купола, пирамиды и конусы. Пик Парижской Коммуны, пик 26 бакинских комиссаров, пик Грина, пик Омара Хайяма, пик Экзюпери. И по белизне, по продольной оси ледника – стежка следов, словно мышь пробежала. Следы нашей экспедиции. Но людей не видно.

А день уже на исходе. Склоны вершин приобретают контрастные очертания. Цвет неба непрерывно меняется, и вместе с ним меняется окраска снега. Андреев фотографирует. Однако освещенность недостаточна. Через час будет темно. Надо вниз. И мы спускаемся, подстраховывая друг друга. Вот и палатка с нашей запиской. Никого нет. Стаскиваем намокшие ботинки, переобуваемся. Разогреваем консервы. Быстро едим и залезаем в спальные мешки.

– Почему нет парней? – спрашивает неизвестно кого Андреев.

– Завтра придут, – говорю я, хотя почему-то не очень в это верю.

– Понимаешь, по всем расчетам они должны были прийти сегодня.

Я все понимаю.

Наша экспедиция началась нескладно. Две недели торчали в таджикском поселке Ванч. Все не было вертолета. Добраться же другим способом к месту базового лагеря было невозможно. Ледник Медвежий, дремавший тысячелетия, вылез вдруг из своего ущелья, перепачкал дорогу, снес целый поселок, натворил дел. А жара стояла – мозги плавилась.

В тени около сорока. Попробуй, сохрани в этом пекле спортивную форму. Мы спасались от жары в маленьком скверике Ванчского аэропорта, рубились в карты и в шахматы.

В один из тех дней Леха и предложил сходить за урюком.

– Видите дерево? Вон там, у входа в боковое ущелье? Это урючное дерево. Я спрашивал у одного таджика. Урюк уже должен быть зрелый. Наедемся и на компот принесем, – агитировал он.

Желающие быстро нашлись. И мы отправились в маленький поход. Выйдя за поселок, разделись до плавок. Идти было далековато, и мы разговаривали с Лехой о житье-бытье.

– Как тебе должность зам. декана? Ты ведь первый год? – спросил я.

– Собачья должность. Постоянно приходится ругаться со студентами. Да совещания разные. Про науку и вспоминать некогда. Успеваемость надо повышать. А как ее повышать, если студент ничего не боится? Самого последнего разгильдяя невозможно отчислить.

– План выпуска?

– Да. И от количества студентов зависит штат преподавателей. Отчислишь двенадцать студентов – значит, сокращай одного преподавателя.

– Но это же глупо!

– Ежу понятно. А что поделаешь? Вот и выпускаем «специалистов».

– Устал за год?

– Не то слово.

– А квартиру не обещают?

– Пока нет.

– А Свете?

– Тоже глухо.

– Ну и как?

– А никак. Уезжать надо.

– Куда?

– В Красноярск или в Кемерово. Я уже написал и туда, и туда.

– Ну и что?

– В Красноярске обещают двухкомнатную, а в Кемерове – трех. Хотелось бы, конечно, в Красноярск переехать, этот город мне больше нравится, одни «Столбы» чего стоят. А в Кемерове воздух плохой. Но у нас, ты знаешь, вот-вот будет второй ребенок, поэтому лишняя комната...

– Когда же решишь?

– Да сразу же после экспедиции. Съезжу сначала в Красноярск, поговорю еще раз.

– Жалко, что уедешь.

За разговором мы не заметили, как подошли ко входу в ущелье. Путь к урючному дереву преградил глубокий овраг с сухими красными склонами. На его дне среди нагретых камней выбулькивал теплый ручеек, переливался по гладким плитам и вновь исчезал в камнях.

– Ура! Ручей!

Леха тут же выпрыгнул из плавок, обнажив незагоревшие ягодицы, и стал плюхать на себя воду и брызгаться на нас.

– Ребята! Идея! Сделаем ванну! – закричал он и начал ворочать камни. Он делал это с таким удовольствием, словно не было ничего интереснее на свете. Все занялись «строительством»: стали выгребать мокрый песок, вытаскивать камни и класть их перед «ванной». Получилось нечто вроде плотинки. Сделали на ней желобок, и вода, словно с трамплинчика, стала падать в «ванну». Душ! Леха первым же сел под струю, и на его скуластом лице запрыгала белозубая улыбка.

А вечером мы отмечали его день рождения, 13 июля. Купили помидоров, красного таджикского вина, больших пшеничных лепешек, разложили все это на траве, на берегу реки. Трепались. Пели песни. Стемнело, и бархат неба, украшенный звездами, повис прямо над нами. Мягкий ветерок прилетал с гор. Но вот луна, уцепившись за гребень, заглянула в ущелье и высветила нетеплым светом один из склонов...

Вспоминая, я незаметно засыпаю. Утром просыпаемся от того, что палатка освещается солнцем. Вылезаю наружу. Все то же. Сверкающее безмолвие. И пик Революции, словно собор.

– Что там? – спрашивает из палатки Андреев, находясь еще в спальном мешке.

– Все то же, – отвечаю я.

Начинается новый день ожидания. Я разжигаю примус, и пока греется вода, раскладываю на теплых камнях осыпи свои мокрые вещи. Андреев следует моему примеру. Закипела вода. Андреев достает баночку растворимого кофе.

– «Бон-Бон». Индия. Вдарим?

– Давай.

Пара кружек неплохо взбадривает. Хочется что-то делать. Но делать нечего. Дело одно – ждать. И еще – рассматривать стену. Ее громадное полотно завораживает и поднимает на непонятную высоту.

Почему мы здесь? Почему так ослепительно светло и так страшно тихо? Я напрягаю волю и пытаюсь поймать логическую связь между безмолвием и отсутствием парней. Становится еще страшнее. Тогда беру бумагу и пытаюсь писать. Что писать? А именно это вот и писать. Это же редко бывает. То, что сейчас. Но в строчки назойливо лезет слово «смерть». Что такое? Неясная тревога разрастается, приближается. Еще непонятно, где она, в чем она, но ясно одно, что она присутствует в этом сверкающем мире.

24 июля мы наконец покинули Ванч. Вертолет, совершив несколько рейсов, доставил нас в ущелье Абдукагор на площадку геологической партии на высоте 4300 метров. Было свежо, даже холодно. Кислорода не хватало, и грудная клетка резко увеличила амплитуду движений. Пока мы выгружали из вертолета груз, возникла боль в голове. Вертолет улетел и мы остались на небольшом пятачке на склоне горы. Далеко на юго-востоке лежал опаловый перевал. Абдукагор. Через него предстояло выходить на ледник Федченко и далее к пику Революции. А четырьмястами метрами ниже глядело на нас изумрудное озерко. Там и реши-

ли ставить базовый лагерь. Сразу же начали транспортировку грузов. Каждый брал столько, сколько мог унести. Но стоило поднять рюкзак – молоточки начинали больно стучать в висках и ломило затылок. «Горняшка». Так с головной болью и «челночили» между вертолетной площадкой и озерком. Озерко оказалось чудным. Травка и маленькие цветочки на берегу, а у кромки воды – чистый песок. Вода, естественно, ледяная.

Леха, Кюк и я расположились в одной палатке. Кюк – это Корзунин Юрий Константинович. Тонкое интеллигентное лицо. Очки. Леха, разобрав свои шмотки, сразу начал что-то подгонять, зашивать. В руках у него появилась шапка-ушанка.

– Леха, ты куда столько барахла набрал? – спросил я.

– Пригодится.

– А что ты с шапкой делаешь?

– Завязки пришиваю.

– А потом?

– Потом в рюкзак положу.

– А наперсток не забыл?

– Не забыл. А что ты смеешься? Еще попросишь.

Та первая ночь на высоте была скверная ночь. Я часто просыпался от головной боли. Кюк тоже ворочался, включая фонарик, искал пенталгин. Один Леха посапывал, словно дома в постели. А утром сразу вышли в направлении перевала. Путь лежал по бесконечным каменным моренам – гигантским валам, образованным ледником. Идти без акклиматизации было тяжело. Но еще тяжелее было на следующий день, когда выходили на Абдукагор. Сверкал снег, очки запотевали, пот стекал по лицу и животу, жажда иссушила не только рот, но и мысли. Перегиб следовал за перегибом, а перевала все не было. За мной шел Леха, и я слышал его дыхание.

– Знаешь, как сделать, чтобы легче идти было? – спросил он.

– Как?

– Надо смотреть на какую-нибудь цель и думать о ней.

- *И куда же ты сейчас смотришь?*
- *На пик Экзюпери. Видишь? Как штык. Граненый.*
- *Действительно, как штык. Ты читал Экзюпери?*
- *Да. Читал и перечитывал.*

Разговор обессилил нас, и мы замолчали. Но пик Экзюпери действительно стал помогать...

Андреев снова предлагает подняться на пик Куйбышевской ГЭС. Я согласен. Сидеть просто так и ждать – совсем тошно. Мы выходим. А идет сегодня еще легче. Может, это эффект кофе? Вот и гребень. Сегодня-то зайдём на вершину. Я иду за Андреевым на вытянутой веревке, держа в левой руке несколько колец. Ступаю по его следам, слежу за ним. А на Федченко опять никого. Почему? Тревога выползает на гребень. Наплывают слова:

«Гибель. Победа. Полет. Высота. Радость. Вершина. Душа. Чистота.»

Понимаю, чувствую, что хочу сказать, а фразы – бесцветные. Что же это такое – наше стремление вверх? Не в нем ли душа? Вот-вот ухвачу золотистую ниточку истины. Здесь, наверху, она так близко. Вот, вот... И вдруг сердце замирает, опускается ниже и ниже, сейчас пропадет совсем, и я покачусь в бездонную черную пропасть. Я останавливаюсь. Веревка натягивается. Что это? Что за толчок? Я давно уже не чувствовал сердце. Так некстати сейчас. Так глупо.

– Жека, сейчас выйдем на осыпь, еще пара веревок, и отдохнем, – говорит, оглянувшись, Андреев.

Мне не до веревок. Я молчу. Андреев видит, что со мной что-то неладное, подходит, садится и мрачно закуривает. Не ладится в этом мире. «Гибель. Победа. Полет. Высота...» Все начинает плавно покачиваться: ледник, вершины, Андреев. Тихо говорю: «Пошли вниз». Не дожидаясь ответа, первым начинаю спуск...

Несмотря на затянувшееся начало, экспедиция действовала. Через Абдукагор мы вышли на Федченко, поставили первый промежуточный лагерь, расположились на ночевку. Но в ту же ночь тяжело заболел Бутков. Пневмония

грозила перейти в отек легких. Он терял сознание, и мы потащили его. Вначале на дюралевых санях по снегу, а затем на носилках по моренам ледников к вертолетной площадке геологов. С чем сравнить тяжесть транспортировки больного по горному рельефу? Помню, поднимались мы по осыпному склону на тропу к вертолетной площадке. Не отступить невозможно, но отступить нельзя, иначе с носилками полетим вниз. И на жилах своих тащили мы жизнь нашего товарища.

Вертолет прилетел вовремя, и мы подняли Бутова вместе с носилками внутрь машины.

– Надо оставить носилки здесь! Могут пригодиться! – воскликнул Леха.

Забрав носилки, мы вернулись в базовый лагерь. А на другой день снова на Федченко. В верховье ледника сделали второй промежуточный лагерь. Высота около 5200. И вновь мы были втроем в нашей палатке: Леха, Кюк и я. А спать легли так: Кюк и я по краям, ногами ко входу, а Леха – в середине, головой ко входу. То есть легли «валетом». Так просторнее. Вечером Леха травил анекдоты, а утром сказал:

– Голова ночью замерзла.

– Почему?

– Съехал капюшон спального мешка, а шапочка, видно, не грела.

– Ну, а сейчас как?

– Да вроде ничего.

Ничего так ничего, и мы «челночили» весь день – ходили с санями туда-сюда, подтаскивали грузы под стену Революции. Работалось легко. За три ходки перевезли весь груз. А наши товарищи, что ушли с другими санями вниз в первый промежуточный лагерь, еще не вернулись, и Леха предложил пойти навстречу им. Вниз да к тому же с пустыми санями – суций пустяк, и вскоре мы увидели наших.

– Вы зачем пришли? – удивленно спросили нас.

– Вам помочь, – ответил Леха.

– Да нас и так тут хватает.

– Все равно, вместе веселей.

Вместе веселей! Мы переложили часть груза на свои сани и первыми поднялись к месту третьего лагеря. А место замечательное – южный осыпной склон пика Куйбышевской ГЭС, незамерзающий ручей. Мы стали готовить площадки для палаток. Откатили здоровые камни, ледорубами подкопали и вытащили те, что стояли торчком и никак не вытаскивались руками. Затем насобирали плоских камней и стали выкладывать «паркет». На таком паркете не поскользнешься, но спать вполне можно. Развернули палатки, натянули их так, чтоб ни одной складочки не было. А входами палатки – к стене Революции.

– Ой, мороз-мороз, не морозь меня... – тихонько запел Леха.

– Леха, ты что? Боишься опять замерзнуть? – спросил Кюк.

– Да нет, просто так. На язык попало.

– Здесь спать теплей будет, не то что на снегу, – сказал я.

– А вон и парни подходят! – воскликнул Кюк. Наши товарищи притащили последний груз. Им сегодня крепко досталось. Лица потемнели, запеклись от солнца и жажды.

– Располагайтесь, ребята.

– Вы молодцы, что палатки поставили.

Мы с Лехой и Кюком стали обустраивать нашу палатку, наш маленький домик.

– Надо, пожалуй, лечь головами ко входу, – сказал я.

– Почему? – спросил Кюк.

– Вдруг ночью с осыпи скатится камень. Если ударит – так все-таки по ногам, а не по голове.

– Пожалуй, ты прав.

Но Леха как-будто не слышал нас. Он положил свой спальный мешок головной частью в сторону осыпи, достал ту самую шапку-ушанку, к которой пришивал завязки, натянул ее на голову, завязал и, не сказав ни слова, залез в мешок. Это было совсем не похоже на него...

Наконец мы с Андреевым подходим к нашей палатке. Я чувствую себя плохо. Что-то неладно с моим «мотором». Беру примус, а он вываливается из рук и падает на камни. Андреев поднимает его и говорит, чтобы я забирался в палатку. Я подчиняюсь. Он же долго возится с примусом, заглядывает в палатку, спрашивает о самочувствии, дает таблетку кофеина, потом приносит разогретые консервы и чай, заставляет есть. Есть не хочется, но есть надо, и я ем и чувствую улучшение. Впереди долгая ночь. Утром сразу вниз. Сидеть здесь больше нельзя...

В ночь на 2 августа мы с Кюком проснулись от стонов Лехи.

– Леха, ты что?

– Затылок.

– Затылок болит? Кюк, включи фонарик, достань обезболивающее.

– А ты за водой сходи.

Я вылез из палатки и, ощупывая ногой камни, спустился с кружкой к ручью, зачерпнул черной воды, вернулся в палатку. Кюк приподнял Лехину голову. Лицо, искаженное болью, было зеленым в свете фонарика. Кюк положил Лехе в рот таблетку, а я поднес кружку. Леха попытался пить, кружка звякнула о зубы, вода пролилась на заросший подбородок.

– Опустит, – попросил он, – Дайте что-нибудь... чашку... Сейчас вырвет.

– Леша, сейчас, одну секунду!

Я снова выскочил из палатки, добрался до нашей кухни и, гремя посудой, ощупью нашел алюминиевую миску, из которой мы ели. Прыжками к палатке и, едва успел поднести миску к Лехиному лицу, как изо рта его, пачкая мешок, выплеснулась зеленая жидкость. Кюк вытер ему рот. Леха бессильно лежал, закрыв глаза, потом затих. Уснул. Мы с Кюком тоже легли. Что с Лехой? Неужели так сильно застудил голову?

Не прошло и часа, как Леха снова застонал. Кюк дал ему анальгин.

– Леша, может, чаю согреть?

– Не надо... чашку дай...

Его снова вырвало. Мы все же решили сделать чай. Пока заливали бензин в примус, разжигали его и разогревали в большой закопченной кастрюле схватившиеся льдом остатки вчерашнего чая, Леха продолжал стонать. После чая он снова уснул, но ненадолго. Утром попросил помощи выйти из палатки. Кое-как поднялся, придерживаясь за нас, вылез, встал, хотел помочиться, но не смог, и мы снова положили его в спальный мешок.

В соседней палатке проснулся Николай Дьяченко, начальник экспедиции, и позвал Кюка к себе. Оба они – члены тренерского совета. Кроме них, в составе совета Андреев, но он еще не поднялся сюда. Дьяченко с Кюком приняли решение: пока не транспортировать больного, потому что он просил не шевелить его, в пути же неизбежна тряска. К середине дня, возможно, ему будет легче. Вечером же с Андреевым должен подняться врач. К обеду Лехе действительно полегчало. Он выбрался с моей помощью из палатки и немного постоял. Тем не менее транспортировать его не стали, так как не успели бы до ночи прийти на теплую ночевку, которая за перевалом Абдукагор.

Наступил вечер. Темнота и неизвестность навалились на наш лагерь. Все было неясно и тревожно. Но вдруг зазвякали ледорубы, и к лагерю подошли четыре уставших человека. Среди них был Андреев. Он сразу залез в нашу палатку.

– Леха, ты что?

– Затылок. Нельзя шевелиться.

– Держись. Завтра пойдем вниз.

– А где врач? – спросил Кюк.

– В базовом.

Тренерский совет решил начать утром транспортировку. Прошла еще одна ночь. Леха стонал. Его рвало. Помочь мы не могли.

За завтраком Дьяченко объявил:

– Андреев и Кузнецов остаются здесь. Все остальные тащат Леху.

– Почему мы остаемся? – спросил я.

– К вам сегодня поднимется группа из пяти человек. Вместе с ними выйдете на тренировочное восхождение.

Оставаться страшно не хотелось.

Мы положили на сани несколько пуховых спальных мешков, толстый лист поролона, сделали высокое, мягкое изголовье, уложили Леху, привязали. Надели ему на нос темные очки. На оправе очков висел бумажный щиток, защищавший нос и губы от жестокого солнца. Леха сам сделал этот щиток в базовом лагере. Сделал из консервного пакета, так что на щитке осталась фабричная надпись: «Суп гороховый». Друг молча терпел прикосновения. Участники транспортировочной группы примеряли веревочные петли, регулировали их длину. Пятеро встали впереди саней, двое с боков и двое сзади (придерживать на спусках).

Солнце осветило лагерь. Все было готово. Мы с Андреевым подошли к Лехе попрощаться.

– Леха! Давай лапу! – сказал, бодрясь, Андреев.

– С новым годом тебя, Гера, – ответил ему Леха слабым голосом. Он помнил, что у Андреева через три дня день рождения.

А я мучительно думал о том, как бы развеселить Леху. И сказал, пожимая его непривычно мягкую руку:

– Леха, внизу всыпь «калош» Бобе.

Боба – это наш товарищ – Борис Гусев, которого мы любим и над которым частенько шутим. А «калоши» – это удары любимым предметом обуви по мягкому месту. Боба заслужил их. Он нынче «откололся» от нас с Лехой: всегда мы спали в одной палатке – Леха, Боба и я. А нынче он откололся. Но Леха не улыбнулся. Он ничего не сказал ни о Бобе, ни о «калошах».

– Жека, а тебе желаю всего, чего ты хочешь. Ты сам знаешь, чего, – тихо промолвил он.

Он произнес это, может быть, просто так. А мне показалось, будто он прощается навсегда. Сердце защемило.

– Пошли! – скомандовал Дьяченко.

Веревки натянулись. Сани тронулись. Каких-то двадцать минут, и процессия скрылась за поворотом.

Это было позавчера, 3 августа, в девять утра. А сегодня уже 5 августа. Сегодня Светлана и Юлька ждут Леху домой. А мы ждем парней.

Мы встаем с Андреевым на лыжи, связываемся веревкой. Стена Революции утрюма и непонятна. Ледник освещен. Ослепительный снег. И след от саней. Скорее вниз! Съезжаем к верхнему лагерю на Федченко. До нижнего еще часа три. Передвигаем лыжи по твердому насту. Бесконечные поля снега. Время тянется томительно, словно надоевшая мокрая веревка. Но что это? Далеко впереди я вижу три черные точки. Почему только три? Должно быть пять.

– Ты видишь? – спрашиваю Андреева.

– Давно.

До точек еще далеко. Они никак не приближаются. Почему? Солнце все выше. Снег раскисает. Идти становится тяжело. Во рту сухость. Шуршит веревка. Вдруг черные точки поднимаются в воздух. Вороны! Черт! Приняли за людей. Значит, скоро нижний лагерь. Кажется, видны две палатки. Точно. Не дойдя до них метров сто, я замечаю на одной из палаток баночку. Что в ней? Записка? О чем? Как стучит сердце! Но вот она. В баночке две сигареты. Это для Андреева.

Снег сильно стаял вокруг палаток, и они стоят сейчас на плотных белых фундаментах высотой сантиметров двадцать.

Расстегиваем одну из палаток. Внутри как в духовке. От полотнища пышет жаром. Пить нечего. Зато можно снять очки, дать глазам отдых. Андреев молча курит.

– Неужели что с Лехой? – тихо произносит он.

– Брось. Все должно быть в порядке, – так же тихо говорю я. Андреев докуривает. Сейчас пойдем.

Солнце в самом зените. Оседая под лыжами, шуршит снег. Его корочки, утончившиеся на солнце, блестят, как раскаленные добела стружки. Веревка, скользя, осыпает их с тихим звоном. Андреев иногда оглядывается в мою сторону. Начинается постепенный подъем на перевал Абдукагор.

Андреев поднимается на перегиб склона, очерченный линией горизонта. Мне кажется, что ему должна быть уже видна седловина перевала. Когда же я выхожу на перегиб, вижу впереди все тот же склон. Блестящие стружки. Мокрая веревка. Вязкая полуденная тишина. Я долго не гляжу вперед. Перед глазами только лыжня, веревка и стружки. Литые, блестящие стружки снега. Когда же поднимаю глаза, то левее фигуры Андреева вижу голову над линией нового перегиба. Появляются плечи, туловище. Люди! Выходим на перевал! Один за другим поднимаются навстречу нам пять человек. Ну, наконец-то! Где же вы, черти такие, были? Усталость исчезла, рюкзак не режет плечи!

Андреев первым встречается с людьми, а мне еще тридцать метров. Они все садятся, сняв рюкзаки. Андреев почему-то не выбирает веревку от меня. Что такое? Он всегда выбирает. Такое правило. Разбухает невидимый вал, и белая лавина беды, перекатываясь через перевал, вот-вот захлестнет и меня. Узнаю людей. Гусев, Родионов, Трясучев, Пугачев, Коновалов. Подхожу.

– Что с Лехой?

– Умер Леха. – говорит Гусев.

– Ты что?

– Умер вчера вечером. Завернули в палатку, опустили в трещину ледника, чтобы не разложился. Неизвестно, когда будет вертолет.

– Так он не прилетал?

– Нет.

– Вызывали?

– Да...

Рука механически давит горячие шершавые стружки. Незнакомое, колючее, поднимаясь из груди, цепко хватает горло. Нет Лехи. Подернутые дымкой, молчат горы. И пик Экзюпери – как штык – над последним лагерем друга.

КОНТРОЛЬНЫЙ СРОК

Четыре часа утра. Цепкая, настороженная тишина. Ни звука падающего камня, ни шума лавин. Пройдет еще три часа, прежде чем первый неуверенный луч коснется самой высокой вершины. Затем затеплятся те, что пониже, и солнце заиграет на снежных лобастых взлетах. Осветятся и нагреются скалы, и горы оживут, «заговорят». Сорвется подтаявший камень, столкнет второй, третий, и огромные «чемоданы» вначале медленно, вперевалку, затем все быстрее и быстрее ринутся вниз, подпрыгивая на выступах, разбиваясь на свистящие ядра, и острые гранитные брызги шрапнелью врежутся в снег. Рухнет тысячелетия висевший карниз, и многотонная холодная масса на страшном пути вниз взовьет над собой пушистое облако. Покатится грохот по каменным коридорам.

А пока все скрыто темнотой, и только чувствительный космический прибор регистрирует, может быть, маленькую светящуюся точку, движущуюся по дну темного ущелья. Четверо альпинистов с фонариком поднимаются на крутую ледниковую морену — гигантский каменный вал. В свете фонарика появляются камни, изредка клочки травы, а то крохотный спящий цветок. Царапают камни зубья ботинок, слышно тяжелое дыхание. Вдох быстрый, выдох медленный. Только так можно выдержать темп.

«К чему эта гонка?» — думает Макаров, замыкающий четверку. Ему кажется, что не обязательно так спешить, но говорить об этом он не будет. Еще подумают, что он слабак. Зачем тогда вообще пошел?

Постепенно начинает сереть. И оттого, что тропа различается уже без фонарика, идти становится легче. Они выбирают на верх моренного вала. И тут у Макарова внезапно сбивается сердце. Оно словно переворачивается и нехотя возвращается на место. Неловкое, неприятное ощущение в груди. Ладони взмокли от пота.

Со страхом ожидая повторения, Макаров достает из кармана пуховки скользкий стеклянный цилиндр с крохот-

ными таблетками нитроглицерина. Большой слабости, слава богу, нет. «Может, обойдется. Хорошо бы не принимать», — думает он. Не раскрывая, он держит цилиндрик в потном кулаке. Заметив, что отстал, подтягивается и старается ставить ногу на место, где только что был ботинок товарища.

Впервые сердце заявило о себе около года назад. Тогда аспирант Макаров был в Москве. Он прилетел для встречи с официальным оппонентом по своей диссертации. Переступил порог старейшего вуза, разыскал нужную кафедру. Открыв дверь с табличкой «Профессор, доктор технических наук Д. А. Волков», Макаров вошел в кабинет.

Оппонент сидел за большим столом, держа в руке телефонную трубку. Видимо, собирался звонить. Маленькие глазки скользнули по Макарову.

— Здравствуйте, Дмитрий Александрович.

— Появились? — вместо приветствия быстро произнес Волков. Дрогнули упитанные щечки, и на лице возникло нечто вроде полуусмешки. Он положил трубку, побарабанил по столу пухлыми пальцами. Затем достал диссертацию Макарова. Из нее высовывались узкие белые язычки закладок.

— Мне не понравилась ваша работа.

— Как не понравилась?

— Мне не понравилась ваша работа, — повторил как бы для себя Волков. Раскрывая диссертацию по закладкам, он начал задавать вопросы. Макаров пытался отвечать, вскакивал, но Волков не дослушивал, говорил и говорил. Маленькие глазки, как два сверла, время от времени буравили Макарова. Так длилось около часа. Но вот Волков хлопнул диссертацию и небрежно протянул ее Макарову, словно подавал лист бумаги.

Макаров взял диссертацию и зачем-то спросил Волкова, сколько времени, по мнению профессора, потребуется на переработку. Волков поднялся из-за стола.

— Не имею возможности еще заниматься Вами... На переработку? Хм... Четыре месяца. Минимум, дорогой товарищ. Хотя... Едва ли вы тут что-то сделаете.

Ошеломленный, растерянный, ничего не замечая вокруг, Макаров брел по московской улице...

Сейчас, попевая за товарищами, Макаров думает о том, что совсем не обязательно было переделывать ему диссертацию за четыре месяца, за срок не назначенный, а брошенный просто так, походя, Волковым. Но ему почему-то казалось, что если он не успеет, то не сможет убедить оппонента, и все окончательно рухнет.

А сейчас контрольный срок назначен для них в лагере. Через четыре дня их группа должна вернуться с восхождения.

— Вадим, не маленький контрольный срок у нас? — спрашивает он руководителя группы.

— Да ты что! На эту гору за два дня бегают. Дежурный маршрут.

«Бегают... Что-то мне это не нравится», — думает Макаров.

Два дня назад к нему в альпинистском лагере подошел Вадим Надеин — рослый парень с загоревшим лицом и голубыми, почти женскими, глазами. Мягкий подбородок, волнистые русые волосы. На Вадиме было аккуратно подогнанное снаряжение, пояс с яркой петлей из импортной нейлоновой веревки и с защелкой-карабином необычной формы, пушистые гетры, роскошный свитер. Надеин был олицетворением здоровья и удачи. Он предложил Макарову вместе подняться на одну из вершин района, имеющую «пятую Б» категорию трудности — сложнейшую категорию. Эта вершина нужна была Надеину как ступенька к званию мастера спорта, которого он еще не имел, но, судя по его виду, не сомневался, что получит.

В группу вошли еще двое. Один — Захар Агатов, маленький, конопатый, курносый, со взлохмаченной рыжей бородой и белесыми бровями — этакий некрасовский мужичок, а не альпинист. Ему бы топорик в руку вместо ледоруба. Второй — Виктор Балик, худой, с длинным сухим лицом. У Балика был немного деформированный нос, словно кто-то когда-то придавил его к щеке.

Уже совсем светло. Крутая каменистая чертоломина осталась позади. Альпинисты идут по твердому фирну. Фирн —

плотный кристаллический снег. Он не проваливается, и идти по нему легко и весело, словно по белому, шершавому асфальту. От ботинок остаются едва заметные царапины. Макаров идет наравне с товарищами, идет, не замечая рюкзака, не отрывая глаз от чистой утренней вершины. Поскрипывает снег, ладонь согревает теплое, крепкое древко ледоруба, легкие струи горного воздуха, словно тени далекого ветра, скрытого хребтом, касаются лица, а может, это высота задевает его незримым своим крылом.

Альпинисты подходят к стене, сбрасывают к ногам рюкзаки, разматывают веревки, осматривают маршрут. Мощным бастионом возвышается стена, приглашая к борьбе. Желание двигаться — эта неутолимая, вечная жажда — наполняет все мысли и все мышцы. Хочется держаться, упираться в скалу, подтягиваться, высматривать новые зацепки и лезть, неизвестно, непонятно зачем, но лезть выше и выше. Так просит, так торопит нетерпеливое сердце, проталкивая по жилам молодую горячую кровь. Звонит забиваемый крюк, звучат четкие, чеканные команды: «Страхуй!», «Выбирай», «Пошел!». Эхом откликаются горы, струной натягивается веревка, все дальше и ниже ледник, все больше видно дальних вершин, и неторопливый орел парит уже ниже людей...

Когда Макаров вернулся из Москвы, горечь долго не отпускала. Но постепенно он отошел. Его результатам не поверили? Что ж, он докажет истину, докажет другим методом, докажет, чего бы это ни стоило. Он вернулся в неудобный и захламленный, неотопливаемый павильон, сваренный из листов железа, давно порыжевших от ржавчины. В павильоне размещалась его установка, на которой он проводил опыты. Мерзли пальцы от металла, ветер загонял снег в щели. Упорно не балансировались датчики. Разбаланс наплывал от старых кабелей в матерчатой оплетке. Новых кабелей не было. Кое-как к вечеру Макаров настраивал приборы, включал установку. От шума мотора дрожали стены. Сделав запись, Макаров бежал в фотобудку, проявлял осциллограмму. Длинную серую ленту по

десять-двадцать метров. Пробегал по ней глазами. Снова не то! Главный датчик «мазал», оставляя на осциллограмме такой расплывчатый след, что расшифровать процесс было невозможно. День шел за днем, и все то же.

Он разобрал всю схему, проверил изоляцию кабелей, перепаял контакты, испортил не одну сотню метров фотобумаги. И когда наконец появилась первая четкая осциллограмма, Макаров от радости отжался от пола двадцать раз, попрыгал по лаборатории, унес осциллограмму, не дав ей высохнуть, в общежитие, показал друзьям.

Потом закрутились новые осциллограммы, расшифровка, обработка, графики, рисунки, фотографирование, беготня к машинистке, вписывание формул в пять экземпляров диссертации. Макаров заболел. Поднялась температура. «Ерунда. Обыкновенный грипп. Надо лететь в Москву». Подходил к концу его «контрольный срок» — пресловутые четыре месяца...

Темнота окутала горы, стену и палатку, в которой после четырнадцатичасового рабочего дня крепко спят альпинисты. Под ними пятьсот метров до ледника. Ничто не нарушает их сон, только время от времени доносится эхо дальних лавин.

Под утро Макаров просыпается от какого-то резкого, повторяющего звука. Хлопает полотнище палатки. «Ветер!» — догадывается он. Он расстегивает вход и выглядывает наружу. Снег ударяет в лицо. Ничего не видать. «Поспим до утра. Может, перестанет», — думает он.

Утром то же самое.

— Давайте решать, что делать, — говорит Агатов.

— А что решать? Полстены проскочили. У нас еще три дня, — отвечает Надеин.

— Учти, что полный день на возвращение. С вершины спустимся в другое ущелье, — замечает Макаров.

— Ну и что? За два дня, что ли, не вылезем? Ты пойдешь первым, — обрубает Надеин.

— Первым так первым, — соглашается Макаров.

Идти первым. Он чувствует, как волна какого-то веселого страха охватывает его. Нет большей чести для альпиниста. Начинается новый день и новая борьба.

Макарову неудобно в брезентовых рукавицах, в них плохо чувствуются зацепки. Он голыми руками сгребает с полочек снег, забивает крючья, почти не замечая холода. «Пройдем! — повторяет он про себя, — Обязательно пройдем!»

— Саша, не спеши! — кричит ему Агатов, стараясь пере-силить ветер.

Ухватившись за выступ, Макаров набрасывает на него веревку и закрепляет ее, чтобы сделать «перила» для тех, кто внизу.

— Захар! «Перила» готовы! Пусть поднимается Вадим! — кричит он Агатову.

В запале борьбы ему кажется, что он поднялся очень быстро, и остальные пройдут еще быстрее. Он видит, как внизу, тридцатью метрами ниже, Надеин пристегивается к перильной веревке. Что-то уж очень медленно. Веревка натягивается. Добравшись до первого крюка, Надеин отдыхает. А надо идти, быстрее проскакивать этот участок.

— Вадим, веселее! Нагружай веревку! — кричит он вниз.

Но Надеин не лезет быстрее. А снег летит сверху, с боков и даже снизу. Ветер сдирает с головы капюшон куртки, начинают мерзнуть ноги.

— Вадим, веселее! Здесь уже проще!

«Наверное, он замерз, пока я лез», — думает Макаров. Приблизившись наконец к Макарову, Надеин наваливается грудью на выступ и долго ничего не говорит, отогревая дыханием пальцы. Глаза его побелели от холода.

— Как ты вылез? Все под снегом! — выдыхает наконец он.

Макаров берет страховочную петлю, молча прицелкивает ее к карабину на груди Надеина и кричит вниз Агатову: .

— Захар! Выпускай Витю! — И сразу после этого Надеину: — Я пошел, страхуй!

Не глядя на Надеина, Макаров лезет дальше. Отвесная стена. Холод камня. И ветер, проклятый ветер! «Неправда!

Вылезем!» — с какой-то отчаянной радостью повторяет он про себя и продолжает лезть, помня, что на него смотрят снизу, и если он не вылезет, не вылезет, пожалуй, никто. Разве что Агатов. Макаров видел вчера, как ровно и спокойно работает на стене Агатов. Маленький, крепкий, он покрикивал порой на Надеина, словно забыв, что тот — руководитель. Надеин внушителен с виду, но, похоже, боится высоты.

Макаров опять ждет Надеина. Это во много раз хуже, чем лезть самому. Уступчик, на котором он стоит, настолько мал, что ступни не умещаются полностью, переступить нельзя. Он шевелит пальцами ног, чтобы сохранить чувствительность. Поэтому, как натянута веревка, он догадывается, когда идет, а когда стоит Надеин. «Ну и залетели мы! Не думали, не гадали»...

В ожидании Надеина он вновь вспоминает о диссертации. Все еще так свежо в памяти.

Голова кружилась, когда он во второй раз открывал знакомую дверь с табличкой.

— Здравствуйте, Дмитрий Александрович.

— Зачем приехали?

«Почему он опять не поздоровался со мной?»

— Дмитрий Александрович, я привез вам письмо от моего научного руководителя.

Макаров подал Волкову записку профессора Казакова. В записке Казаков просил Волкова рассмотреть диссертацию Макарова, переработанную в соответствии с пожеланиями глубокоуважаемого оппонента.

— Садитесь, — предложил, наконец, Волков. Макаров сел.

— Ну давайте вашу диссертацию.

Макаров подал. Волков листал диссертацию, не вчитываясь в нее.

— Что же нового сделали?

Макаров стал рассказывать, а перед глазами стоял мрачный павильон, снег в углах, на конце длинного провода, свисающего с балки, лампочка над его установкой.

— К сожалению, я не смогу оппонировать.

Макаров вздрогнул. Словно водой плеснули в лицо. Павильон исчез. Осталось ухоженное лицо Волкова. Макаров знал, что Волков входит в состав Высшей аттестационной комиссии. Его отказ оппонировать означал конец. Не потому, что нельзя будет представить работу к защите, а потому, что работу потом все равно не утвердят. Так бывает, если член ВАК недоволен работой. Так было с диссертацией Брякотина — друга Макарова. На Ученом совете вуза Брякотин блестяще доложил работу. Голосование прошло единогласно. Казалось, все хорошо. Но вскоре после защиты Брякотина вызвали в ВАК. На заседании экспертной комиссии особую активность проявил Волков. Он перебивал Брякотина, когда тот отвечал на вопросы, не давал ему говорить. После заседания секретарь сообщил Брякотину отрицательное решение. В свое время Брякотин проигнорировал замечания Волкова, высказанные на одной конференции. А ему нужно было убедить московского профессора в своей правоте до защиты диссертации. Брякотин пытался опротестовать решение экспертной комиссии, но бесполезно. Все это Макаров помнил.

— Дмитрий Александрович. Вы же говорили...

— Я ничего не говорил. Я занят. У меня творческий отпуск. Затем я еду в загранкомандировку. Вам лучше найти другого оппонента...

Голова кружилась. «Не упасть!» — приказал себе Макаров.

— Дмитрий Александрович, я должен позвонить своему научному руководителю. Я один не могу решать такой вопрос.

— Звоните.

А вечером у знакомых, у которых остановился Макаров, с ним случилось то самое. Лежа в постели, он почувствовал, как замирает сердце, готовое вот-вот остановиться, и он покатится сейчас в бездонную черную яму. Страх близкой смерти был настолько силен, что он вскрикнул. Прибежа-

ли, дали валерьянки. Макарова начал бить сильный озноб. Тряслась кровать, и мелко позвякивала о никелированную спинку пряжка брюк. Вызвали «скорую». После уколов Макаров уснул. Проснулся слабым, как после долгой болезни. «Кажется, отходил в горы», — была первая мысль...

А сейчас он снова на восхождении. Это замечательно. Но почему они идут так медленно? Макаров смотрит вниз. Ему видны только каска, плечи и рюкзак Надеина. Надеин натягивает веревку, обвивая ее вокруг руки, и время от времени подтягивается, переступает ногами. Не переставая страховать и по пульсу веревки чувствуя движение Надеина, Макаров глядит вверх. Над ними крутая черная башня. По центру башни узкая щель. «Другого пути нет. Но рюкзак будет сильно откидывать. Придется оставить его здесь. Потом поднимем».

Башня сжирает целых три часа. В полной темноте Макаров и Агатов прикрепляют палатку к крючьям, забитым над крохотной скальной площадкой. Надеин и Балик стоят рядом, время от времени ударяя в скалу носками ботинок, чтобы как-то согреть пальцы ног. Балик без пуховки. На нем два свитера и штормовка. Было бы солнце — не страшно. А тут... «Надо его первого в палатку», — думает Макаров.

— Витя! Лезь в палатку! — говорит он Балику.

— Почему я? Я подожду.

— Лезь, говорят! Рюкзаки принять надо. Захар, помоги!

Агатов стаскивает рюкзак с Валика, и тот, словно неуклюжий жук, залезает в палатку, сотрясая ее. Они проталкивают вовнутрь рюкзаки — обледеневшие, заснеженные глыбы.

— Вадим! Залезай тоже! — обращается Макаров к Надеину. Он не замечает, как начинает говорить за старшего. Не замечает, что его слушаются. Они с Агатовым долго стоят на пронизывающем ветру, пока Балик с Надеиным возятся в палатке, вытаскивают из рюкзаков содержимое, раскладывают спальные мешки и сами залезают в них.

— Саша! Мы готовы! — говорит, наконец, Балик.

— Вот и хорошо. Захар, залезай теперь ты. Разожжешь примус. Надо обязательно разжечь. Я наколю льда.

Макаров остается снаружи один. Темно. Ноги ничего не чувствуют. Ветер, совсем озверев, вырывает из-под пуховки остатки тепла. А в палатку пока нельзя. Агатову лучше не мешать. Пусть уж он разожжет примус, и тогда... Макаров смотрит вокруг себя, но темнота и снег не позволяют ничего разглядеть. Ветер усиливается...

Он вспоминает, с каким трудом его научному руководителю удалось уговорить Волкова. Волков согласился оппонировать, но не раньше, чем через девять месяцев. Срок аспирантуры Макарова кончился, и он приступил к своей основной работе. Он никак не мог забыть о сердечном приступе, стеснялся говорить друзьям, что у него теперь «сердце». Тоска все чаще стала подкатываться к нему. Иногда казалось, что он уже старик, что это не он шагал когда-то по горному снегу и не он смотрел, как вылетают из-за зубчатого гребня утренние лучи.

Макаров начал тренироваться. Сердце побаливало, особенно после сна. Во время бега в груди становилось вдруг как-то неловко, и он переходил на шаг, долго и глубоко дышал. Затем снова бежал. После бега делал многочисленные упражнения, выбрав в парке укромное местечко, подтягивался на суку сосны. Однажды он резко подпрыгнул, ухватился за сук, и сердце сбилось, заколотилось частой пулеметной дробью. Аритмия не проходила минуты три. Слабый, в холодном поту, Макаров сидел на пне и ни о чем не хотел думать. «Неужели все?» Медленно добрал до дома. На другое утро, проснувшись, думал: «Бежать или нет? Стоит ли? Может, все бросить? А что тогда? Тогда будет совсем худо. Надо бежать». И он побежал. Даже в самую мерзкую погоду выгонял себя из дома. Дождь холодил щеки, кеды скользили по грязи, но сердце, его сердце, кажется, начало работать, подчиняясь великому могуществу ритма! «Неужели выкарабкаюсь из этой ямы? Надо, обязательно надо выкарабкаться!»...

— Саша, давай лед, — говорит из палатки Агатов. Макаров слышит его, но как будто сквозь сон.

— Саша! — кричит Агатов.

— А? Что?

— Лед, говорю, давай! Ты, что, не слышишь?

— Слышу, слышу.

«Вот черт! Так и замерзнуть недолго! Забыл, где я». Он скалывает с камня куски льда и ногой пододвигает их к палатке. Рука Агатова быстро забирает куски.

— Хватит! Залазь, а то совсем замерзнешь, — говорит Агатов.

Макаров, согнувшись, заглядывает в палатку. Ступить некуда. На пути примус.словно самое дорогое существо, его охраняет Агатов. Он поставил примус на маленькую фанерку между ног. На примусе кастрюлька с кусками льда. Крышка лежит на них, не касаясь краев кастрюльки. Упругое пламя вырывается из дырочек раскаленной головки и, растекаясь по доньшку, огибает его голубыми лепестками. Пламя освещает снизу заросшее лицо Агатова, подпаленные волосы на бороде. Тихое ровное гудение примуса наполняет палатку.

Макаров кое-как втискивается между Агатовым и стенкой палатки. Свободного места нет, приходится садиться на ноги Балика. Балик молчит. Теперь надо снять ботинки. Шнурки обледенели, не развязать. Пальцы плохо слушаются.

— Давай помогу. Только примус не опрокинь, — говорит Агатов. Он оттаивает в ладонях шнурки и расстегивает ботинки.

— Через полчаса лед растает. Думал, каюк нашему примусу. Теперь живем.

Агатов достает из-за пазухи шерстяные носки и надевает на ноги Макарова, разминает ему пальцы. Макаров благодарно смотрит на него. Пальцы начинают нестерпимо ныть. Затем тепло наполняет его, боль затихает, и он задремывает.

— Саша, вода закипает, — будит его Агатов, — поддержи кастрюлю, заварку надо засыпать.

Он засыпает в кипяток полпачки чая и выключает примус.

— Поднимайтесь, чай готов, — трогает он Балика и Надеина. Те вылезают наполовину из мешков. На четверых две кружки. Пьют по очереди.

— Ну что, Вадик, оттаял? — шутит Макаров, подавая кружку Надеину.

Надеин делает пару глотков и смотрит на Макарова.

Глаза его действительно словно оттаяли, вот-вот проследятся.

— Слушай, я, кажется, того... В общем как-то не так получилось... Замерз, что ли...

— Все нормально. Всем досталось. Вот завтра что?

— А что? Завтра-то вылезем.

Макаров молчит.

— Захар, ты согласен со мной? — обращается Надеин к Агатову.

— Согласен, согласен. Давай-ка лучше колбасу пожуюем. Калории все-таки.

Он нарежает колбасу тонкими розоватыми дисками, раскладывает их на четыре куска хлеба.

— Налетай.

Макаров съедает свою порцию, запив крохотными глотками чая, и забирается в мешок. Вытянуться не удастся. Придется спать полусидя. «Надо выспаться», — думает он, слыша, как устраиваются остальные, и засыпает.

Он просыпается утром, не чувствуя ног. «Затекли». Кое-как дотягивается до входа в палатку, расстегивает его и выглядывает наружу. Шквал ветра и снега ударяет в лицо. Сплошная белая круговерть. О том, чтобы выходить, нечего и думать.

— Что там, Саша? — спрашивает Агатов.

— Плохо. Надо ждать.

— Как ждать? Мы же не успеем! — вмешивается Надеин.

— Вадим, идти нельзя.

— Вчера же шли.

— Кто шел, а кто... — вполголоса говорит Агатов.

Надеин замолкает. Макаров горстями выбрасывает снег, попавший в палатку, плотно застегивает вход и засовывает ноги в спальный мешок. Мешок промок. Теперь холодно и сыро. «Лишь бы не затянулась эта дрянь». Сколько случаев знает Макаров, когда альпинисты замерзли в палатке. Кончались продукты, а непогода продолжалась. Сам с собой он ведет диалог:

«Роберт Скотт тоже замерз на Южном полюсе».

«Так то Южный полюс. А эта гора? Кому она нужна?»

«Как кому? Нам нужна. И вообще людям».

«Зачем?»

«Зачем? Чтобы жить, бороться. Чтобы счастливой жить. Внизу станет понятно, зачем. Когда спустимся».

«А спустимся?»

«Фу ты, черт! Смолкни!»

Макаров засыпает. Он просыпается, чувствуя неясную перемену. Кажется, стих ветер. Выглядывает из палатки. Скала видна метров на пятнадцать, а дальше — сплошная облачность. Сыплет мелкий снежок. Пора выходить. Он вытаскивает из-под свитера носки. Почти высохли. Вчера он положил их на голый живот под свитер. Сушить мокрые носки на животе он научился давно. А ботинки замерзли. Макаров берет скальный молоток и упорно бьет по ним, чтобы размягчить. Узкие пластиночки льда осыпаются с них. Теперь можно втиснуть ноги.

— Вадим! Страхуй меня. Я пошел, — говорит Макаров Надеину и, пристегнувшись к концу мокрой веревки, вылезает из палатки. Он пропускает веревку сквозь карабин ближайшего крюка и начинает подъем. Снова скала, словно всю жизнь висел на ней. Жаль, что плохо видно. Камень, крючья, веревка, снег. И ожидание, когда подойдет товарищ.

Через несколько часов путь преграждает отвесная плита. В плите узкая трещина, белая от попавшего в нее снега. Трещина уходит вправо, нужны крючья. Макаров вставляет в трещину кончик крюка и бьет по его разбитой, с заусеницами, головке. Тонкий вибрирующий звук сопровождает удары. Крюк «поет». Значит, входит надежно. Когда головка крюка упирается в края трещины, Макаров надевает на крюк карабин, а в карабин прощелкивает веревку, идущую от груди. «Теперь норма. Сорвусь — выдержит», — думает он. Дальше трещина становится шире. Он засовывает в нее кончики пальцев, упирается в плиту носками ботинок и движется вправо.

— Вадим! Внимательнее! — кричит он, затем отпускается правой рукой, достает новый крюк. Левая напрягается, пальцы вот-вот не выдержат. «Скорей! Молоток!» — приказывает он себе. Первый удар. Крюк выскакивает и, звякнув, падает, не задевая скалы. Затем слабый повторяющийся звяк доносится снизу. Придется отступить. Макаров возвращается на шаг назад. Веревка ослабевает и провисает.

— Выбирай! Куда смотришь! — кричит он Надеину.

Веревка снова натягивается. Забив крюк, Макаров успокаивает дыхание и возобновляет черепашьё движение вправо. С трудом дотягивается правой рукой до маленького бугорка выше трещины. Теперь бы зацепиться передним зубцом ботинка за трещину, и тогда все. «Лишь бы пальцы не подвели», — думает он о правой руке, подтягивает до трещины ботинок, зацепляется за край и медленно выпрямляется, отпуская левую руку. Вот и для нее зацепка. «Ну, слава богу. Вылез». Он быстро выходит выше и оглядывается вниз. Все трое стоят рядом с рюкзаками на месте их ночевки, а ниже ничего не видать из-за тумана и снега.

— Вадим! Иди по «перилам»! Я закрепил!

Но у Надеина что-то никак не получается.

— Ты что? Мать твою... — кричит на него Агатов.

«Захар не выдержал. Это плохо... Похоже, не вылезем», — думает Макаров, впервые произнеся жуткое — «не вылезем». Он командует Надеину, чтобы стоял на месте, поднимается еще выше, выдергивает веревку из карабинов и спускает ее Надеину в другом месте. А два новехоньких титановых карабина с крючьями остаются на скале, словно приметы для следующих восходителей. Для тех, кто будет более удачлив. «Ну, да черт с ними, с карабинами. Надо дальше идти». Закрепив конец веревки, он мрачно осматривает путь наверх. Вверху нависает выступ, закрывающий вершину. Снег прекращается, ветер разносит облака, и в образующихся синих прогалах становятся видны горы, белые, нет, серые от снега. Пирамиды дьявола. Пристанище духов.

«Что же Надеин?» – слышно тяжелое дыхание, Надеин лезет по «перилам». Вот он совсем рядом. Макаров протягивает ему руку и помогает встать рядом, пристегивает петлю Надеина к крюку.

Макарову кажется, что с выступа он увидит вершину, и путь до нее будет проще, иначе бы отвесная предвершинная стена давно просматривалась. Предчувствие перемены наполняет его неожиданной силой. Из какого-то глубоко запрятанного источника вливается она в мышцы. Не забывая крючьев, он быстро поднимается к выступу...

Накануне защиты диссертации Макаров почти не спал, хотя лег вовремя. Все обдумывал предстоящий день. А когда забылся в дреме, привиделся Волков. Его лицо со щечками-булочками надвигалось на него и, не открывая рта, говорило волковским голосом: «Мне не нравится ваша работа»... В семь утра зазвенел будильник. Умывшись, Макаров разложил на полу плакаты и еще раз отрепетировал доклад, давно уже выученный наизусть...

Времени до начала заседания Ученого совета было еще много, и Макаров не знал, куда себя деть. Он где-то ходил, с кем-то разговаривал, постоянно смотрел на часы и ни на минуту не терял ощущения, что находится на отвесной стене и отвлекаться нельзя. Он ждал и боялся момента, когда нужно будет преодолевать скалу. И момент, наконец, настал.

Макаров обращался то к членам Ученого совета, то к плакатам с формулами и графиками, и каждую новую мысль вколачивал, как крюк в скальную трещину. «Ну вот все, что я мог, — подумал он, закончив доклад. — Сейчас будут вопросы». На вопросы Макаров ответил, но впереди было еще выступление Волкова. Волков выступал сдержанно и как-то снисходительно. Весь вид его говорил: «Видите, я приехал сюда, хотя у меня много более важных дел». А в целом выступление оказалось обтекаемым, каким-то округлым.

Председатель совета объявил результаты голосования. Единогласно. Неужели победа? До самого последнего момен-

та Макарову казалось, что может случиться что-то такое, что погубит работу. Свалится сверху камень, и все... Затем была солнечная площадь перед институтом. Цвели яблони и сирень. Фотографировались у памятника Кирову.

— Ну, Саша, чувствуешь, что гора внизу? — спросил Макарова кто-то из друзей.

— Да, чувствую. Гора так гора.

— А что труднее: гора или диссертация?

— Любая гора легче диссертации...

Не забывая крючьев, надеясь лишь на собственную цепкость, Макаров поднимается все ближе и ближе к краю выступа, закрывающего вид на вершину. Если сейчас сорваться — конец. Так высоко поднялся он над последним крюком. Но он знает, что не сорвется. Пальцы словно впиваются в камень. Макаров захватывается за выступ руками, подтягивается и переваливает тело на маленькую площадку. Садится и, пораженный, долго и горько смотрит на вершину. Вершина видна, но как она еще далеко! Площадка круто обрывается в пятидесятиметровый провал, а за ним новая мрачная стена. Так вот почему она не просматривалась! На стене лишь кое-где видны белые полоски и пятнышки. Снег не задерживается. Значит, круто. При самом хорошем темпе до вершины полный день работы. Получается, что лишь завтра днем, если погода вновь не испортится, они будут наверху. А сколько времени займет спуск? Послезавтра же в двенадцать ноль-ноль истекает контрольный срок, назначенный в лагере. Если они не успеют к сроку...

Макаров представляет, как спасательный отряд выходит искать их. Люди спешат вверх, сгибаясь под тяжестью спасательного снаряжения, тащат продукты, палатки, медикаменты. Подходят наконец к стене, и самые сильные лезут по ней, еще не зная, где «пострадавшие». Отменены все другие восхождения, перечеркнуты спортивные планы. А «пострадавшие» живы-здоровы, просто замешкались.

«Как посмотрим в глаза товарищам? — думает Макаров. — Нет, этого допустить нельзя. Но что же делать? Спускаться? После всего, что было? Душа такого не выдержит».

Макаров поворачивается и смотрит вниз на мрачную стену, обрывающуюся на ледник. Ему кажется, что он чувствует сейчас высоту как результат тяжелого труда. Каждый метр весит. Это их высота, добытая борьбой. И что бы ни было дальше, она останется. И на нее можно будет оглянуться.

Макаров снова смотрит на вершину. Прорвавшийся сквозь облака луч совершает чудо. Вершина вспыхивает. Теплым золотом загорается кромка гребня. Изумрудом сверкает лед. Кажется, глаза не видели ничего прекраснее.

Луч пропадает, и вершина становится свинцовой. Быстро летящее облако закрывает ее. Теперь мрачно и внизу, и вверху. Что же делать? Подождать, пока ребята сюда поднимутся? Но ведь от этого ничего не изменится. Разве что Надеин что-нибудь выкинет. Нельзя терять время. Неужели вниз? Видимо, вниз. Назад. Макаров чувствует, как сжимается сердце.

— Что ты там застрял? — доносится снизу крик Надеина.

— Гляжу на вершину!

Макаров берет за край площадки и начинает спускаться. Медленно, очень медленно, чувствуя, как руки и ноги утратили недавнюю силу.

Все трое товарищей стоят рядом. На лицах немой вопрос: «Что там?» Сейчас будет самое тяжелое.

— Ну что, Саша? — спрашивает Агатов.

— Надо вниз, — с трудом выдавливают Макаров.

— Не успеем?

— Не успеем.

— Куда не успеем? — спрашивает Надеин.

— В лагерь не успеем. Контрольный срок кончится.

— Ну и что? Глупо же из-за этого возвращаться!

— Ты что...! — во второй раз срывается Агатов.

— Захар, не кричи, — тихо говорит Макаров. Балик безучастно слушает спор. Он держится обеими руками за веревку. Нос его приобрел сизый оттенок, щеки потемнели. «Совсем замерз, бедняга», — думает Макаров.

— Витя, как ты себя чувствуешь? — спрашивает он. — Замерз?

— Д-да, — отвечает Балик. Зубы его начинают стучать.

— Можешь терпеть?

— Терплю. Д-давай б-быстрей.

— Быстрей не получится. Захар, начинай. Иди первым.

Макаров говорит спокойно. Для него все решилось там, на площадке. И теперь, начиная долгий, опасный спуск, он постарается ни о чем не думать. Он навешивает веревку, и товарищи спускаются один за другим на ближайшую полку. Пока Агатов закрепляет там конец другой веревки, Макаров спускается к ним по своей, тянет ее за один конец, и веревка соскальзывает к ногам белой шуршащей змеей. По веревке, закрепленной Агатовым, опускаются еще ниже. Еще двадцать метров. Все промерзли до последней клетки. Начинается ветер. Колючими иглами снег режет лицо. Темнеет. Не привыкать. Но почему-то все безразлично. Станный, затянувшийся сон. Скала, веревка, холод. Скала, веревка, холод...

На одном из отвесных участков ноги Макарова проскальзывают, и внезапная, резкая сила швыряет его в сторону. Рывок веревки. Удар головой. Боль. И сразу темный провал. На какое-то время пропадает сознание. Возвращается с ощущением сильной тоски. Прямо перед лицом гладкая плита. Беспощадный холодный камень. Веревка давит, не давая дышать. «Вот она, смерть. Здесь?» Ему хочется крикнуть. Но воздуху не хватает. «Почему меня никто не зовет? Что с ними?» Макаров пытается подтянуться. Бесполезно. Руки — как вата. Пальцы заоченели. Но глаза обшаривают все, что видно. Кажется, вправо уходит щель. Она достаточно широка. Может войти ладонь. Макаров вытягивает руку и засовывает ладонь в щель, слыша сопротивление снега, забившегося в нее, но не чувствуя его холода. «Отморозил. Лишь бы кулак сжать». Он с трудом сжимает кулак. Кулак заклинивается в щели. Теперь не выскочит. Макаров переносит центр тяжести вправо, ощущая, как кожа обдирается на костяшках кисти. Веревка ослабевает, дышать становится легче. Макаров вставляет в щель левую руку, скоблит ботинками по плите. Наконец один бо-

тинок за что-то зацепился. Он высвобождает правую руку и до того, как ботинок соскользнет с невидимого бугорка, успевает схватиться еще правее за острый край трещины. «Кажется, вылезу». С ударами пульса боль передается от головы по всему телу. «Где же парни? Почему не зовут? Скорее к ним!» Макаров вылезает на выступ и долго не может отдышаться. Затем он скользит по веревке вниз и сваливается на узкую, занесенную снегом полку. На ней белые неподвижные фигуры, прижавшиеся к стене и друг к другу.

— Ребята!

— Что? — еле слышно отвечает Агатов.

— Что случилось? Почему молчите?

— Видишь, концы отдаем.

— Надо что-то делать.

— Что делать?

— Спускаться!

— Да нельзя же больше! Улетим к чертовой бабушке! Все улетим!

— «Холодная», что ли?

— «Холодная».

Они говорят о холодной ночевке без палатки. Ее не поставить.

— Давай хоть палатку положим на полку да сядем на нее... У кого палатка?

Балик молча поворачивается с рюкзаком к Агатову. Агатов пытается снять с него рюкзак, в котором палатка, и чуть не сдергивает Балика с полки.

— А-а! — вскрикивает, пошатнувшись, Балик.

— Не бойся. Ты же пристегнут, — говорит Агатов.

Он стаскивает рюкзак и передает его Макарову. Макаров протягивает руку, но не успевает взять рюкзак, когда Агатов отпускает его. Рюкзак переворачивается и падает в темноту. Никто не произносит ни слова. Странное оцепенение скывает всех.

— Придется стоять, — произносит, наконец, Макаров.

Темная безглазая ночь. Тепло и свет существуют в другом мире. Утро никогда не наступит. Макарову видится, что он стоит на сцене из холодного черного мрамора. По мрамору – косые сугробы. А в зале сидят члены Ученого совета, все в шубах и шапках. Макаров поворачивается к доске, на которой его плакаты, но плакаты пропадают, доска превращается в гладкую стену, стена наклоняется, и он падает спиной в зал. Веревка натягивается, Макаров открывает глаза.

— Ребята! — вскрикивает он.

— Что? — слабым голосом откликается Агатов.

— Захар? Ты? Жив?

— Не знаю.

— Жив, значит. А парни? Толкни их. Агатов касается Надеина.

— Что надо? — хрипит Надеин.

— Так просто. Не спи. Витя, ты жив? — Агатов трогает Балика. Вместо ответа доносится прерывистый сип.

Все замолкают. Макаров закрывает глаза. Он чувствует, как ноги засасывает в ледяную бездну. Бесформенные мрачные глыбы, уступы, карнизы и башни налезают друг на друга, и вся эта несуразица движется по какому-то дьявольскому замыслу, закручивается, затягивая неизвестно куда. Но постепенно тревога слабеет. Хаос глыб сменяется потоком серого льда. Это ледник. Нет, не ледник, а река. Она круто падает между гладких отвесных стен, образующих узкий каньон. Но вот на скалах кое-где появляется зелень. Скалы становятся ниже, превращаются в отдельные камни, и уже не скалы, а мягкие изумрудные холмы окружают прозрачную воду. Все светлее и шире долина, холмы отступают, и ликующий цветастый ковер с лентой реки открывается взору. Множество красных маков и каких-то серебристых светящихся цветов. А среди них — маленькими блюдцами — лужицы теплой воды. Макаров шлепает по лужицам босиком, и брызги разлетаются далеко в стороны. От брызг вспыхивают и еще ярче светятся незнакомые цветы. Как эдельвейсы. Нет, красивее

эдельвейсов. Макаров наклоняется к ним, чтобы разглядеть, но голова ударяется о что-то твердое. Медленно проявляются снег, крюк, веревка... Что это? Зачем? Разве может быть что-либо прекраснее того, что он только видел? Неужели нужно еще что-то делать?.. Собрав последнюю волю, он заставляет себя взяться за веревку.

Наступает жесткое, морозное утро, и они возобновляют мучительный спуск. Никто уже не думает о вершине. Лишь бы не сорваться, лишь бы не слишком заспешить вниз.

Только к полудню ступают они на ледник и, обессиленные, садятся в раскисший снег. Жаркой лавиной наваливается солнце. Они снимают страховочные пояса, мокрую верхнюю одежду, сматывают потрепанные веревки, укладывают на дно уцелевших рюкзаков крючья, молотки, карабины и медленно бредут вниз. Макаров идет последним, и где-то далеко и высоко, на самой верхней полочке памяти, солнечная площадь после защиты и над ней — золотая вершина.

ФОТОГРАФИЯ

Книга «Тигр снегов» попала ему в руки случайно. Павел прочел ее одним махом. Из памяти не выходило то место из прочитанного, где Норгей Тенцинг отвечает на вопросы своих соотечественников, видел ли он на вершине Эвереста бога Будду или бога Шиву. Тенцинг отвечал, что на вершине Эвереста он не видел ни бога Будду, ни бога Шиву, но, как никогда, был близок к богу. Павел был крещен, в бога верил, хотя набожным не был и церковь посещал редко. Но ему казалось, что он живет на земле не просто так. Для чего живет, он, конечно, не знал. Когда же он прочитал книгу о восхождении на самую высокую вершину планеты, у него появилось чувство, что он тоже должен когда-нибудь побывать на очень большой вершине и ощутить то, что ощутил Тенцинг.

В горах он не был ни разу. Но ему удалось добиться, что его взяли в экспедицию в качестве завхоза и радиста. Павел легко совмещал эти две обязанности. К тому же, сильный и тренированный, он вполне мог ходить на высоте. Врач экспедиции был изумлен его данными. Давление 110 на 70, пульс 55, восстановление после нагрузки за сорок секунд. И это на высоте 4000. На каждой ноге делал более ста «пистолетов».

Когда команда пошла на первый тренировочный выход, ему разрешили идти вместе со всеми. Альпинисты поднимали на высоту груз и одновременно проходили акклиматизацию. Каждому надо было переболеть «горняшкой». Но у Павла голова не болела, он легко нес рюкзак, отбегал по камням в сторону с увесистой камерой, снимал цепочку людей, крупным планом ботинки, окованные зубьями, наступающие на камни, затем переводил камеру на вершины, возвышавшиеся над суетным миром. Среди них выделялась самая недоступная. Взойти на нее – и была цель экспедиции. Отсняв кадры, Павел догонял группу, и все в душе его пело, он ощущал такой необыкновенный подъем, какого никогда не чувствовал раньше. На привале помогал готовить пищу, сам ел с аппети-

том, мыл снегом посуду, а вокруг были крепкие мужественные люди, и все было живо, дружно и динамично.

Он позабыл на время, что в далеком городе остались у него жена с двумя маленькими дочками. Вспомнил лишь на обратном пути. И, вернувшись в базовый лагерь, достал из внутреннего кармана фотографию, завернутую в пленку. Девочки-близняшки, по три годика каждой, на коленях у милой улыбающейся женщины, самой милой на свете. Он представил себе, как жена собирает их в садик, надевая на них одинаковые платица, и только бантики на головках влетает разные. По этим бантикам их и отличали. Маша и Даша. Обе с большими, как у мамы, глазами и с ямочками на щеках. Павел вспоминал, как с радостными возгласами «Папа! Папа!» девочки бежали к нему, когда он приходил за ними в садик. Одев дочек, он брал их обеих на руки и так и шел домой, а они по пути щебетали.

Прошло несколько дней. Команда сделала еще один выход, еще выше, поставила еще один промежуточный лагерь. И снова Павел шел вместе со всеми и снимал, снимал на камеру. В том числе крупным планом каждого участника. Многие успели обрасти бородами, лица почернели от горного солнца. «Фильм должен получиться. Но главные кадры – на вершине», – думал он.

И вот команда стала готовиться к выходу на штурм. Павел тоже стал собирать рюкзак. Но к нему подошел руководитель:

- Павел, не собирай рюкзак.
- Но я же смогу подняться.
- Я не сомневаюсь. Но такие правила.
- Понятно.

Павел принял это как должное.

Рано утром команда построилась с рюкзаками на линейке. К рюкзакам прислонены ледорубы. Руководитель опросил каждого, что он взял. Ничего не забыто. Уточнено время связи. Павел снимал линейку. Прозвучала команда трогаться, и люди пошли ровным уверенным шагом. Цепочка из десяти человек. Павел перевел камеру на вершину. Она была таинственна и прекрасна.

Команда ушла. Флаг экспедиции чуть-чуть трепетал на горном ветру.

Врач и еще один участник, оставленный по состоянию здоровья, улеглись досыпать в своих палатках. Положив камеру, Павел пошел вдоль небольшого ручья, протекавшего по высокогорной каменистой пустыне. Сел на камень и долго глядел на легкие прозрачные струи, стараясь ни о чем не думать. Потом достал фотографию, полюбовался ею и что-то сказал своим близким. Убрал фотографию и опять стал глядеть на ручей. Долго глядел. Может быть, в слабых, переливчатых звуках услышал он ответ на свои мысли. Встал, посмотрел на горы и принял решение. «Павлуша, что ты надумал?», как будто почувдился слабый голос жены, и он невольно вздрогнул.

В течение дня Павел все тщательно продумал и стал собираться. Палатка, спальный мешок, рация, камера, примус, фляжка с бензином, кастрюлька, аптечка, продукты, запас теплой одежды, ледоруб. И веревка на всякий случай. Получалось много на одного. «Ничего, я же не слабак», – думал он. Вечером он сказал врачу, что утром пойдет фотографировать.

Павел пошел по следам команды. Он отставал от нее ровно на один день. Он не старался уменьшить разрыв. Останавливался на тех же привалах, ставил свою палатку, разжигал примус, растапливал снег и готовил чай. Чая пил много. К концу дня пить хотелось страшно. Напившись чая, варил гречневую кашу, добавляя в нее тушенку. Затем чистил кастрюльку снегом, чтобы не возиться утром. Утром кашу не варил, готовил только чай, ел сало с сухарями. Калорий хватало. Два раза в день Павел выходил на связь с командой согласно графику. Принимал от нее информацию и знал, где команда находится. А она не знала, где он.

Так прошло четыре больших дня. И когда команда, преодолев скальный гребешок, ушла с него влево, он через день ушел со скал вправо, чтобы не встретиться с командой под вершиной. Его следы не были им видны.

На пятый день он обнаружил, что продуктов почти не осталось. Он взял их по минимуму из-за дефицита места в

рюкзаке. Но это не сильно огорчило его, хотя он стал больше уставать. До вершины уже было не так много. Пил чай с сухарями. Стало труднее вытаскивать ноги из снега и делать новые шаги. Сердце колотилось, в висках стучало. Легкие с трудом наскребали кислород из пустого воздуха. Но Павел не сдавался. Когда кончился бензин, он выбросил бесполезный примус и кастрюльку. «Зачем я выбросил? Можно ведь унести потом вниз. Да нет, едва ли. А что делать с рацией? Если не выйду на связь, команда из-за этого не повернет назад. Вершина совсем близко». И Павел оставил рацию. Рюкзак стал легче. Но идти легче не стало. Хорошо, что погода держалась ровная, ветра не было. Ветер на такой высоте приносит гибель. Зато температура не поднималась выше минус двадцати.

Пошатываясь, Павел готовил место для последней ночевки. Утаптывал снег под палатку. Но натянуть ее толком не смог. Забрался в нее, кое-как развязал обледеневшие шнурки на ботинках и залез в спальный мешок. Заснул и полетел в какую-то пропасть. Падая, цеплялся, пытался остановиться, и не мог. Проснулся. Вздогнул. Второй раз засыпал дольше. И снова полетел. Кошмары повторялись, а утро никак не наступало. Наконец самые высокие вершины стали светлеть. Измученный, Павел с трудом натянул замерзшие ботинки. Палатку же сворачивать не стал. «Дойду без ночевки и вернусь», – подумал он. Захотелось снять розовевшие вершины. Но камера не работала, замерзла смазка. «Что же это я? Почему не засунул в спальный мешок? Выходит, панораму с вершины не сниму», думал он с горечью. И он оставил камеру. Вербку тоже оставил. Рюкзак стал совсем легким.

Павел медленно двинулся вверх. Сделав несколько шагов, оперся на ледоруб, стоял наклонившись, восстанавливая дыхание. Сердце, как колокол, зывало о помощи. «Дойду ли? Дойду! Должен дойти». Он двинулся дальше, но шагов через десять снова встал. «Что напишу в записке? Не знаю. Главное – дойти. Господи, помоги мне», – впервые обратился он к Богу. На каждой остановке возникали новые пронзительные мысли. Пока же делал шаги, не до них было. «Может, повернуть

назад? Ведь я могу не спуститься». Эта новая мысль почему-то не испугала его. «Поздно поворачивать. Надо идти».

Павел увидел следы команды к вершине. Следы и вверх, и вниз. Значит, команда побывала наверху и теперь спускается где-то ниже этого места. Павел вышел на следы. Он с трудом передвигался. Остановки затягивались. «Ну что же это я? Осталось так мало». Он упал. Желания встать совсем не было. Но он встал. Пошел и снова упал. На этот раз не встал. Пополз наверх. Он полз и полз, потеряв счет времени. Останавливался, проваливался в полубессознательное состояние и плыл в красивую сверкающую даль. Но импульс сильного внутреннего долга вновь возвращал его к действительности.

Когда наконец он дополз до вершины, сразу увидел небольшой аккуратный тур, сложенный из камней. Некоторое время лежал рядом с ним. Ему было хорошо. Чувство необычайной легкости поднимало его. Он не слышал ударов сердца. Словно парил над одиночеством страшной борьбы. «Я победил... Я победил...». Наконец он сел, оглядел бесконечные цепи вершин, простиравшиеся внизу во все стороны света. Смотрел ли кто-нибудь в этот миг на него из дальней дали? Ему казалось, что он не один. Затем он разрушил тур, вытащил банку, в которой в целлофановой пленке была записка команды. Прочитал записку. Команда была на вершине сутки назад. Когда стал засовывать записку в карман, рука наткнулась на фотографию. «Что же это я? Я же сегодня не видел своих!». Достал фотографию, поцеловал дочек и жену, снова завернул и положил обратно. «Теперь надо писать записку». И тут резанула мысль: «Бумаги-то нет!». Единственный листок остался у него в футляре рации. Только карандаш в клапане рюкзака. «На чем писать? На чем писать? На фотографии?». Он снова достал ее и коченевшими пальцами сделал запись на обороте. Фотография была больше банки, и ему пришлось согнуть снимок дважды. Он завернул фотографию в тот же целлофан, в котором была записка команды, затолкал в банку и кое-как завалил камнями.

Спускаясь, дошел до того места, где следы команды и его следы раздваивались, и несколько секунд выбирал решение, по какому пути спускаться. «Надо забрать камеру», – решил он и пошел по своим следам. Он падал, вставал, снова шел и снова падал. Сил оставалось мало. Он дошел до своей последней ночевки, забрал камеру. Останавливаться не стал, пошел дальше вниз. Упав в очередной раз, почувствовал, как склон едет вместе с ним. И когда лавина уже крутила его, услышал до боли знакомый голос: «Павлуша! Павлуша!». Отдаляясь, голос жены еще несколько раз повторил его имя.

Через два года другая команда не нашла на вершине записку предыдущей команды. Среди разбросанных камней люди нашли банку с фотографией. На ее обороте они с трудом разобрали расплывшиеся и наезжавшие друг на друга буквы и слова: «Спасибо богу родным я победил». И ниже, совсем неразборчиво: «Не знаю спущусь или нет».

ЗАПИСКА

Высота. Ясное утро. Белые пики на ярко-синем небе. Кузин Геннадий сегодня дежурит. Выбирается из палатки. Приготовить завтрак несложно. Рядом с палаткой небольшой ледниковый ручей. Не надо растапливать снег. Геннадий кружкой черпает воду, наполняет кастрюлю, затем разжигает примус. Тем временем из палатки вылезает Худеев Георгий в костюме «Дружба» (нижнее белье). Крепкий плотный парень. Заросшее черной бородой, обгоревшее лицо. Обаятельная улыбка. Обозрев великолепную панораму, Георгий начинает делать зарядку. Медленные вдохи. Плавные движения. Какой молодец. Какой методист. А в палатке все еще лежит Пушняк Виктор. Худой, лысоватый Виктор. Обычно его лицо в улыбке, а карие глаза так и буравят собеседника в предвкушении острой шутки. Но сегодня он грустный. Видимо, неважно себя чувствует. Копается в своей аптеке. После завтрака товарищи отправляют Пушняка к врачу соседней команды, расположившейся лагерем метрах в двухстах ниже. Врач послушал, померил и сказал, что если через два часа состояние данного альпиниста не улучшится, наверху ему нечего делать. В общем, пока то да се, тройка вышла поздно.

Закрытый белый ледник. Безобидное ровное поле. Иди да иди. И вдруг дурацкое падение вниз. Потеряв опору, Кузин проваливается в трещину. Но рюкзак заклинивает, и Кузин не летит туда, где темная пугающая глубина. Худеев натягивает веревку, пытается вытащить Кузина. Веревка давит, и Кузин кричит, чтоб ослабил, затем с трудом вылезает сам. Сидит на краю трещины, отдыхает. Чертова трещина. Откуда она взялась?

Идут дальше. Идут долго. Ходьба изнуряет всех троих. День кончается, а погода меняется. Готовится пурга. Вначале как бы легкая, даже красивая метель, потом появляются игривые такие завихрения, и вот уже сплошная белая круговерть. Снег бьет в лицо, и ветер перехватывает дыхание. Ничего не различить. Температура падает. Всего лишь час назад еще не

было ни единого облачка! Солнце заливало сверкавшие склоны. Черт! Надо немедленно вставать на ночевку.

– Все, парни! Встаем! – командует Кузин. Он старший в этой маленькой группе.

Альпинисты останавливаются, сбрасывают в снег рюкзаки. Кузин видит, как дрожит Худеев. Пушняк тоже стоит согнувшись, отвернув от ветра лицо. Так и окочуриться недолго. Кузин видит состояние товарищей. Действовать надо! Действовать!

– Палатку ставим! Быстро!

Кузин с Худеевым расправляют палатку-перкальку, но ветер надувает ее колоколом, вырывает из рук. Придавив палатку коленом, Кузин достает из кармана рюкзака два комплекта дюралевых стоек. В каждом комплекте три секции, три трубочки, вставляемые друг в друга. Протягивает один комплект Пушняку. Тот пытается соединить секции, но порыв ветра выбивает у него из рук две трубочки. Как перышки, исчезают они в белой крутящейся мути.

– Ты что? Совсем что ли?

Пушняк не отвечает. Стоит, скукожившись. Худеев не лучше. Оцепенели. Вот он, жуткий момент! И седая тут как тут, приготовилась. Пронзительная близость гибели. Без палатки конец. Или...или. Нет! Нет! Переломить! Переломить!

– Ледорубы связываем, мать вашу! Витя, палатку держи! Придави! Гоша, помоги мне!

Лицо Кузина – как камень, и руки, и мысли – жесткие пружины. Сложить два ледоруба, древко к древку, штычками навстречу друг к другу, и раз двадцать крепко обмотать репшнуром, виток к витку, заложив один из концов репшнура петель под витки, чтобы потом, вытягивая его, затянуть петлю со вторым концом в ней, зафиксировать крепление. Это так просто. Так просто в нормальных условиях, но сейчас... Репшнур был завязан узлом, узел обледенел, не развязывается. Пальцы совсем не слушаются. «Развяжешься!» – кричит про себя Кузин, и зубами пытается ослабить узел. Узел не поддается, обледенел. «Неправда! Развяжешься! Сука ты такая, развяжешься! Все равно развяжешься! Пошел! Все!».

Связанные ледорубы короче обычной стойки, но все же это стойка. Альпинисты растягивают палатку, используя в качестве якорей для растяжек один свободный ледоруб, ящик с мармеладом, бачки с бензином. Боковые крылья палатки провисают. Ветер бешено треплет их.

– Залазь! Разбирай рюкзаки!

Залезают, развязывают заснеженные рюкзаки, выгребают снег с днища палатки, раскладывают спальные мешки. Полог палатки низко, ложится на плечи. И все-таки это домик. И в этом домике они спрятались от стихии. И лица постепенно теплеют.

– Ну что, высотники? Живем?

– Живем, – откликается Худеев.

– Попить бы еще, – вставляет Пушняк.

Жажда невероятная. Целый день работали на снегу, на солнце, в огромной чаше среди гор, словно в гигантской сверкающей линзе. С тяжелым дыханием в сухом разреженном воздухе каждый потерял литра по три воды, не меньше.

Посуды нет. Оставили в предыдущем лагере, на предыдущей ночевке. Для следующей группы, что должна прийти туда. Сами же планировали дойти до следующего промежуточного лагеря, где все должно быть. И вот попались. Что делать? Решают топить снег на примусе в баночке из-под сгущенки. Этим занимается Худеев. Пушняк собирается писать письмо жене.

– Напишешь внизу, – говорит ему Кузин.

Пушняк молчит. Он уже далеко отсюда.

– Витя, ты уже завещание? – издевается Худеев.

Завтра по плану надо подняться до 5800. Витя начал писать жене с 5300. А Худеев настоящий виртуоз. Он составил рядом банки сгущенки и взгромоздил на них миниатюрный примус. Примус пытался гореть, как факел, угрожая палатке. Худеев не сразу его приручил, но теперь в баночке растапливается снег. Спички гаснут. Мало кислорода. Стоит же открыть вход, пламя задувает. Снег достают через окно палатки. У Худеева заняты все четыре конечности. Одна нога поддер-

живает банки под примусом (пол палатки неровный), вторая прижимает шнур, регулирующий открытую площадь входа, одна рука регулирует пламя примуса, а вторая подкладывает в баночку снег. На плечах его провисшее полотнище палатки. И вот они по очереди пьют талую воду. Дождаться кипения нет мочи. Только через пять баночек вытерпели, вскипятили и заварили чай. Настал и такой момент, когда каждый в одиночку выпивает целую баночку.

– А что, если мы сейчас всей палаткой провалимся в трещину? – задает каверзный вопрос Кузин.

– Тогда я сразу же отталкиваю Пушняка и отбираю у него кружку, – радуется Худеев.

– А я вытаскиваю трубку и начинаю сосать воду со дна трещины, – мечтает Пушняк.

– Ведь ты уже будешь по горло в ледяной воде, – замечает Кузин.

– Это не главное. Главное, что холодную воду губами пить нельзя. А то они пойдут волдырями. Поэтому Витя будет использовать трубочку, – поясняет Худеев позицию Пушняка.

На двадцать восьмой баночке чаепитие заканчивается.

Утром Кузин выглядывает из палатки. Все белым бело. Надо собираться. Дежурный сегодня Пушняк.

– Витя, вставай! – говорит Кузин.

– Я уже третий раз это слышу – раздраженно отвечает тот.

– Так что же не встаешь?

– Потому что мне очень уж лежать нравится.

– Ну и лежал бы себе в базовом лагере.

– Гена! Я, наверно, сам знаю, где мне лежать?

Но, несмотря на препирательство, он встает и начинает возиться с примусом. Целый час из этой возни ничего не получается.

Вот, наконец, поели кое-чего. Снимают палатку, развязывают вчерашние ледорубы. Время уже десять утра.

Через два часа утомительной ходьбы поднимаются на перегиб и видят палатки и стенку от ветра, сложенную из снежных кирпичей. Приближаются. Здесь группа Дениса Савости-

на. Это старший тренер, опытный альпинист, высокого роста, с крупными чертами лица.

Небольшой отдых. Савостин направляет группу Кузина вверх. Снова месить снег. Снова солнце, сверкающее солнце. Монотонная, нудная работа. Однозначно ощущается высота. Мало кислорода. Терпи, высотник, шагай, проваливайся в этот вязкий пух. И будь готов к приключениям.

К вечеру погода опять портится. Как вчера. Похоже, пурга снова будет. Но группа приходит в следующий промежуточный лагерь, где есть палатка (провисла малость) и часть груза, заброшенного ранее. Стряхивают с палатки снег, натягивают, как положено. Сегодня будут ночевать в ней. И сегодня есть посуда: кастрюля, миски, кружки. Можно приготовить и с комфортом поесть. Погода действительно скурвилась. Пурга похлеще вчерашней.

Здесь выше, и ветер еще сильнее. Но все поели, попили. Можно и поспать. Лежат в спальных мешках, разговаривают под завыванье стихии.

Засыпая, Кузин думает о своем доме, вспоминает о жене. Она географ и должна уже вернуться из геоморфологической экспедиции. Загорела, наверное. Опять привезет каменные наконечники стрел или черепки какие-нибудь. Экспедиция работала в центральной части Казахстана, в долине речки Байканыр, что западнее Джезказгана. Вот он слышит ее звонкий голос. «Уже снится», – успеваешь подумать он, и засыпает. Опять голос. «Что такое? Показалось». Кузин поворачивается на другой бок, погружается в nirvanу. Голос повторяется, но как бы другой, совсем не похожий на голос жены. «Фу ты, черт! Вот наваждение!». Однако это не наваждение.

– Парни! Слышите?

– Что? – откликается Худеев.

– Кто-то кричит.

Все прислушиваются.

– Тебе показалось.

– Помолчите!

Молчат. Нет, ничего не слышно. Только порывы ветра.

– Не мешай спать, – говорит Пушняк.

Но снова голос, теперь это крик, уже совсем явственный.

– Поднимаемся! Надо идти навстречу!

– Я никуда не пойду, – это Пушняк.

– Но люди же! Наши! Ну и черт с тобой!

Всунуть ноги в мокрые ботинки. Зашнуровать. Натянуть пуховку. На голову вязаный шлем. Застегнуть капюшон куртки. Руки в рукавицы.

– Гоша! Держи веревку! Я пойду от палатки!

Кузин протягивает веревку Худееву, не дожидаясь, когда тот оденется. Высовывает из палатки голову – в лицо удар снега. Залепило рот и глаза. Выползает на четвереньках и, наклонившись, идет в направлении предыдущего крика. Веревка всего сорок метров. Далеко не уйдешь. Веревка натягивается, но вновь ослабевает. Видимо, Худеев тоже идет.

– Эй! Сюда! – кричит Кузин в белую муть.

Пурга обрывает крик, но в ответ тоже кричат.

– Эй!

Белая фигура приближается к Кузину. За ней вторая, третья. Всего шесть.

– Держитесь за мной!

Кузин поворачивается назад. Худеев, почувствовав слабину веревки, натягивает ее. Подходят к лагерю. Кузин с Худеевым помогают товарищам снять рюкзаки.

– Парни! Давайте ваши палатки. Мы натянем. А пока залазьте в нашу.

– У нас нет палаток.

– Как нет?

– Так, нет.

– Почему же вы пошли без палатки?

– Савостин сказал, что вы встретите нас.

– Мы? Встретим вас? Первый раз слышу.

Замерзшие люди залезают в палатку. Теснота жуткая. Нельзя повернуться. Но все-таки в тепле, в закутке. Пушняк где-то в углу. Кузин с Худеевым ставят свою вчерашнюю палатку, снова связывая ледорубы. Кузин никак не может при-

йти в себя. «Ну и ну! Отправлять людей без палаток – это же авантюра. Нет, даже не авантюра, а преступление. А если бы они разминулись с нами? Страшно подумать. Как Савостин мог такое сделать? Он считается опытным высотником. Спустимся вниз – скажу». Распределяются по палаткам. Готовят горячую пищу. Слава богу, никто не обморозился. После ужина все мгновенно засыпают. Кроме Кузина. Он долго не может отключиться. Случившееся не укладывается в голове.

На следующий день все спускаются в первый промежуточный лагерь. Не сняв рюкзака, Кузин подходит к палатке, в которой Савостин.

– Здорово.

– Здорово, коли не шутишь.

– Денис, как можно было направлять людей вверх без палаток? Они же могли замерзнуть!

– Твоя группа должна была идти к ним навстречу.

– Такого указания не было.

– Было!

– Это ты говоришь сейчас!

– Поговорим завтра. В базовом.

И наступает завтра. В базовом лагере собирается тренерский совет.

Уважаемый состав. Приглашают «провинившегося». Оглашается решение: лишить Кузина права восхождения на вершину. Назначить его руководителем группы вспомогателей, которая будет сопровождать восходителей до предвершинного гребня. Кузин горячится, пытается доказать свою правоту. Не слушают. Якобы Савостин отдавал ему записку с указанием идти навстречу той группе из шести человек. Какую записку? Бред какой-то! Никакой записки не было! Но никто за него не заступился, никто не попытался выяснить.

Первое желание – уехать. Но автобусы здесь не ходят. Хочешь ты, не хочешь, придется оставаться.

Кузин остался...

Наступил решающий день штурма. 19 человек идут вверх. Склон. Глубокий снег. Высота. Каждый шаг – целое событие.

Воздух пахнет пустотой. Легкие с трудом наскребают из него необходимое количество кислорода. И все же идти можно.

Привал. Кузина и еще троих Савостин оставляет здесь. Для подстраховки. Худеев и Пушняк идут вместе со всеми на вершину.

...Прошло пятнадцать лет. Много всякой воды утекло. Были победы и беды были. Оказавшись в командировке в Красноаянске, где жил Пушняк, Кузин разыскал его. Сидели за столом, пили водку, поминали тех, кого уже нет. Совсем пьяный, Пушняк сказал Кузину:

– Я должен перед тобой извиниться.

– За что?

– За одну подлянку.

– Какую подлянку? О чем ты?

– Да в той экспедиции. Ты не знал, что Савостин дал мне записку, чтоб я передал тебе, чтобы мы вышли навстречу той группе из шести человек.

– Это когда они поднимались без палаток?

– Да.

– И ты не отдал ее мне?

– Нет.

– И внизу, когда проходил тренерский совет, об этом не сказал?

...Кузин ушел от Пушняка. Долго шел по ночному городу. Перед глазами плясала снежная круговерть, далеко за ней чудился белый пик и, горечь, как нетающий снег, лежала на сердце.

СПАСЕНИЕ

Надо мной появляется лицо врача. Встревоженные глаза. У меня ничего не болит. Но голоса товарищей стали, как за стеклянной стеной. И какая-то легкость странная, словно лечу куда-то. Страшно. И когда мы поставили палатку, я тут же забрался в спальник. И тогда вообще все стало отдаляться. Да, я могу уснуть. Легко уснуть. Насовсем. И тогда я попросил позвать врача.

Врач измеряет давление. Я не спрашиваю, какое оно. Наверняка низкое. Прошу сделать укол.

– Какой?

– Когда-то в городе мне делали кофеин и кордиамин.

Врачу помогает Ольга, жена начальника экспедиции. Они почему-то очень долго вскрывают ампулы. Очень долго. Но вот укол. Один, второй, третий. В левую руку. Что изменилось? Не знаю. Пожалуй, ничего. Надевают кислородную маску. Я дышу. Кажется, стало чуть лучше.

Остро осознаю, что надо одеваться и идти вниз, пока могу передвигать ноги. Прошу пригласить в палатку начальника экспедиции.

– Как дела? – спрашивает он.

– Саша, мне надо вниз.

– Завтра спустишься.

– Саша, надо сейчас.

– Сейчас?

– Да.

Саша все понял. Он знает, о чем речь.

– Хорошо. Я дам двух сопровождающих.

Мне помогают обуть ботинки.

И вот я в середине связки. Почему-то стоим. А надо бы идти. Подходит Сергей и кладет мне в рот таблетку глюкозы. Он пойдет впереди меня. Стою еле-еле. Скорей бы пойти. Скорей бы начать переступать ногами.

Но вот ноги переступают. Идем. Я в середине связки. В рюкзаке только спальник мешок. Для тепла. Стараюсь попа-

дать в следы, сделанные при подъеме. Ноги идут нормально. И ледоруб тоже держу нормально, штычком к склону. Но где я? Ах, да, мы идем вниз. Спускаемся с высоты. Из-за меня. Хочется отключиться, уснуть. Это так близко, так просто. Но нельзя, нельзя это делать. И тело автоматически совершает движения, которые оно совершало много-много раз.

Надо думать о чем-то хорошем. «Будешь думать на хорошее – все будет хорошо. А если на плохое будешь – плохо и выйдет», – говорила мне в детстве моя матушка. Старенькая моя, неугомонная. Ей уже 87. Ровесница века. Я всегда любил ее.

Однажды проснулся я в летний день, а в доме никого. Значит, мама в колхозном поле с другими бабами, с нашими деревенскими. Рано ушла. Оставила на столе кусок хлеба и чашку молока от нашей козы. Съел я, но бежать на улицу почему-то не хотелось. Скучно как-то стало. Что бы такое сделать, чтобы маме приятнее было? Я нашел веник, подмел пол в избе. Потом теплой водой из чугунок помыл посуду. Как хорошо, что стало чисто. Что бы еще такое? Мама любит цветы. Но не бежать же за ними в поле. А в огороде две большие липы. Цветут как раз. Маме нравится запах липы. И я забрался на одну, наломал веток целую охапку. Принес в избу. Куда же букет поставить? А в чугунок, в котором вода была! И я водрузил его на стол. Вот мама придет на обед, обрадуется...

Где я? Ах, да это мы спускаемся. Вот веревка. Да, это веревка.

Мама научила меня делать любую работу и не бояться ее. «Глаза боятся, а руки делают», – говорила она. А сейчас дело делают ноги. Где-то спереди и сзади идут мои товарищи, сопровождающие меня. Кажется, они разговаривают. Да, разговаривают. Но слова их так далеко от меня. Дойти бы до крутой части склона. Там можно быстрее терять высоту. Чем ниже, тем больше кислорода. Дойти бы туда. И отдохнуть бы, поспать немного.

– Может, отдохнуть? – спрашивает кто-то.

Веревка ослабевает. Похоже, это голос Сергея. Нет, нет, нельзя отдыхать. Надо идти. «Иди, иди!» – как бы кричу я.

Не знаю, услышал ли Сергей, но веревка натягивается. И ноги идут. Нижняя развернута носком вниз, верхняя параллельно склону. Так и положено на крутом склоне. Ноги сами знают, как идти. Так мы что, на крутом склоне? Да, так получается. Буду думать о матушке. Так теплее, уютнее.

Помню, зимней ночью лежали мы с братиком на русской печке. Вьюга в трубе завывала. Мамы не было. Я боялся, что ее загрызут волки, и тихонько заплакал. А Славик, брат мой, он постарше меня был, ткнул меня кулаком, чтобы я замолчал. Шла вторая неделя, как мама с соседкой Василисой ушли пешком с санками в областной город, до которого ни много, ни мало, почти сто километров. Ушли, чтобы купить там хлеба, печеного ржаного хлеба. Другая соседка приходила к нам, варила щи, пустые щи без мяса. На какие деньги мама собиралась купить хлеб, мы не знали. Вечерами ходила она по соседним деревням и продавала или обменивала кое-какие оставшиеся после отца вещи. Один раз заблудилась, кружила вокруг своей же деревни. Вьюга была. И мама, подходя к нашей деревне, не узнавала ее. «Леший водил», – сказала она потом. Ходила, ходила, обессилела совсем, отчаялась и хотела сесть. Но испугалась, не села, сообразила все же, что садиться нельзя. Перекрестилась, одумалась как-то и вышла.

А завтра надо было идти в школу в соседнее село. И идти надо было мне. В школу ходили с братиком по очереди, потому что одни валенки на двоих были, да и те дырявые. Заталкивали тряпки, чтобы снег не попадал.

И вдруг стукнули ворота. Неужели мама пришла? Наконец-то! Закутанная в полушалок, заиндеветшая, втащила она в избу мешок с застывшими черными буханками хлеба. Мы бросились растапливать печку. Дрова плохие, ольховые, разгорались долго. Но вот пламя стало лизать поленья, и мы пододвинули к нему одну из буханок, чтобы отогрелась. А ждать не было сил. Вытащили буханку, думали, что отогрелась, и стали грызть. Сверху раскисший мякиш, а под ним мерзлый, не оттаявший слой...

Что это я? Опять о матушке вспомнил. Это хорошо. Мы идем. Сколько прошло времени? Иногда та или другая нога

глубоко проваливается. Но это ничего. Я вытаскиваю. Кажется, немного вспотела спина. Как будто бы даже жарко. Но это же называется обмен веществ! Я оживаю! Я гляжу на впередиидушего. Это Сережа! Он еще не совсем со мной, но я его вижу! Я с ним! Странный, страшный сон мой, кажется, кончается. Возвращается реальность. Неужели снова все будет, как раньше?

Крутизна склона возрастает. Появляются скалы. Нужна попеременная страховка. Нахожу выступ, привычным приемом закладываю веревку и, выбирая ее, страховую заднего по связке. Он приближается ко мне.

– Ну как? – спрашивает он.

– Кажется, лучше. Страхуй.

Задний выпускает постепенно мою веревку, чуть натягивая ее, и я спускаюсь к переднему по связке.

– Ну как? – спрашивает он.

– Почти нормально. Спускайся. Я страховую.

Спуск по скалам. Разнообразные движения. Руки, ноги, спина работают. Работают все группы мышц. Интенсивное дыхание. И кислорода чуть-чуть, наверно, прибавилось. И мы все ниже и ниже.

Часа через полтора достигаем нижнего промежуточного лагеря. Палатка стоит. Отцепляемся от веревки. Снимаем рюкзаки. Разжигаем примус. Я помогаю. Вот и чай. И радость. Необъятная радость жизни. Спасибо, мама. Ты спасла меня еще раз.

КАМУШЕК С САМОЙ ВЫСОКОЙ ГОРЫ

Веревка свисает с крюка в темноту. Анфимов пристегивается к ней и быстро скользит по скале, теряя высоту, отво-
еванную у горы с таким трудом.

Еще час назад они спали в гамаках, закрепленных на предвершинной стене. До вершины оставалось совсем немного, часа на три работы утром. Около половины двенадцатого ночи Анфимов проснулся от грохота и затем услышал крики.

«Да ведь это на Корее!» — пронзила страшная догадка. Пик Свободная Корея — соседняя вершина. На ее стене — другая группа альпинистов, поднявшихся за два дня на пятьсот метров. Включив рацию, Анфимов поймал в эфире разговор между соседями и их наблюдателем на леднике: «Как меня слышишь? У Бори Дриенко перелом основания черепа. Он без сознания. Спускаться сами не можем. Срочно сообщи в лагерь «Арча».

Решение пришло мгновенно.

— Парни, подъем! На Корее несчастье. Снимаем гамаки и спускаемся.

Слова капитана прозвучали негромко, но проснулись все и стали делать то, что надо было делать в этой обстановке. Собирались молча. Опытный Михаил Замолвин, врач Евгений Наградский, горовосходитель с большим стажем Виталий Яшин и самый молодой в команде Валерий Рыська.

Вместе они тренировались не один год, вместе взойшли не на одну гору. Но этот «их» маршрут, никем не пройденный, манил давно. В этом сезоне с погодой повезло, но вот, пожалуй ста...

Труден ночной спуск по стене, когда не видишь конца веревки, не знаешь, найдет ли нога желанный выступ, когда веревка кончится.

Рассвет застал альпинистов у подножья Свободной Кореи. Гора и ледник разделены «бергшрудом» — глубокой и широкой трещиной. Высоко вверху среди черных и рыжих плит на узкой полке видны маленькие фигурки. Анфимов пробует ледорубом снежный мост через бергшруд. Снег достаточно плотный. Говорит Замолвину:

– Миша, страхуешь. Я пошел.

Он заносит вперед ногу, осторожно ставит ее на снег и скользящим движением продвигает дальше. Плавно переносит на нее тяжесть тела и дотягивается ледорубом до края бергшрунда. Вылезает на лед и почему-то оглядывается назад, на свою гору. Прекрасная в утренних лучах и по-прежнему недоступная, выделяется она среди других изумительной красотой.

Анфимов медленно выпрямляется и вбивает клюв ледоруба в лед выше головы. Делает два шага на передних зубьях кошек, вдавливая их в крутую гладь. Вытаскивает ледоруб, забивает его снова вверху. Ледоруб, два шага на кошках, ледоруб... Вот он поднялся на двадцать метров. Вворачивает в лед страховочный крюк и, повернувшись вниз, кричит Замолвину:

– Миша, пошел!

Третьим поднимается Яшин, за ним Наградский. На снегу под бергшрундом остался для связи Рыська. Он сидит на рюкзаке с рацией в руках. Анфимов, выйдя на скальную часть стены, лезет выше. Надо спешить, надо сделать сейчас все, на что он способен. Он подтягивается, чтобы вставить в скальную трещину крюк.

Удар молотком. Крюк входит. Еще несколько ударов. Но их звук совсем не нравится Анфимову. Крюк «не поет», как обычно, а глухо отзывается на удары. Анфимов физически ощущает, как огромная плита под действием расклинивающих сил со стороны крюка отходит от монолитной стены. Сейчас она вместе с ним упадет на тех, кто ниже. Не дыша, впиваясь пальцами в углубления в камне, передвигается по стене вправо.

– Берегись! «Живая» плита! — кричит он вниз.

Трое прижимают головы к скале. Прятаться некуда. Секунда, вторая, третья... И вдруг тишина взрывается оглушительным грохотом. Он зародился где-то вверху, значительно выше плиты и теперь движется вниз на людей, прилипших к стене. Кажется, что рухнула целая скала. Со свистом, как ядра, подпрыгивая на выступах, рикошета и разбиваясь, камни

«простреливают» стену. В ожидании удара люди прижимаются к плитам. Камни несутся по крутому ледовому желобу, не задевая никого, перескакивают через бергшрудн и врезаются в снег.

«Пронесло», — думает Анфимов.

Уже метров десять поднимается он, не забив ни одного крюка. Не дай бог, срыв... Но Анфимов знает, что он не сорвется. Он не имеет сейчас права срываться. Шарит над собой рукой, чтобы найти зацепку. Кожа на пальцах ободралась, и на камне остаются маленькие яркие пятнышки. Анфимов не чувствует боли. Удерживая на весу тело, пальцы напрягаются до немоты.

Кончились веревки. Они бы не кончились, если бы группа поднималась так, как на обычном восхождении, когда веревки не оставляют. Но сейчас нужны «перила», и, начиная от бергшрудна, альпинисты не снимали веревок с крючьев. До полки, на которой люди, осталось восемьдесят метров.

— У нас кончились веревки! Спуститесь кто-нибудь к нам! — кричит вверх Анфимов.

Один человек начинает спускаться с полки. По пути он закрепляет свою веревку.

— Как чувствует себя пострадавший? — спрашивает, дождавшись его, Анфимов.

— Плохо.

— Можно спускаться по «перилам»?

— Нет. Его нельзя шевелить. Необходимы жесткие носилки.

— Сообщили об этом по рации?

— Да. Сразу же. Отряд со специальным снаряжением еще ночью вышел из лагеря «Арча». Скоро должен быть под стеной.

— У нас врач. Он может подняться к пострадавшему.

— Это хорошо.

Анфимов поворачивается вниз и дергает за веревку. Из-за выступа показывается голова Замолвина.

— Миша! Крикни Наградскому, чтобы лез сюда!

Тяжело дыша, Наградский поднимается к Анфимову.

— Поднимайся к больному, — приказывает Анфимов.

Через полчаса Наградский выбирается на полку, где висят, прицепившись к крючьям, люди. Вид пострадавшего страшен. Голова в крови, волосы слиплись. Вокруг глаз черные круги – «очки» – характерный признак перелома основания черепа.

Середина дня. Цепочка альпинистов медленно движется вверх по леднику. Ветра нет и дышать нечем. Солнце, отражаясь от абсолютно чистого снега, жжет лица. Лямки рюкзаков, нагруженных спасательным снаряжением, тяжело врезаются в плечи. Ноги проваливаются в раскисший снег.

Сверху Анфимов хорошо видит десять медленно перемещающихся маленьких точек. Он ничем не может им помочь. Ждать. Только ждать. Он откидывается на страховочной петле, пытаясь найти подобие удобного положения. Очень хочется спать. Он вспоминает о доме, о маленькой Катьке, которая всегда его спрашивает, привез ли он ей камушек с «самой высокой горы». «Не знаю, Катька, привезу ли я нынче тебе камушек».

Отряд подходит наконец к основанию стены.

Рыська давно уже натопил из снега на примусе небольшую кастрюльку воды, вскипятил ее, круто заварил чай, смешав черный с зеленым, засыпал полпачки сахару, обернул кастрюльку пуховой курткой, чтобы чай не остыл. Он зачерпывает из кастрюльки полную кружку. Кружка одна. Альпинисты, принешие спасательное снаряжение, по очереди глотают обжигающий сладкий напиток.

– Сколько принесли кошек? — спрашивает Рыська.

– Пять пар, — отвечает руководитель отряда.

Пять человек, надев кошки и взвалив потяжелевший груз, поднимаются к бергшрунду. В этот момент начинается новый камнепад. Люди прячутся в нише бергшрунда, образовавшейся под его верхней гранью. Камни, свистя, пролетают над ними. Тишина. С интервалами минут в пять люди покидают спасительную нишу. Придерживаясь за перильную веревку, они медленно поднимаются по льду. На подъем

груза до группы Анфимова уходит два часа. Еще два часа на подъем до полки. Четыре часа по перилам на пятьсот метров.

Анфимов с последней катушкой троса, необходимого для спуска носилок, вылезает на полку и замечает, насколько беспомощны стали люди, провисевшие рядом с травмированным товарищем почти сутки. Вокруг них много перепутанных веревочных петель, закрепленных на крючьях. Анфимов обрезает ножом эту «паутину», закрепляет новую страховочную веревку.

– Кто будет сопровождать больного? — спрашивает Анфимов.

– Я, — отвечает худенький паренек.

– Пристегивайся к концу троса рядом с носилками. Они должны быть на уровне твоей груди.

Наконец от полки отделяется человек. Медленно, очень медленно переступает он по гладким обледеневшим плитам спиною вниз, уравнивая перед собой носилки с товарищем. Посредине спуска происходит заминка. Из носилок поднимается рука. Другая. Что такое? Неужели плохо привязали? Больной бессознательно пытается вылезть из носилок. Сопровождающий успокаивает его, с трудом укладывает руки на место, долго возится с обвязкой. Восемь тридцать. До темноты всего полчаса. Сопровождающий пытается вместе с носилками выйти на скальную часть стены, уйти из опасного желоба. Бережно придерживая носилки, он переступает в сторону, приближаясь к черным крутым плитам. Но, когда остается сделать последний шаг, его тянет в исходное положение. Сопровождающий едва успевает переступить ногами. Снова и снова повторяет он свои безуспешные попытки, пока, окончательно не изверившись, не останавливается посередине желоба. Все вздрагивают от внезапного гула. В соседнем ущелье сошла лавина.

– Скорее вниз! — кричит Анфимов. — Стравливай трос!

Человек и носилки снова трогаются. Двести, сто пятьдесят, сто метров до бергшрунда. А вот и он. Спускаются с его верхнего края и неловко заваливаются вниз. Хорошо, что тре-

щина забита здесь снегом. Люди, находящиеся внизу, помогают обессилевшему сопровождающему вытащить из трещины носилки. Дриенко слабо стонет.

– Боря, Боря, потерпи еще немного, – говорит ему сопровождающий, успокаивая больше самого себя, потому что Боря сейчас ничего не понимает.

Никто не знает, как долго еще не будет ему легче. Пройдет немало дней, прежде чем, очнувшись в больничной палате, он захочет узнать имена тех, благодаря кому остался жив...

В полной темноте проходит спуск. Анфимов думает о том, что неплохо бы сейчас переобуться, но сухих носков нет, и до ближайшей теплой ночевки идти еще три часа.

Уже подходя к людям, он оступается, и рука натывается в снегу на небольшой острый осколок камня, который больно задевает ободранные пальцы. Он выпрямляется, потом, что-то вспомнив, наклоняется снова, поднимает осколок и прячет его в карман.

СЕЛЕНЬЕ ПАТХОР

Когда-то в одной из древних долин Памира жило мирное племя людей. Они не знали, что такое вражда, не имели боевого оружия. Но однажды в их долине появились иноземные воины с копьями и мечами. Это был один из отрядов Александра Македонского. Жители долины для своей защиты выставили вдоль тропы самых красивых девушек. Воины Македонского влюбились в них и остались здесь жить. Прошел год. У Македонского об отряде ни слуху, ни духу. Полководец посылает на Памир новый, еще больший отряд. Но и второй отряд не вернулся. Тогда полководец послал на Памир самого верного гонца. Гонец смог вернуться и поведал своему господину тайну исчезновения храбрых воинов. С тех пор в долину не ступала вражеская нога.

Эту легенду на своем языке рассказывает нам с Лехой древний седой старик. Переводит нам его сын Маматнеус, местный учитель, с которым мы познакомились сегодня. Мы пьем зеленый чай из больших белых пиал. На блюде разломанная пшеничная лепешка и горка кусочков рафинада.

Мы с Лехой – участники альпинистской экспедиции. Лехе надо уезжать домой, у него кончается отпуск. А мне поручили проводить его вниз по опасному леднику. Два дня мы шли с Лехой от подножья пика Патхор вдоль реки Патхор к селенью Патхор. В каждом из нас еще продолжалось суровое восхождение. Стояли в глазах скалы, гремел камнепад, сводило время от времени судорогой пальцы рук, не отошедшие от напряженного лазания, но чем дальше мы шли, тем уютнее охватывал нас мягкий воздух невидимой близкой долины. И хотя мы хорошо помнили, что наши товарищи еще на опасных маршрутах, что с ними может случиться все, что угодно, нас неудержимо тянуло вниз, в теплый зеленый мир.

Уже давно мы очень хотели есть, потому что взяли на дорогу мало продуктов, считая, что за день спустимся вниз. Мы просчитались, потому что, пока совершалось наше восхождение, в горах шло интенсивное таяние, все ледниковые трещи-

ны обнажились, и мы долго искали проходы через них. Мы спокойно терпели голод, так как привыкли в горах терпеть. Но когда, пройдя на второй день по наклонному ровному лугу с низенькой травкой, по которой текла чистая, глубиной с высоту стебельков вода, мы подошли к гороховому полю на краю селения, руки сами собой потянулись к упругим, тугим стручкам. Прохладная сладость молодого гороха! Мы не заметили, что за нами наблюдают. И только потом увидели совсем рядом высокого смуглого человека с мягкими чертами лица. Его большие карие глаза светились улыбкой.

– Ешьте, пожалуйста!

Человек не спеша подходит к нам, аккуратно ступая по узкой тропинке, чтобы не наступить на зеленые плети гороха, перебравшиеся кое-где через нее. Он протягивает нам руку и крепко жмет наши.

– Маматнеус.

– Леша.

– Женя.

Маматнеус показывает рукой на серебряную вершину пика Патхор, возвышающуюся над грядой ближних гор.

– Ну как там, все хорошо? – спрашивает он.

– Все хорошо, – отвечаем мы с Лехой одновременно и невольно переглядываемся.

– Идем к нам. Чай пить будем, – говорит Маматнеус. И, пока мы идем в селенье, вопрос Маматнеуса не выходит у нас из головы. Мы привыкли к тому, что нас спрашивают, почему у нас такая трудная работа и сколько нам за нее платят. Мы привыкли, что на нас смотрят с недоумением, когда мы отвечаем, что за наши восхождения не получаем нисколько. Почему же не так спросил Маматнеус? Видимо, он чувствовал какую-то необходимость восхождения на вершину, под светлым шпилем которой испокон веков жил его народ.

Мы пьем чай во дворе дома. На нас смотрят столпившиеся в отдалении женщины и дети. Пугливые девочки прячутся за матерей. Грязные оборванные мальчишки показывают пальцами на наши ледорубы.

Потом Маматнеус приглашает нас внутрь дома, и мы проходим в просторное полутемное помещение с одним окном посередине потолка. Внизу вдоль стен идет дымопровод, служащий для обогрева в холодную часть года. С сентября по май отапливают жилище. Даже в июне случается, что Памирский тракт на перевалах заносит снегом. И тогда всякая связь с миром прекращается.

– Как вы строите свои дома? – спрашивает Леха Маматнеуса.

– Все строим. Приходят все, кто может. Когда заложат фундамент, хозяин угощает мясом. Потом делаем стены. Из глины. Верхний венец – из бревен. Бревна привозим издалека. Дорогие бревна. Когда положим верхний венец, снова едим мясо. Мяса у нас мало. Трава низкая. Сена получается мало. А зима длинная.

Маматнеус говорит по-русски почти без акцента, а свой язык называет памирским, утверждая, что он ближе к арабскому, чем к таджикскому.

– Маматнеус, где ты учился?

– В Самарканде. В университете.

– А дальше Самарканда был? В Москве был?

– Нет, не был. Семья. Шесть детей. У брата еще шесть. Брат болеет. Кормить всех надо.

– Маматнеус, а как ты сам учился?

– Я? Так и учился. Пять лет не был дома. Получал стипендию. Отец еще дал. Он взял у соседей. У одного овцу, у другого, продал их. Мы небогатые. Назад никто не просил. У нас не отдают долг. Если понадобится что-то соседям, придут к нам, попросят, если у нас будет.

Мы узнаем, что в селеньи нет еще радио и электричества, что пищу готовят на примусах на привозном бензине, а жилища отапливают привозным углем. Людям их селенья предлагалось для жизни хорошее место ниже, но никто туда не поехал.

Я провожаю Леху. По широкому деревянному мосту переходим бурный Гунт. Большая масса мутной воды с огромной

скоростью катится вниз, чтобы слиться потом с водой пограничного Пянджа. Вдоль Гунта проходит здесь Памирский тракт, соединяющий города Ош и Хорог. Почти семьсот километров опасного пути.

Мы останавливаем первый грузовик, договариваемся с шофером. Леха переваливает свой рюкзак через борт кузова, залезает в горячую кабину и протягивает мне руку.

– Счастливо!

– Счастливо!

Возвращаюсь в селенье. Теперь буду один среди памирцев. Что стану делать два дня? Через два дня с караваном ишаков предстоит подняться вверх, в базовый лагерь экспедиции. Оттуда надо спустить вниз все снаряжение. К тому времени все восхожденья должны закончиться.

Вечером Маматнеус говорит мне:

– Пойдем завтра ловить рыбу.

– Рыбу? Где?

– В Гунте.

– А чем ловить?

– Сетью.

Я не представляю, как можно ловить сетью рыбу в горной реке, которая ворочает по дну камни. Но я не расспрашиваю. Завтра все узнаю.

Меня укладывают спать, предоставив мягкие подушки и пуховую перину. Голова перегружена впечатлениями необыкновенного длинного дня. Но я засыпаю сразу.

– Женя, проснись! – трясет меня за плечо Маматнеус.

– А, что? Проспал?

– Нет, ловить будем вечером. А сейчас будем завтракать. Потом пойдем в поле. Иди, умывайся.

Умываюсь горной водой из маленького журчащего арычка рядом с домом. На завтрак подана лапша из гороховой муки. Лапша довольно кислая. Но я не показываю вида.

В поле идут Маматнеус и его сосед. Поля как такового, по существу, нет. Есть крохотные наклонные лужайки между больших камней. Памирцы собираются косить. Мне тоже

дают косу. Я косил только в детстве с матерью на колхозном лугу, но, как держать косу, не забыл. Но у нас широкие поляны были, а здесь кругом камни. И я задеваю косой за камень. Да и трава здесь такая низкая. Убедившись, что пользы от меня мало, оставляю это занятие.

К этому времени на окраине поля собралось много мальчишек, прибежавших сюда из селенья. Я подзываю к себе одного из них и, срезав с куста ветку, делаю ему свистульку. В результате оказываюсь окруженным целой гурьбой мальчишек. Каждому хочется иметь свистульку. И вскоре начинается звонкий дисгармоничный концерт маленьких чумазых музыкантов.

На обратном пути Маматнеус рассказывает мне о том, что у них есть колхоз. Выращивают пшеницу, горох и картофель. Правда, пшеница не всегда вызревает, а клубни картофеля не больше голубиноного яйца.

Под вечер идем к Гунту, находим тихий заливчик. Тащим сеть и с первого захода вылавливаем десять довольно крупных рыбин.

– Это что за рыба? – спрашиваю я.

– Османы.

– Ну что, уху варить будем?

– Уху? Давай уху. Только ты будешь варить, – отвечает Маматнеус, смущенно улыбаясь.

– Почему я?

– Мы не варим уху. Не умеем.

– А как же едите рыбу? Жарите?

– Да. На хлопковом масле.

Вечером я варю уху. Все семейство и соседи по очереди подходят, смотрят на мои действия, переговариваются по-своему, смеются. Загружаю в большую кастрюлю картошку, рыбу. Старик, все время наблюдавший за мной, что-то настойчиво советует мне. Вопросительно смотрю на Маматнеуса. Он сидит рядом и, кажется, переживает за меня.

– Отец предлагает положить масла, – говорит он.

– Масла не надо. Давайте лук и перец.

Но ни того, ни другого ни в этом доме, ни у соседей нет. Может потому, что овощи здесь не растут. Заправив уху солью, снимаю кастрюлю и приглашаю всех есть. Жена Маматнеуса разливает уху по чашкам. Но никто не ест. Все смотрят на меня. Приходится начинать первому. Тогда и памирцы, попробовав с недоверием, начинают есть и благодарят меня.

Рано утром Маматнеус будит меня, приглашает на охоту на горных коз. Быстро собираюсь. Маматнеус в сапогах, телогрейке, с шестом, на котором носят добычу, ружьем и сумкой.

– Поднимемся на тот перевал. Оттуда можно увидеть стадо, – говорит он, показывая рукой на неблизкую цель,

Идем по каменной осыпи вверх, перелезаем через обломки скал. Маматнеус легко перепрыгивает с камня на камень, используя шест. Я замечаю, что отстаю от него. Из всех сил стараюсь не отстать далеко. Когда мы взбираемся на перевал, я совсем не прочь отдохнуть.

– Ушли, – говорит Маматнеус. Это он о козах, – Недавно ушли. Я хочу сбегать еще вон на тот «гребешок», а ты подожди меня здесь.

Он достает из сумки лепешку, отламывает мне половину и исчезает среди скал. До его «гребешка» по моим расчетам часа два, да столько же обратно. Я настраиваясь на длительное ожидание, выбираю ровную скалу, сажусь на ее край и рассматриваю горы.

Пик Патхор выше всех. Отсюда за голубой дымкой расстояния он кажется серебряным, далеким, недоступным.

– Что такое Патхор? – спросил я вчера Маматнеуса.

– Колючка, – ответил он. – Острый пик похож на колючку.

Тишина и высота. Ни единого облачка. Царственная, емкая высота. Высота, наполненная ощущением строгой вечности, стремлением понять невозможное. Кажется, это земля, взметнувшаяся вверх за мечтой, замерла в своем движении.

Я не заметил возвращения Маматнеуса. Он вернулся раньше, чем я ожидал.

– Нет коз. Нигде не видно.

Маматнеус садится рядом со мной на край площадки и замолкает. Мы оба смотрим на горы, думая каждый о своем и в то же время, наверное, об общем.

– Моя родина, – тихо говорит Маматнеус.

Да, здесь его родина, самая дорогая для него земля. Суровая, прекрасная. Мы долго так сидим, затем не спеша возвращаемся назад. Идем, не разговаривая. Да и слов не надо. Тончайшая, но ощутимая нить связала нас. Связала там, на краю отвесной скалы.

Когда мы входим в селенье, я спрашиваю Маматнеуса совсем, может быть, не о том, о чем хотелось бы говорить.

– Маматнеус, далеко отсюда магазин?

– Далеко. Надо ехать в поселок Вир. Что ты хочешь купить?

– Водку.

– Водку? – лицо Маматнеуса выражает недоумение.

– Да. Другьям. Они захотят выпить, когда спустятся вниз.

Маматнеус гладит одного из подбежавших ребятишек по голове, черной, как головешка, что-то говорит ему по-памирски. Мальчишка исчезает. Он появляется, когда мы сидим за чаем. Маматнеус говорит мне, что в Вир едет колхозная машина.

Стою в тряском кузове сзади кабины, держась за верхнюю, отполированную ладонями доску ограждения. Долина разворачивается, увлекая вниз. Вершина Патхора нехотя отстает, заслоняется нагромождениями новых гор. Дорога подлетает к реке, повисает над клокочущей рекой. Затем долина вновь расширяется, выполаживается. Машина подъезжает к гороховому полю, на котором человек десять мужчин жнут горох, стоя на коленях. Все они встают. Мы подходим к ним. Здравуемся. С наслаждением ощущаю в своей руке их ладони, крепкие, грубые от работы, стараюсь подольше не размыкать рукопожатье. Они улыбаются. И я тоже. Мимолетная, короткая встреча. Чем же ты дорога?

Снова едем. Горы показывают нам то свои голые каменные отвесы, то мягкие зеленые склоны. А вот, наконец, и Вир. Пыльный поселок. Заходим в прохладный сумрак сельского

магазина. Я покупаю шесть бутылок водки. Когда забираю их с прилавка, вдруг ощущаю, что за мной наблюдают. Оглядываюсь. Так и есть. На меня смотрят. Смотрят все, кто находится в магазине. Человек восемь. Почему мне стыдно? Словно я делаю что-то совсем недопустимое. Я ни разу не ощущал такого стыда. Шесть бутылок. Неужели это так много?

Весь последующий день не выходят из моей головы эти бутылки. Мы с Маматнеусом ведем ишаков вверх по реке, царапаясь по едва заметной тропе через бесконечные каменные осыпи. Почему же памирцы так смотрели на меня? Удивленно. Отчужденно. Осуждающе. Значит, они не могут позволить себе подобное как по средствам своим, так и по убеждениям. А мы можем.

В базовом лагере экспедиции полный ее состав. Уложено в тюки снаряжение. Грузим ишаков, взваливаем на себя рюкзаки. Теперь вниз, только вниз. До следующего года.

Вечером сидим на топчане в доме Маматнеуса. С нами Маматнеус и его отец. В котле перед нами молодая горячая картошка. Кроме нее, много лепешек и водка. Обгоревшие, обросшие лица. Всем хорошо. Хорошо так, как бывает после долгой и трудной работы. Пьем водку. Поглощаем картошку, макая ее в подсоленное хлопковое масло.

– Что не пьете, Маматнеус? – спрашивает Андреев, начальник экспедиции.

– Мы выпили, – отвечает Маматнеус, показывая на свои маленькие рюмочки из толстого граненого стекла, которые они с отцом оставили в сторону после первого тоста.

– Вы что, совсем не пьете?

– Почему не пьем? Пьем. Только не так много, как вы. У нас не пьют много.

– А у нас пьют, – смеется Андреев.

Да, у нас пьют. Пьют много людей и помногу.

Звучит гитара. «Ревела буря, дождь шумел...» – затягивает кто-то из нас. Из луженых глоток льется могучая русская песня, улетает из дома в горное ущелье. А в дверях дома уже

много людей. Какие глаза! Никогда здесь не слышали такого пения. Словно душа русского народа пришла к этим людям.

Но вот и день отъезда. Ничем особым не примечательный день, но я его никогда не забуду. С утра ждем машину, заказанную к этому дню.

То один, то другой из памирцев подходят к нам, спрашивают что-нибудь, предлагают нам помочь или просто стоят неподалеку. Мы фотографируем их и фотографируемся с ними сами. Я прошу сфотографировать меня вместе с семьей Маматнеуса. Больше десятка ребятишек облепляют нас.

Памирцы. Позднее я прочту в энциклопедии, что в Горном Бадахшане есть национальность «припамирские таджики». Национальности же «памирцы» я не найду. Но этих добрых, ясных в суровой жизни людей я всегда буду называть памирцами. Их открытая чистота покорила не только воинов Македонского. Частичка моего сердца тоже останется здесь. На всю мою жизнь.

Приходит машина. Грузим снаряжение. Прощаемся. Нет слов и не может их быть, чтобы выразить то трепетное родство душ, сблизившее нас с Маматнеусом. Каждый из нас понимает, что едва ли когда-нибудь увидит другого.

Памирцы стоят все вместе и смотрят нам вслед. И мы смотрим на них и машем из машины руками. Но вот и они, и их селенье исчезают из виду. И только в небе над селеньем выше других гор долго видна светлая вершина.

КАРНИЗ

Их трое. Борис Бетман, крупный, около восьмидесяти пяти килограммов. Опытный альпинист. Высотник, «снежный барс», был на всех семитысячниках Союза. Он из Ташкента. Еврей. Борис – руководитель восхождения. Он изучил маршрут лучше других. Кестос Мекелюнас, литовец из Вильнюса. Стройный, гибкий легкоатлет. Лицо свежее, юное, радостью чистой светится. Сергей Казанцев из Новосибирска, русский, большелобый, физически хорошо развитый. Интернациональная команда. Оказались вместе в одном альплагере, и попали в одну связку.

Хорошо лезть по теплой стене, когда ни льда, ни снега. Когда утреннее солнце и все видно. На ногах узконосые легкие калоши – «скальные туфли». Ставишь ногу на крутяк, а она совсем не скользит. Такой коэффициент трения. Цепляться, тянуться, высматривать щель для крюка, бугорок для ноги, зацепку для руки, забивать крюк, прощелкивать карабин, закладывать веревку, выбирать ее и, дождавшись товарища, снова тянуться вверх.

Маршрут логичный. Категория трудности – сложная, но не самая сложная. Бывает сложней. Первым полез было Бетман, но он шел медленно, тяжелоат для вертикального лазания. И Казанцев попросил выпустить его вперед. Бетман не стал возражать.

Казанцев лезет с удовольствием, уточняя у Бетмана время от времени направление движения. Они соединены одной веревкой сорок метров. В точке страховки Казанцев поджидает Мекелюнаса, выбирая от него веревку. Мекелюнас, поднявшись к Казанцеву и сделав себе самостраховку, выпускает Казанцева вверх, а когда тот выйдет на свои двадцать метров, принимает к себе Бетмана. Бетман, поднявшись к Мекелюнасу, выпускает его вверх, Казанцев принимает. Бетману как последнему в связке достается работа по выбиванию крючьев, забитых Казанцевым. Выбивая крюк, Бетман лишает себя точки опоры и может держаться только за скалу. Веревку ста-

рается не нагружать. Дойдя до Мекелюнаса, Бетман отдает ему выбитые крючья, а Мекелюнас передает затем Казанцеву. Крючья используются много раз. Но есть и запас: пять штук, потому что некоторые крючья выбить не удастся, и приходится оставлять их в скале. Как бы для следующих восходителей. Рюкзаки прицепляют к промежуточным крючьям, а затем подтягивают их вверх на рещнуре. Хочется пить. Но вода во фляжках в рюкзаках, да и места, где бы можно попить, пока нет.

Под ногами уже метров пятьсот почти отвесной стены. Над ними скальный карниз. Как потолок. Выступает метра на два от основного массива. Справа и слева гладкие участки стены. Без выступов, без зацепок. «Приехали» – думает Казанцев. Они сбились с маршрута. «Когда, где? Боря же смотрел», – недоумевает он. «Запоролишь», получается. Вся высота стены около тысячи метров. Но верхняя часть более простая.

Казанцев смотрит на карниз над его головой. По карнизу проходит трещина. В нее можно попробовать забивать крючья. Другого пути наверх нет. Если не пройдут, будут спускаться.

Казанцев прицепился к двум крюкам. Короткие самоотраховочные концы позволяют откинуться корпусом, чуть-чуть расслабиться, не лишнуть к скале. Он выше товарищей. Местами сейчас не поменяться. Значит, через карниз идти ему. Если идти. Спускаться неохота. Спускаться страшновато. Вверх всегда веселей. А сколько же свободных крючьев осталось? Он перебирает гирлянду крючьев на поясе. Была гирлянда. Осталось пять. И еще есть короткая веревочная лесенка с двумя ступеньками из дюралевого уголка. Хватит ли? И будут ли держать крючья?

– «База», «База»! Я – «Стена»! Как меня слышите? Прием. – прерывает размышления Казанцева Бетман. Время шестнадцать ноль-ноль, и он выходит на связь с базовым лагерем. Лагерь под ними внизу и им хорошо видны и палатки, и фигурки. Там наблюдатели, люди из другой команды, красноярцы, по договоренности. Под стеной несколько команд из разных городов страны. Стена славится как отличный верти-

кальный стадион. И погода в этом районе всегда хорошая. По разным участкам стены пройдено до десятка маршрутов, в том числе высшей категории сложности.

– «Стена», «Стена»! Я – «База»! Слышу вас хорошо! Где вы находитесь? Прием.

– «База», «База»! Я – «Стена»! Находимся под карнизом. Находимся под карнизом. Как поняли? Прием.

– «Стена», «Стена»! Я – «База»! Вас понял. Находитесь под карнизом. Вы сбились с маршрута. Ушли вправо. Сообщите решение. Как поняли? Прием.

Бетман поворачивает голову в сторону Казанцева. Казанцев показывает рукой на карниз.

– «База», «База»! Я – «Стена»! Вас понял. Сообщаем решение. Будем проходить карниз. Как поняли? Прием.

– «Стена», «Стена»! Я – «База»! Вас понял. Будете проходить карниз. Следующая связь в двадцать ноль-ноль. «СК», «СК».

«СК» – «Связь кончаю». Как же так сбились? Бетман говорил, что хорошо знает маршрут. Ну, да что теперь выяснять. Теперь – один на один с карнизом. И лезть ему. Значит, не думать больше ни о чем другом. Так оно. А жена, если что? Сыну три года. Что – «если что»? Все должно быть нормально. Все будет нормально. Только вот лесенки одной мало. Надо приготовить пару петель из репшура. Сделать подвесные опоры для ног, не болтаться же, как сосиска, под потолком.

Казанцев, откинувшись от крючьев, подтягивает к себе поближе рюкзак, закрепленный на другом крюке, достает из него репшнур, отрезает два метровых куска и делает из них петли.

– Страхуй! – кричит он Мекелюнасу и берет первый крюк. Привязывает его на конец репшура, чтобы не потерять, вытягивает вверх за голову левую руку, засовывает кончик титанового лепестка в трещину, правой нашаривает скальный молоток, привязанный к поясу, и делает первый удар по головке крюка. Неудачно. Крюк со звоном вылетает из трещины. Хорошо, что прикреплен к репштуру. Казанцев, подтянув

крюк, снова вставляет его в трещину, но уже в другое место, где трещина как будто пошире, и бьет молотком. Крюк не вылетает. Хороший звук, не глухой. Еще удар, еще. На десятый удар крюк входит в камень на всю рабочую длину, под ушко. Слава Богу, кажется, надежно. Теперь можно отцепить от него репшнур и нацепить карабин. Это несложно. Теперь перецепить страховочный конец, идущий к груди от предыдущего крюка на этот крюк. Но страховочный конец натянут. Корпус тела отклонен от крюка, стоять-то практически не на чем. Значит, надо одной рукой подтянуться к карабину на предыдущем крюке, отстегнуть ослабленный страховочный конец и прощелкнуть его петлю в новый дальний карабин. Силы в руке достаточно, Казанцев напрягается и справляется с этой задачей, такой простой при другом положении тела. Он снова подтягивается рукой к предыдущему крюку, отстегивает от нижнего крюка страховочный конец, идущий от ремней, охватывающих тазобедренный сустав, и перестегивает его на средний крюк. Тело сразу принимает новое положение, еще не горизонтальное, не спиной вниз, но уже и не вертикальное, а наклонное, градусов сорок пять, и ремни страховочной системы начинают давить сильнее. Нижний крюк не выбить. Это сделает последний в связке, Бетман. Осталось четыре крюка. Казанцев надевает на верхний крюк петлю из репшура. Она будет нужна для ноги, когда он забьет следующий крюк.

– Что ты там копаешься? – кричит снизу Бетман. Психика у Бориса не выдержала. А как же он сам пройдет?

– Жди! – отвечает Казанцев.

– Сколько ждать? Спускайся, если не можешь. Кестос пойдет.

– Боря, не мешай! – вклинивается Мекелюнас. – Сережа вылезет.

«Спасибо, Кестос, понял обстановку», – думает про себя Казанцев. Бетман больше не возникает.

Казанцев висит спиной вниз. Ноги в двух петлях. Одна петля под коленом одной ноги, вторая – под лодыжкой второй. От таза и от груди страховочные концы к крюкам. И пет-

ли, и ремни страховочной системы сильно давят, но дышать не мешают. Теперь забить крюк на краю карниза. Обе руки свободны, и Казанцев вбивает крюк, четвертый. В запасе теперь всего один. А что там, выше карниза? «Вылезу, увижу». Он отцепляет от пояса лесенку вместе с карабином и навешивает ее на крюк. Теперь прощелкнуть через этот карабин основную веревку от груди. Веревка натянута.

– Кестос! Ослабь веревку! – кричит он Мекелюнасу.

– Выбери! Я не натягиваю! – отвечает Мекелюнас.

«Значит, заклинилась». Казанцев напрягает всю силу, вытягивает веревку и с трудом прощелкивает ее в карабин. «Вот зараза! Будет тянуть, когда стану перелезть». Он отстегивает от карабинов оба страховочные конца. Теперь вся тяжесть тела – на руки. Но иначе никак.левой рукой держится за верхнюю перекладинку качающейся лесенки, освобождает из дальней петли ногу и вставляет ее носком в ближнюю петлю, шарит правой рукой выше карниза в надежде найти зацепку. Зацепки нет. Левая рука с трудом выдерживает. Надо дать ей немного отдохнуть.

– Натяни веревку! – кричит он Мекелюнасу. Мекелюнас пытается натянуть, но веревка не идет. «Эх ты, зараза! Я так и знал», – думает Казанцев и берется правой рукой за ту же перекладинку лесенки, где левая рука. Нагрузка теперь на две руки. Казанцев висит целую минуту. «Ну, давай!» – командует он себе, подтягивается к перекладинке и правой рукой снова шарит на верхней стороне карниза. Бугорка, подходящего для зацепки, нет. Но трещина продолжается с расширением. Это единственный шанс. Он засовывает пальцы в трещину. Первые фаланги входят полностью.

Этого достаточно. Теперь, если поставить правую ногу на нижнюю ступеньку лесенки, можно будет отпустить левую руку. Он подтягивает ногу и (о, чудо!) опирается ею на ступеньку.левой рукой впивается в ту же трещину рядом с правой. Переводит левую ногу на ступеньку, где правая. Теперь выпрямиться, перегнуться через край карниза. Но жутко тянет веревка от груди. Всем своим корпусом по сантиметру

вытягивает ее и опирается животом на край карниза. Крюк выдерживает. Слава Богу. «Если вылезу – буду самый счастливый!». Но следующий (последний) крюк забить некуда. Трещина чересчур широка. Придется выходить чистым лазанием. «Эх, если бы не тянула веревка!». Перехватившись по трещине выше, он переставляет ноги на верхнюю ступеньку лесенки. Снова перехватывается и, вытягивая веревку, переносит наконец носок ноги на шершавую поверхность камня.

«Неужели вылез?» – и внезапное чувство счастья охватывает Казанцева. Скала становится розовой. И пространство вокруг – розовое. И в воздухе золотой, нежный звон. Что это? Это и есть чудо. Ничего подобного он не испытывал. Никогда не испытывал. И он не двигался несколько секунд, чтобы побыть в этом чуде.

Вот и вторая нога тоже на камне.

– Ну что там? – доносится голос Бетмана.

– Нормально! – кричит Казанцев.

– Принимай!

– Подожди! Пока некуда!

«Ангел помог» – думает он. «Значит, встретимся» – это уже о жене и сынишке. «Что же это я? Надо работать. До выступа». Двумя метрами выше – неплохой выступ. Можно накинуть петлю, закрепить. Казанцев медленно подбирается к нему и закрепляет на нем страховочную петлю. «Ну, слава богу. Самое трудное позади». Очень хочется пить. Язык прилип к небу. Но фляжка в рюкзаке. Да и некогда пить, если бы и была она здесь. Надо вытягивать рюкзак. Он пристегнут внизу, рядом с Мекелюнасом, к крюку, чтобы не улетел, и привязан к репшнуру, конец которого Казанцев прикрепил к поясу. Так же поступит Мекелюнас со своим рюкзаком и с рюкзаком Бетмана. Когда он вылезет, придется вытаскивать два рюкзака: его и Бетмана, иначе рюкзак Бетмана некому будет отстегнуть, когда Бетман полезет.

– Кестос! Я закрепился! Отстегни мой рюкзак! – кричит он Мекелюнасу.

Казанцев натягивает репшнур. Отстегнутый рюкзак маят-

ником отлетает от стены и совершает несколько затухающих колебаний относительно края карниза. Решпнур впивается в руку. Казанцев вытягивает его и прикрепляет к крюку.

– Кестос! Пошел!

– Иду! Страхуй!

Казанцев держит веревку от Мекелюнаса. Она – как струна. Чуть-чуть ослабевает струна, он тут же выбирает слабинку.

– Выдай немного! – кричит Мекелюнас.

По пульсу веревки Казанцев чувствует движение Мекелюнаса. Вот его голова показалась на краю карниза. Лицо его потеряло юную свежесть, затвердело. Он часто дышит.

– Сережа, где присесть? – наконец произносит он.

– Ты что, милый? Совсем? Сидеть негде.

Казанцев берет страховочный конец Мекелюнаса и пристегивает его к крюку.

– Стой здесь. Держись. Крюк надежный.

– Боря! Отстегивай рюкзаки! Вытягивать будем! – кричит он Бетману.

Два рюкзака вытягивать тяжело. Решпнур режет руки. Мекелюнас помогает ему, они подтягивают рюкзаки и закрепляют их рядом с собой. Становится тесно.

– Боря, пошел!

– Страхуй! – доносится из-за карниза.

Веревка еще туже. Бетман тяжелее Мекелюнаса. Слышно тяжелое дыхание. Но веревка перестает вытягиваться.

– Боря! Ты идешь?

– Не могу! Веревка запуталась!

«Как она могла запутаться?»

– Помоги распутать! – кричит Бетман.

«Как это? Спускаться назад? Через карниз?». Казанцеву захотелось выругаться, но он сдержал себя. «Нельзя. Сейчас ни в коем случае». Но альтернативы нет.

– Кестос! Страхуй меня! Боря не может пройти.

Казанцев медленно спускается, лезет, прощелкивая веревку в очередной карабин, нашаривая ногой ступеньку лесенки, затем петлю, и вновь переваливается через карниз, но

уже не вверх, а под него, опять спиной вниз. Веревка от Мекелюнаса к Бетману действительно легла с переклестом, заклинилась. Мекелюнас не проследил, когда лез.

– Боря! Подтянись чуть-чуть! Ослабь свою веревку. Я поправлю ее, – говорит он Бетману, который сейчас близко от него. Чтобы поправить веревку, Казанцеву надо освободить руки. Он делает жесткую точку опоры для груди, укоротив страховочный конец от нее и присоединив его к крюку. Эта нелегкая операция на весу отнимает много силы. Наконец он выправляет положение веревки.

– Кестос! Страхуй! Я иду к тебе! – кричит он наверх и начинает второй раз преодолевать карниз. Но теперь уже с верхней страховкой. Мекелюнас помогает, натягивая веревку от Казанцева и этим самым разгружая его руки. Казанцев переваливается через карниз, не испытывая уже того невероятного счастья, что было перед этим. Но он не думает об этом. Надо подняться к Мекелюнасу, надо принять Бетмана, надо лезть дальше.

Он поднимается к Мекелюнасу и принимает Бетмана. Туго натянутая веревка. Вот он вылезает через карниз и некоторое время просто лежит на нем, затем медленно подбирается к двойке. Казанцев помогает ему застраховаться и перестает держать веревку. Все страшно хотят пить. Мекелюнас достал фляжку, и они по очереди жадно глотают теплую воду. Осталась еще одна фляжка.

– Ну что, Боря, двинули дальше? – спрашивает Казанцев руководителя.

– Давай, – отвечает Бетман.

– Так же идем?

– Да. Так же. Дальше просто. Вылезем на верх стены и сбежим по той стороне вниз. Там легкий склон, правда, длинный.

– Успеем? Время – семь часов. Три часа здесь потеряли.

– Здесь быстро. А по склону и в темноте можно.

– Тогда я пошел. Кестос, выпускай.

– А где поедем? – спрашивает Кестос.

– Найдем где-нибудь площадку. Грызи пока чернослив.

Казанцев забирает у Бетмана оставшиеся крючья. Часть осталась на карнизе. И петли, и лесенка тоже. Подарок другим экспериментаторам. Тройка продолжает привычную скальную работу. Стена здесь менее крутая, но площадки все нет и нет. Выходят к большой расщелине. Две почти параллельные и гладкие грани расщелины, отстоящие друг от друга на метр, поднимаются вверх метров на двадцать, не меньше. «Камин». Придется рюкзаки опять оставлять внизу и лезть «в распор»: спиной упираться в одну стенку, а ногами – в другую и, используя силы трения, передвигать то ноги, то спину. Первому – без верхней страховки. Сорвешься – лететь до товарищей. Казанцев распирается в камине, постепенно передвигая тело выше и выше, и наконец вылезает на небольшой выступ. Организует страховку, принимает Мекелюнаса и Бетмана. Камин сжирает целый час. И когда они вылезают на выступ, становится совсем темно.

- Вот тут и поедим, – говорит он.
- А потом? – спрашивает Мекелюнас.
- Потом ночевать.
- Где ночевать?
- Здесь.
- Здесь? Без палатки?
- Да. Сидя.

Они делают самостраховку, усаживаются кое-как на уступчике, подложив что-то под себя и натянув на себя запасные свитера. Едят консервы и сыр, запивая водой из последней фляжки. Воды так мало, что жажда терзает их всех на этой ночевке. Бетман выходит на связь и сообщает наблюдателям о вынужденной ночевке. «СК, СК». Ночь теплая, но кажется очень длинной. Мышцы затекают от неудобного положения. Забывшись, Казанцев видит во сне, как Мекелюнас на краю этого уступа, который почему-то стал длинным, вскипятил на примусе воду в кастрюльке и заварил чай. Чудный аромат, как облако, охватывает Казанцева, и он тянется к кастрюльке, но и кастрюлька, и Мекелюнас куда-то пропадают, он просыпается. «Фу ты!» – думает он и забывается снова. Теперь он попадает

в какую-то абракадабру с запутанными веревками и никак не может их распутать. Снова просыпается. И так до рассвета.

Наконец рассвело, и они продолжают восхождение. Скалы стали намного легче, хотя и вынуждают забивать крючья. Через четыре часа альпинисты выходят наверх. Спуск в другую сторону не представляет особой опасности, и они наконец снимают с себя веревки и страховочные системы, снимают калоши и обувают ботинки, упаковывают рюкзаки и начинают терять высоту. Достигают мелкой осыпи и едут по ней вниз, время от времени вытаскивая из щебенки ноги. Вот уже осыпь становится крупной, а вот и трава между камней показалась. Они перепрыгивают с камня на камень.

– Ручей! – кричит Мекелюнас.

Он опередил товарищей и оказался намного ниже их. Когда Бетман с Казанцевым подходят к нему, он уже лежит на животе и пьет из ручья. Они следуют его примеру. Отрываются от сладкой живой влаги и снова припадают к ней. Утолив жажду, быстро спускаются на цветущий склон. Алые горные маки. Много-много маков. Неужели для них? А для кого же?

Еще несколько часов длинного обходного маршрута, и они приходят к своим наблюдателям. Их угощают кашей и компотом, расспрашивают. Отдохнув и поблагодарив наблюдателей, они уходят по тропе, спускающейся по ущелью. Внизу их ждет машина из альплагеря, заказанная по рации. И вот они в милом уютном лагере. Стоят на линейке. Их возвращение принимает начальник спасотряда, выслушивает рапорт руководителя группы и жмет каждому руку. Альпинисты лагеря, не находящиеся в этот день на восхождениях и пришедшие на линейку, стоят шеренгой за начспасом и в нужный момент трижды кричат восходителям «Физкультуривет!». Затем жаркая сауна, арбузы, ужин, а вечером в их домике негде присесть. Звучит гитара. На столе пара бутылок с вкусным узбекским вином. Взрывы хохота, шутки. А на лицах восходителей еще пылает высота, и непонятно, здесь они или там еще, на стене.

Разбор восхождения был на другой день в учебной части

лагеря. Строгий начальник учебной части высказал замечание по поводу потери маршрута, спросил Бетмана, как это произошло.

– Казанцев шел первым. Он и уклонился, – ответил Бетман.

Казанцев спорить не стал.

– Эх ты! – только и сказал он Бетману и отвернулся от него.

Им записали в альпинистские зачетные книжки каждому по 4-Б. Вот так, «четверка».

Ложка дегтя не испортила бочку меда. Казанцев уехал из альплагеря, но ощущение необъятного счастья, того, которое он испытал, когда перелез через карниз, долго не покидало его. «Теперь будет хорошо жить», – думал он.

ПО ГИПОТЕНУЗЕ

Красная ракета взлетела неожиданно. Сигнал бедствия. Взлетела от палатки на перемычке между двумя вершинами. В палатке группа из четырех человек, с которой несколько дней не было связи. Там плохо!

– Парни! Скорее вниз! Вначале по гребню, затем по скалам на перемычку! Только осторожнее! След в след! – отдает команду Хижин двум связкам. Четыре человека быстро уходят по гребню. Хижин с Иванцовым задерживаются, пока забирают с бивуака оставшееся снаряжение. Гребень легкий, можно двигаться одновременно, закладывая на ходу веревку за выступающие камни.

Хижин бросает взгляд на снежный склон в сторону перемычки, достаточно пологий снежный склон перед скалами. И внезапная мысль: а что, если не пилить по гребню, а по гипотенузе срезать путь к низу скал, – появляется в его интеллигентной голове.

– Саня! – кричит он Иванцову, – Давай по склону, наискосок!

Иванцов останавливается, некоторое время думает, что бурчит.

– Витя! Лучше по скалам! – кричит он.

– Ничего! Давай по склону! Аккуратно! В три такта! – отвечает Хижин.

Предложение командира явно не нравится Иванцову, есть доля риска, склон оканчивается внизу «бергшрудом», большой многометровой трещиной, не дай бог, сорвутся. Но Хижин – руководитель группы, а указания руководителя должны выполняться. И Иванцов начинает спускаться по склону. Спускаются в три такта. Нога – ледоруб – другая нога. Лицом от склона. Так лучше виден путь спуска. Иванцов левее и ниже Хижина. Хижин идет к нему.

Спускаясь, Хижин пересекает склон наискосок. Фирн раскис, и кошки на ботинках забиваются мокрым плотным снегом. Приходится постоянно останавливаться и выбивать снег

ледорубом. А под фирном твердый натечный лед. Кошки практически не вшиваются в него. Хижин понимает свою ошибку. Но изменить теперь решение представляется ему несуразным. Он смотрит на Иванцова, затем на перемышку. Там из палатки вылез один человек, глядит на них. Это, похоже, руководитель четверки. Ждет. И тут задняя нога Хижина неожиданно едет по льду, Хижин падает и скользит вниз. Но не пугается.

– Саня! – кричит он напарнику, – Сделай страховку!

Иванцов останавливается и пытается организовать страховку. Что-то не ладится у него с веревкой. Запутался. Хижин переворачивается на живот и «зарубается» по всем правилам, наваливаясь грудью на ледоруб.

Возвращаясь с первого восхождения, группа Хижина встретила на перевале большую группу Гишмана, направляющуюся вверх. Десять человек. Гишман был назначен начальником спасотряда в экспедиции. Если в контрольный срок основная группа не возвращается в базовый лагерь, спасотряд должен выйти навстречу. От Гишмана они узнали, что основная группа три дня назад сообщила по радиосвязи, что у них кончились продукты. После этого связь пропала.

– Вы идете к ним навстречу?

– Да. Несем продукты, аптечку, бензин, теплые вещи...

Хижин видит, что Иванцов запутался с веревкой и не успевает, не успевает сделать страховку! Хижин едет, его ледоруб не втыкается в лед. Лед такой плотный, зараза! Хижин успевает увидеть, что две передние связки из его группы стоят на скалах, левее их с Иванцовым, и смотрят на них. Потом Хижин видит камень, выступающий изо льда и расположенный между ним и Иванцовым. Веревка должна зацепиться за камень! И тогда он остановится!

Группа Хижина, спустившись в базовый лагерь, отдохала. Прошло два дня после встречи с группой Гишмана. Помылись, наелись, готовились работать дальше по своему плану, когда увидели фигуры на леднике. Из базового лагеря далеко видно. «Наконец-то!» Когда же люди оказались близко, стало ясно, что это только группа Гишмана. Как, почему?

- Вы были на первой вершине? – спросил Хижин.
- Да, были.
- А основную группу видели?
- Нет, но они где-то близко, скоро должны прийти.
- Почему вы вернулись?
- Знаешь, так замерзли, устали...

У Хижина голова кругом. Он понял одно: надо рвать когти, надо срочно идти наверх.

Веревка наезжает на камень и, не зацепляясь, соскальзывает с него. Хижин едет все быстрее. Вот он уже оказывается ниже Иванцова. Саня все-таки забил ледоруб для страховки и выбирает веревку от Хижина. Но Хижин едет все быстрее, веревка натягивается, и от рывка ледоруб Иванцова, как перышко, взлетает вверх. Хижин сдерживает Иванцова, и теперь они уже вдвоем едут вниз. Скорость нарастает...

Рано утром на другой день группа Хижина в составе шести человек снова вышла из базового лагеря. Никогда не ходили они в таком темпе. Скорее, скорее! В этот же день к вечеру поднялись они на первую вершину. Заночевали рядом с ней. Проснувшись на следующий день, наблюдатели стали смотреть на вторую вершину. Кто-то первый увидел точки-фигурки на скалах на склоне второй вершины. Ему не поверили. Потом различили все. Шевелятся! Что-то упало вниз. Скорее всего рюкзак. Группу Хижина тоже увидели, потому что стали им кричать. Расстояние большое. Не разобрать: то ли «Ждите нас!», то ли «Идите к нам!». Затем фигурки съехали по снежнику со скал на перемычку. И тут взлетела ракета.

Хижин успевает взглянуть на своих товарищей на скалах. Стоят с открытыми ртами.

– Саня! Зарубаемся вместе! Ноги вверх! – кричит Иванцову Хижин.

Одновременно пытаются зарубиться. Р-р-р! – дребезжащие ледорубов по льду. Как по гребенке. Не впиваются. А голова работает мгновенно.

- Куда мы едем? – кричит Хижин своим парням.

– Давайте ближе к скалам! Внизу бергшрунд!

«Как ближе? Никакого торможения!»

– Разорванный или смещенный?

– Смещенный!

Хижин с Иванцовым подлетают к бергшрунду.

– Ледоруб за голову! Ноги на себя! – успеваает крикнуть Иванцову Хижин.

Сила инерции выбрасывает их вперед над бергшрундом. Летят метров десять, может, и больше. В какую-то долю секунды успел взглянуть на скалы. Глаза сфотографировали парней с разинутыми ртами. Бух! Впечатываются в снег. Вызывают сход лавины. Едут с ней. Лавина крутит Хижина, разворачивает лицом вниз. Вспомнил, как учили, что надо делать плавательные движения, чтобы лавина не затянула вниз. Мысленно рассмеялся. Какие плавательные движения, если одну ногу вообще не повернуть! И потом, плавательные движения возможны только в сухом снегу. А этот снег мокрый, плотный. Наконец лавина выкатилась. Хижин пытается выкарабкаться из снега. Безуспешно. Ногу заклинило. Смотрит в сторону Иванцова и не видит его. Недалеко от Хижина белый бугор. Под ним Иванцов. Бугор зашевелился. Показывается рука, затем голова.

– Саня! Живой?

Молчание.

– Живой? – еще раз кричит Хижин.

– Живой, – хрипит Иванцов.

Кое-как выбираются из снега. У Иванцова рюкзак на одном плече.

Спускаются к палатке. Обнимаются с руководителем четверки. Лицо его – как обугленное. Обросшее, со струпьями кожи. Не улыбается. Затем Хижин с Иванцовым подходят к палатке, здороваются с остальными. Три человека даже не вылезают из палатки, настолько, видимо, слабые.

Две другие связки из группы Хижина тоже подходят.

Слава богу, все живы.

ХОРОШО-ТО КАК, ГОСПОДИ!

Сколько раз она снилась! Я видел ее, такую красивую, по гребню легко шел к ней, но потом что-то мешало, и вершина пропадала. Но она же была у меня!

А жизнь шла своим чередом. После нашего восхождения на Белуху прошел 51 год. И настал юбилей – 100-летие первовосхождения. В 1914 году братья Троновы, Михаил и Борис, поднялись на ее главную, восточную вершину. И, как ласточка, вспорхнула в Томске идея юбилейной экспедиции (альпиниады) по маршруту первовосходителей, с юга, из Казахстана. Когда-то это была территория Томской губернии.

Я должен быть в экспедиции! Стоп! А сердце? Что сердце? Тренировать надо! Лыжи, бег, плавание. Может, и выдержу. А снаряжение? У меня же сейчас ничего нет. Рюкзак, палатка, спальный мешок, пуховая куртка, штормовой костюм, ботинки, кошки, страховочная система, каска, ледоруб, карабины, очки, палки для ходьбы. Сколько всего надо! Денег моих не хватит. Но друзья мои выручают. Сергей Тимофеев и Валерий Першин. В общем, еду!

Еду до Новосибирска и ночью встречаюсь с томичами. Приходит автобус из Томска, забитый людьми и рюкзаками. Вижу знакомое лицо. Вася Петренко! Вася был на Белухе в той нашей экспедиции, в 63-м! Вот это да!

– Вася! Это ты?

– Да, это я! Садись рядом!

В прошлом спортсмен, один из сильнейших легкоатлетов Томска, Василий выглядит теперь, как перенесший кораблекрушение. Лицо в глубоких морщинах, руки, перевитые толстыми венами, одни кости да жилы и седая кудрявая шевелюра. Мы вместе коротаем автобусное время. А всех нас в автобусе тридцать пять человек. Полтора суток. Спим сидя. Это, конечно, пародия на сон.

Позади уже погранзастава и Усть-Каменогорск. Казахстан. Другая страна. Еще шесть часов на двух вахтовых машинах. Но вот и первая ночевка в палатках. Берег большого озера, за-

росший высокой травой. У Васи палатки нет, и мы с ним устраиваемся в моей, низенькой одноместной, которую дал Сережа Тимофеев. В палатке очень тесно. Но терпеть можно. Спать можно. Ложимся «валетом», головами в разные стороны.

Ночью мне потребовалось вылезть из спального мешка. На голову дождь из конденсата, скопившегося на низком пологе палатки. От моей возни Вася просыпается и переворачивается на другой бок. Начинаю выползать, и тут сильная судорога стягивает ногу. Едва терпя страшную боль, напшириваю под краем полога аптечку и наощупь нахожу тюбик ви-просала. Фонарик напширить не могу. Растираю мышцы бедра. Бесполезно. Боль не проходит. Надо вылезть. Выкатываюсь на траву и продолжаю втирать мазь. Постепенно боль отступает, ногу можно распрямить, и я наконец встаю. Прихожу в себя. Гляжу на крупные звезды горного неба. Завтра должна быть хорошая погода. Но завтра идти пешком почти двадцать километров. Выдержу ли? Куда поперся, развалина? Может, попросить лошадь? Полина Шлехт, начальник экспедиции, сказала вчера, что казахи берут за один день на лошади тысячу рублей. Деньги есть, но мне неудобно, стыдно почему-то. Зачем напросился в экспедицию, если идти не можешь? Нет, нет. Утром снова повтираю яд серой гадюки. Но почему схватила судорога? Вчера же мы ехали. От неудобного сидения в транспорте? Дела... Залезаю обратно в спальный мешок. Вася спит крепко. Надо и мне заснуть. А сколько времени? Три часа ночи. Еще три часа до подъема. Засыпая, вспоминаю, как мы с женой Наташей шли покупать мне спортивный костюм. Стоял теплый июльский день. Наташа была в легком цветастом платье. Она всегда со вкусом одевается. Густые пшеничные волосы обрамляли открытое и доброе ее лицо с красиво очерченными губами. Не видать ни одной морщинки, хотя ей уже за пятьдесят. Взяв меня под руку, она тихо сказала: «Женя, не уезжай. Смотри, как хорошо». Тихо так сказала. Зачем она так тихо сказала? Ей без меня будет плохо. Но как я смогу не поехать?

Идем и идем. Горная тропа то с небольшим наклоном, то круто поднимается вверх. А то на пути кочки, а между ними

жидкая грязь. Хорошо, что самый тяжелый груз несут лошади. Мы с Васей вышли раньше других. Остальные все моложе нас и обязательно нас обгонят. Солнце печет весьма сильно. А вот неприятное высокогорное болото. Разуваемся. Ноги в холодной грязи, но терпеть можно. Лес. И увал за увалом. Часто встречаются ручьи, и Вася просит остановиться. Он устает быстрее меня. Полощет рот, ложится на спину. Он явно недостаточно разгрузил рюкзак. Помогаю ему продеть руку в лямку, когда он взваливает рюкзак себе на спину. Сухой воздух высасывает из организма во время дыхания много влаги. Хочется пить, но вода лишь ненадолго утоляет жажду. Смачиваю в воде шляпу. Голове на какое-то время становится свежо. Срываю по пути несколько ягод жимолости. Ядреная кислота! Нас обгоняет то одна, то другая группа, а потом и навьюченные лошади. Мы последние. Какая же у нас скорость? Три километра в час? Пожалуй. Когда вечером подходили к месту ночевки, все участники уже поставили палатки, вскипятили на газовых горелках чай, нам предложили. Какое наслаждение!

Мы снова с Васей в нашей миниатюрной палатке, и я прошу Васю втереть мне в поясницу. Вася аккуратно, старательно втирает. Спасибо, дружище! Ночь должна быть спокойной. Как хорошо, что мы выдержали первый переход. Выдержим и завтра, хотя завтра идти тридцать километров. Но ночью я опять просыпаюсь. Правда, не от судорог, а от какого-то тревожного состояния. Я знаю, что это такое. Это сердце. Это недостаток кислорода. Что же ты, мое сердце? Ведь я же готовил тебя! Придется вылезать. Выползаю из палатки и долго делаю дыхательную гимнастику. Все, моторчик заработал, как надо. Теперь засну быстро.

Второй день ходьбы поначалу показался легче. Мы с Васей опять вышли первыми. И опять нас все перегнали. И опять пересохло горло. Говорю с трудом. А на последних километрах тропа стала совсем крутой. Чаше стали передышки. Начинает чувствоваться высота. Надо дотерпеть, дотянуть. Вот и базовый лагерь показался. Целый городок палаток над берегом горной реки. Отдельно большая желтая палатка. Это

склад продуктов и кухня. Значит, мы дошли. Слава Богу. Ребята поздравляют нас с переходом. Хочется упасть и лежать, но надо ставить свою палатку. Какой-никакой, а все же домик. Пока возимся, становится темно. Зовут на ужин. Но Вася отказывается.

– Ты что?

– Не хочу.

– Как не хочешь? Сегодня столько работали!

– Чаю принеси.

– Вот тебе раз. Так ты не зайдешь на Белуху.

– Не беда, если и не зайду.

После чая Вася забирается в спальный мешок.

«А я зайду?» – думаю я, когда оказываюсь в спальном мешке. Все весьма проблематично. Голоса-то у меня совсем нет. Охрип. Лишь после горячей еды немного появляется. Сегодня на ночь наполнил термос чаем, положил в изголовье.

Утром просыпаюсь от первых голосов. Слышен шум реки. Весь спальный мешок снаружи влажный от капель конденсата. Протираю полог и расстегиваю вход со своей стороны. Высовываю голову. Над высокой мокрой травой голубизна. И в ней Белуха. Различаются обе ее вершины. Как белые лебеди в небе. И ни облачка рядом.

– Что там? – спрашивает Вася, еще не открыв глаза.

– Там? Там наше счастье.

Вася смеется и открывает глаза. Вылезает из спального мешка и разглядывает свои ноги.

– Здесь такие бугры мышц были!

– На бедрах?

– Да. А сейчас впадины какие-то образовались.

– Не переживай. Ты скажи, на завтрак сегодня пойдешь?

– Надо, пожалуй.

– Вот впадины твои и образовались, что мало ешь.

Вася тоже выглядывает из палатки.

– Ух ты! Красота какая!

Утром Полина Шлехт дает мне кубик сахара, пропитанный кармолисом, лекарством из эфирных масел. Чуть лучше

становится горлу.

Сегодня идем ближе к Белухе. На точку обозрения. На легке, всем отрядом идем. Проходим мимо «домика космонавтов». Неказистый деревянный домик из двух комнат. В первой комнате печь и стол, во второй печь и нары. Говорят, что здесь перед полетом жили некоторые космонавты. Аксенов и другие. Жили потому, что из космоса видели два энергетических столба, идущих от Земли: один из Гималаев, где легендарная Шамбала, куда прилетают инопланетяне, а второй отсюда, с Алтая. Здесь находится так называемое Беловодье, река Белая Берель. Здесь был с экспедицией Николай Рерих в 1925 году. От домика тропа идет через кедровник. Это последний участок леса. Дальше только альпийские луга, затем каменные валы морен и ледники. Среди молодых кедров встречаются старые, доживающие свой век гиганты. Один впрямь – настоящий леший. Две реки. Одну переходим по бревну, другую вброд. Ледяное течение пытается сбить с ног. А вот и озеро. «Теплое» называется. Теплое потому, что не от ледника образовалось. На обратном пути поплаваем. А тропа все выше и выше. И все выше и выше Белуха. Идем среди бескрайних ковров цветов. Синие сменяются желтыми. Люпины, ирисы. Жаль, Наташа не видит. Но мне кажется, что видит. «Смотри, как хорошо!» – шепчу ей через пространство.

Дошли до «молельного» камня. Тряпочки, монеты, иконка. Отдыхаем. Фотографируемся. Снимаем Белуху. Здесь лучшая точка обзора. Прекрасное место для мыслей о Боге, о вечности, о необъятном Космосе, об энергии нашей жизни, которая никуда не исчезает. Когда-то Норгей Тенцинг сказал, что на Эвересте он как никогда был близок к Богу. Может, и мы здесь ближе к Богу? Не случайно камень назван «молельным». Сколько людей сюда поднималось? Как долго сидели здесь? О чем думали? Сколько мыслей ушло наверх? Не из них ли образовался тот энергетический столб, что видели космонавты?

Я долго смотрю на Белуху с южной ее стороны. Издали вижу часть маршрута, пройденного нами давным-давно. Вижу гребень Западной Белухи, по которому двигались в об-

лаке, и едва заметную полосочку карниза, свисающего с гребня. С него и сорвался в 63-м Гера Андреев. А вон вершина Западной Белухи, на которой Валера Меньшиков разбирал тур из камней в надежде увидеть не только записку предыдущих восходителей, но и хотя бы пару банок консервов. Потом он сидел, натянув на голову капюшон штормовки, наклонившись, обхватив колени руками. Приближалась ночь. А когда мы стали спускаться с вершины, Валера сорвался на крутом льду. Но Бог спас тогда и его, и нас всех от гибели. Бог вложил в голову Виталия Хижняка мысль выйти навстречу нам.

Я долго смотрю на этот маршрут, на самый яркий кусок своей жизни, смотрю с высоты прошедших лет. Больше полвека минуло. Словно я выше Белухи. Ясности такой никогда не было. И думаю о том, стоит ли мне опять на нее подниматься, стоит ли вновь испытывать судьбу. Второй раз может не получиться. Да, у меня неважная электрокардиограмма. Какая-то «неполная блокада правой ножки пучка Гисса». Но я все же тренировался, и сердце может выдержать. Да, большой варикозный узел на правой ноге. Но я прошел курс гирудотерапии, и нога может выдержать. Да, бывают судороги по ночам. Но, если вечером втереть випросал, то судороги не беспокоят. Да, голос... Вот с этим делом беда. Нет голоса, только шепот и хрип. Попил я, хорошо попил водички из хрустальных ручейков. И мое преподавательское горло не выдержало. А без голоса наверх – никак. Это я знаю. Я долго еще смотрю на Белуху, снова как бы улетаю на ее гребень – и наконец принимаю тяжелое решение. Наверх я не пойду. И когда вечером в базовом лагере руководитель восхождения предлагает мне войти в состав команды, я отказываюсь. И что-то словно обрывается внутри. Навсегда обрывается.

Основной отряд ушел наверх. В том числе и мой Вася. Когда он поднял свой рюкзак (ему еще добавили тяжелый киношный штатив), то качался на худых ногах, как старый конь. Но пошел. Сзади всех. Фанатик Вася, до конца жизни фанатик.

Через двое суток горы затянуло тучами. Белуха исчезла.

Белые облака сменились черными. Белые – это туман, отсутствие видимости. Черные – там идет снег. Группа сидит в палатках, пережидает. Роев снежные пещеры. Возводит стенки из снежных кирпичей. Сжигает газ. Съедает продукты. Промокают ботинки и одежда.

А у нас гроза. Молнии стреляют над ущельем и громы обрушиваются на нашу поляну. Вихри ветра с ливнем. «Палатку сорвало!» – раздается чей-то крик. Проносится желтое пятно кухонной палатки. Застревает, зацепившись за дерево. Еще одна палатка взлетает над лагерем. Бежим, хватаем их, тащим на место. Постепенно гроза стихает. Но над Белухой черным-черно. Ох, нелегко там.

А на другой день солнце. И мы на «Теплом». Зеленая котловина, травянистые берега. Песочек на дне озера. И теплая вода глубиной до двух метров. Нас двое из оставшихся в базовом лагере. Со мной Валера из Нижнего Новгорода. И мы с Валерой «кайфуем», раз так подфартило. Плаваем. Лежим на узкой полоске мелкого прибрежного галечника. Греемся на солнце. Растянувшись на каримате, я незаметно засыпаю и сплю легким прозрачным сном. Просыпаюсь от шелеста крохотных волн. «Хорошо-то как, Господи!» – вскричал бы Володя Исаев, мой томский друг, который не смог сюда поехать. Такое чудо на высоте двух километров над уровнем моря.

На другой день поднимаюсь к озеру Равновесия, озеру с ледяной водой, расположенному у языка ледника в окружении трех гор. Это озеро значительно выше базового лагеря. У гор, его окружающих, скалистые вершины и красивые названия: Вера, Надежда, Любовь. Что за мудрый человек назвал вершины такими именами? На озере большие голубые льдины, нетающий лед. Он не тает, хотя температура воды выше нуля, а в воздухе до плюс двадцати градусов. Походил по снежнику, пофотографировал и присел на камень у озера. Цветочки у ног. Тишина. Я и горы. Но они не давят, совсем не давят. И нет никакой тревоги. Они словно наводят на мысль, что есть в этом мире три вечных опоры: вера, надежда, любовь. Вершины не столь высокие, можно бы и подняться

на любую из них. Но стоит ли возвышать себя? Не лучше ли быть в окружении, в равновесии? Уходить вниз совсем не хочется. Но день кончается. И внизу люди. С ними теплее.

По радиации узнаем, что Вася и кинооператор Алексей Багаев находятся внизу под началом крутого кулуара, они не пошли дальше. Алексей отдал свои хорошие ботинки молодому и сильному Денису, второму кинооператору, своему помощнику, у которого свои, плохие, развалились. А Васю оставили с Алексеем. Одного оставлять нельзя. И Вася с Алексеем, не имея связи с миром, пребывая в полной неизвестности двое суток, принимают непростое решение возвращаться в базовый лагерь. Переходят большую глубокую трещину в леднике. Вася первый, Алексей второй. И, когда Алексей стал спускаться по закрепленной веревке, у него не выдержала точка опоры, и он полетел в трещину. Ударившись, заклинился в трещине головой вниз. Сильная боль в ноге. Не пошевелиться. Вася предпринимает отчаянные усилия, чтобы спасти товарища. Спускается и вначале стаскивает с Алексея рюкзак и поднимает его наверх. Затем, вновь спустившись, поправляет на ботинке Алексея слетевшую кошку и переворачивает Алексея вверх головой. Сам выбирается на край трещины и начинает тянуть Алексея. Алексей, преодолевая боль, упираясь здоровой ногой в крутой лед, вбивая клюв ледоруба для второй точки опоры, кое-как выкарабкивается наверх, ложится на живот и долго лежит без всяких движений. Жизнь спасена. Но до полного спасения еще долго. У Алексея шоковое состояние. Идти он не может, и Вася ставит палатку на морене среди камней. А чтобы их увидели, кладет на самый большой камень ярко-желтый рюкзак Алексея. Радиции нет. И когда их теперь увидят? Когда все спустятся вниз?

Они не знают, что наверху одна из участниц почувствовала себя плохо. И группа из четырех человек, включая врача Ольгу Афанасьеву, спускается вниз. Они-то и увидели желтую точку на огромной морене. Двойные дозы сильных препаратов вколола Ольга пострадавшему и по радиации сообщила о случившемся Полине Шлехт. Полина договаривается с каза-

хами, чтобы кто-то выехал навстречу, взяв запасную лошадь. Поздно вечером группа прибыла в лагерь. Алексея положили на нары в «домик космонавтов». Ольга поработала над ним. Видимо, трещина в кости плюс связки. Нога распухла. Алексей мужественно переносит боль. А Вася пришел последним из этой группы, пришел совсем никакой, качаясь, не в силах разговаривать. Сходил, спас жизнь товарища.

А тучи не отпускают Белуху. Все затянуто. Как там людям? Людям там тяжело. Но в условиях почти нулевой видимости они совершают восхождение. Белуха покорена. Только не Белуха. Она как стояла, так и стоять будет. Измотанные и гордые, восходители один за другим возвращаются в базовый лагерь. Все хорошо. Никто не погиб.

Последний солнечный день. Просушка вещей и отдых. Костер и песни вечером. Читаю у костра стихи. Никогда в жизни не было такой радости от чтения. Лица друзей, костер и вокруг темная южная ночь. «Смотри, как хорошо». Спасибо, Господи, за все это.

На обратном пути после первого дождливого дня, после многочасовой ходьбы по разбитой до грязи тропе в хлюпающих кроссовках, когда мы с Васей опять доплелись последние, Полина предложила нам утром пересечь на лошадях. Вася никогда в жизни не садился на лошадь, но тут не отказался. И вот мы верхом. Мелкий морозящий дождь. Одежда вскоре становится влажной, теряют чувствительность ноги в стремянах, заоченели руки. А лошадь пытается уйти в сторону на траву, жадно хватая на ходу верхушки растений, словно не наелась накануне. Тропа – сплошная жидкая грязь. Бесконечны увал за увалом. Трава, лес, ручьи. Через несколько часов показалось знакомое болото. За ним уже виден погранпост, небольшой домик. Лошади почти до колен увязают в грязи, с трудом вытаскивая ноги. Моя вытягивает голову, хрипит, старается не отстать от впереди идущей. Но вот почему-то она не может вытащить ноги и падает. Успеваю выдернуть ногу из стремени и спрыгнуть. Кричу передовому всаднику-казаху. Лошадь лежит. Проводник подходит, мы вместе дергаем ее, и

после нескольких попыток удается ее поднять. Снова забираюсь в седло.

А группа из шести наших, что шли сзади нас пешком, решают обойти болото по более сухой тропе и незаметно пересекают государственную границу. Переходят из Казахстана в Россию. Никакой демаркационной линии, никакого указателя. Поджидавшие российские пограничники тут же арестовывают их. А у наших рация, деньги и документы. Нас к ним не подпускают. Долго проверяют и наши пропуска. Наконец разрешают тем, кто не был задержан, двигаться дальше.

Последние три километра до перевалочной базы. Замерзшие, ждем машины. Тревожно за товарищей. Промурыжили их два дня. На вахтовых машинах доезжаем до погранзастав. Вначале казахстанская, затем российская. На обеих заставах длительная проверка. Вытаскиваем рюкзаки, чтобы собаки могли их обнюхать. Наркотиков не обнаружено.

Можно теперь домой. Хорошо-то как, Господи!

МИНИАТЮРЫ

ЙЕТИ

Когда растапливали для чая лед, увидели в кастрюльке длинный рыжий волос. Чей? Откуда? На этом гребне до нас никто никогда не бывал. Живности здесь никакой. Острые скалы да лед. Ни барсу, ни горному козлу делать здесь нечего. Йети? Снежный человек? А ему что тут делать?

Палатка наша стояла в небольшой «мульде» – своеобразной чаше из твердого фирна. Уже засыпая, Леха Спиридонов сказал, что в книге «Тигр снегов» о первовосходителе на Эверест приведена фотография следа ноги йети, что след большого размера, и что Тенцинг сказал американскому журналисту, что отец его видел живого йети.

– Зачем ты это говоришь? Думаешь, ты один читал «Тигр снегов»? – спросил я.

– Не знаю. Вспомнилось почему-то, – ответил Леха.

С этим «почему-то» мы и заснули. Спали крепко, наша четверка уже хорошо акклиматизировалась. Да и поработались за день. Однако ночью я проснулся от странных каких-то звуков. Словно кто-то шаркал вокруг палатки. Потом тишина и опять эти странные звуки. Я почувствовал, что никто из друзей не спит.

– Ну, заходи что ли, гад! – не выдержал Коля Дьяченко, схватив ледоруб, что лежал сразу перед входом в палатку.

Все напряглись. Но никто не прыгнул, не обрушился на палатку. Коля осторожно выглянул. Никого, ничего. И мы снова уснули.

Проснулись от нагретейшей на раннем солнце палатки. Выглянули. По боковым стенкам нашей мульды ветер гонял туда-сюда обертку от шоколадной конфеты. «Шур-шур», – издавала она звук, задевая за твердый фирн.

Хорошо, что стало светло.

В РАННЕЕ ВРЕМЯ КАРНИЗЫ НЕ ПАДАЮТ

Семь утра. Ясная солнечная погода. Под ногами ущелье. Расплавленным оловом блестит река, раздробившаяся на множество мелких рукавов. Прозрачная голубая дымка делает противоположные вершины воздушно-легкими. По крутому фирну поднимаемся к вершинному гребню. Нас трое. Идем одновременно. Идем легко. Руководитель восхождения – Виталий Грызлов. Чудаковатый, нескладный Грызлов. Он идет первым. До гребня метров двести. Прямо над нами с гребня свисают два ледовых карниза. А справа от нас до самого гребня идут скалы. Не то чтобы скалы, а груды камней, выступающие изо льда. Хотя они и просты, но все равно царапаться по ним дольше, чем ровно шагать по шершавому фирну. Тем более, что кошки на этих камнях снимать нельзя, так как между камнями лед. И кошки будут шкрябать зубьями по камням и проскальзывать с неприятным визгом. Такой неудобняк. Это мы уже знаем. И темп движения снизится. Но зато на скалах безопаснее.

– Продолжаем идти прямо, – на ходу бросает Виталий.

– Виталя, может, лучше по скалам? Смотри, карниз на гребне. Вдруг обрушится, – говорит Валентин Снесарев.

– Ты что! В раннее время карнизы не падают.

Мы со Снесаревым молча смотрим друг на друга. Руководитель есть руководитель. Надо подчиняться. На то мы и альпинисты. И наша тройка продолжает двигаться прямо вверх. Доходим до того места, где расстояние между нами и скалами справа начинает увеличиваться. Если выходить на скалы, то делать это надо сейчас, потом будет до них далеко. Виталий останавливается. Стоит, не поворачиваясь, несколько секунд. Затем, ничего не произнося, идет в сторону скал. Выходим на скалы. И вздрагиваем. Карниз с грохотом обрушивается на фирновый склон. Лед летит, и глыбы его подсакивают, как ядра, каждая величиной больше, чем с голову.

Мы со Снесаревым молча смотрим друг на друга и улыбаемся. Говорить сейчас что-либо нет никакого смысла.

Записку на вершине по праву руководителя писал Виталий. В ней он написал о времени восхождения, о составе группы, о пути подъема и пути намечаемого спуска, о погодных условиях. А в конце дописал, что этим восхождением Виталий Грызлов закрывает первый спортивный разряд.

КАЙФ

Мы кайфуем. Вершина наша там вверху. Мы на ней побывали. Повалюемся еще на солнышке, поспим, попьем чайку, и вниз. Добежим до лагеря часа за три. Раньше нас и не ждут. Палатка наша на морене. Вчера вечером расчистили мы более-менее ровную площадку для нее. Я лежу в палатке и смотрю наверх, на перемычку в гребне. Просто так смотрю. Слышу смех Юли, сменяющийся визгом. Это Леня, белокурый красавец, развлекает ее. Юлю развлекать легко. Живая такая, все время веселая. Они не в палатке, а чуть подальше, на спальных мешках. Загорают. Леня в плавках, Юля в купальнике. Молодые, счастливые. А по другую сторону палатки Саша, лежит на спальном мешке с книжкой. Возраст такой же, как и у той парочки, но он такой вдумчивый, такой серьезный. У него не совсем гладкая кожа на лице, и иногда кажется, что он как будто стесняется. Но карие глаза такого теплого света, что невольно притягивают взгляд. Наверное, у него будет прекрасная жена. Я люблю этих ребят, но не показываю вида. Саша читает книжку с романтическим названием «Неприкосновенная Канченджанга». О гималайском восьмитысячнике. Мечтает о своей Канченджанге. Хоть бы ничто не помешало его счастью. В мире так тихо, так солнечно. Горы молчат. Как и мы, греемся на солнце. Теплое светлое безмолвие. Благодать божья. Юля опять визжит.

Над линией белой перемычки в гребне, куда я смотрю, появляется какая-то узкая, белая полоска, почти сливающаяся с перемычкой. Вроде, ее не было. Полоска увеличивается. Быстро увеличивается! Белый вал! Несется в нашу сторону!

– Лавина! – кричу и выскакиваю из палатки.

Прыжками, босиком отскакиваем в сторону вверх на крупные булыганы морены. Морозная снежная пыль резкой волной бьет по обнаженному телу. Но основная масса пролетает мимо. Палатку повалило и присыпало. Спальник Саши застрял в камнях метрах в десяти от прежнего места. «Неприкосновенная Канченджанга» исчезла.

Кайфу конец. Отдых не в отдых. Быстренько собрав рюкзаки, топаем вниз рядом с толстым белым следом лавины. И долго ощущаем холодное прикосновение смерти.

Хоть бы Саше повезло в жизни.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Шел первый год моей аспирантуры. Мы с женой снимали комнатку девять квадратных метров в частном доме на окраине Свердловска. Был день моего рождения, жена собрала на стол и сказала, чтобы я надел белую рубашку. Только я надел, как дочь хозяйки дома, такая веселушка, без стука ворвалась к нам, держа в руке письмо. «Пляши!» – крикнула она. Я успел-таки выхватить, не стал плясать. Писала жена моего друга-альпиниста Юры Шестакова. Писала о том, что Юра разбился на Памире. Разбился как пассажир самолета. Самолет летел в непогоду и врезался в гору. Это было 6 февраля 1970 года. Юра спешил из командировки домой. Только через шесть дней альпинисты нашли место авиакатастрофы. Опознали Юру. Лицо его было чистое. И на нем застыло выражение удивления.

Я вздрогнул. Встал, стащил с себя белую рубашку и стал надевать черную. «Ты что? Что случилось?» – вскрикнула жена. Молча протянул ей письмо. Открыл бутылку.

Прошел год со дня гибели Юры. 6 февраля 1971 года мы поднимались на пик Комсомола в Заилийском Ала-Тау. Юра не раз говорил мне об этой вершине. Он хотел побывать на ней.

Было холодно, в лицо бил сухой снег. Когда мы поднялись на вершину, то задержались только для того, чтобы написать записку. Написав, руководитель восхождения стал сворачивать ее, собираясь положить в тур из камней.

- Подожди. Не сворачивай. Я допишу немного, – сказал я.
- Так я все написал.
- Я прошу тебя.

Руководитель дал мне записку и небольшой карандаш. Пальцы мерзли. Я дописал, что свое восхождение посвящаю памяти Юрия Шестакова. На записку падали снежинки. Падали и не таяли.

ЗРЕЛИЩЕ

Грохот был такой, словно в ущелье взорвалась бомба невероятной силы. Огромные глыбы льда падали по вертикальной стене соседней вершины. Два километра до ледника. От трения лед светился жутким электрическим светом. Мы сидели в спальнях мешках на ледовой ступени на крутом склоне, уходившем под семь тысяч вверх. Это была «холодная ночевка». Долго, уже под звездами, вырубали ледорубами эту ступень, чтобы сесть. Вкрутили в лед крючья для страховки. Было холодно. Сна как такового не было. Рваное забытье какое-то. Открываешь глаза и видишь вершины, что стали ниже нас. И звезды как будто ниже. И тут этот грохот. Но вот он стих. Глыбы улеглись где-то внизу. А мы кое-как дотянули, дожили до утра. Взглянули утром. О, боже! Глыбы величинной с комнату лежали на том месте, где стояла наша палатка перед выходом на штурм.

Почему же рухнул этот всячий ледник? Висел же спокойно столетия. Неужели слабые удары наших ледорубов пробудили мертвую стихию? Или ангелы наши вовремя увели нас с ледника?

ГДЕ-ТО ТАМ НАВЕРХУ

Дождь лупит по палатке. А где-то там наверху, на вершинном гребне, на высоте шести километров, в сплошных облаках творится невообразимое, беснуется пурга. Там люди. По радиции сообщили, что видимости никакой, глубокий снег

и что состояние участников удовлетворительное. Удовлетворительное! Знаем мы, что такое «удовлетворительное». Это когда люди так устали, что заставляют себя передвигаться. В таком состоянии да при отсутствии видимости продолжать движение опасно, можно сбиться с маршрута и улететь. Гребень – как пила: подъемы, спуски, карнизы. А слева и справа крутые скальные сбросы, лавиноопасные склоны, висячие ледники. Вдобавок у одного из восходителей заболело горло. Но и сидеть на одном месте опасно, организм может ослабнуть без движения. Проходят томительные часы ожидания следующей связи. Надо принимать решение. От меня зависит, идти им дальше к вершине или начинать спуск по пути подъема. На весах вершина, о которой мечтали год, к которой готовились, тренировались, и жизнь людей.

До очередной радиосвязи остается тридцать минут. Вылезаю из палатки, хожу под дождем и думаю. Ребята молодые, упорные. Но один заболел. От горла до пневмонии рукой подать. Что означает пневмония на высоте, мы проходили. Спускать больного вниз – нет тяжелей работы. А горы как стояли, так и стоять будут. Восхождением жизнь не заканчивается.

Наступает время связи. Передаю указание о спуске.

Не хотел бы я еще раз принимать подобное решение.

КОНЕЦ ВОСХОЖДЕНИЯ

В палатку набилось семь человек. Из них пятеро полчасика назад спустились с семи километров. В пуховках тесно, затем привыкаем. Лица восходителей страшные, обожженные солнцем. Губы в болячках, на щеках отделяются лоскутки кожи. Все обросли бородами. Идет разбор восхождения. Как шли, как страховались, как рассчитывали силы и время, как учитывали самочувствие и погоду, как вел себя каждый участник. И все мысленно переносятся на страшный гребень, снова работают в глубоком снегу. В глазах застыло выражение предельной опасности.

Но вот появляется чай. Глаза оттаивают. Лица размягчаются. И только сейчас закончилось восхождение.

ОНИ ТАК ХОДЯТ

Спускались медленно, тщательно страхуясь. У Сани Чумакова были ободраны все ладони. Видимо, нежная кожа. И когда он работал на подъеме без рукавиц, на веревке оставались алые пятна. Сейчас он в рукавицах.

Вижу человека. Одного. Он поднимается навстречу нам. Кто такой? Почему один? Приближается. Без всякой веревки, без страховки. Спрашиваем, кто. Поляк.

– Почему один?

– Там! – Поляк указывает рукой вниз.

– Где руководитель восхождения? – Поляк снова указывает рукой вниз. Ну и ну!

А когда мы шли наверх, Коля Тетерин уронил рюкзак. Рюкзак падал красиво. Попрыгал по выступам стены и, превратившись в точку, выкатился далеко на ледник. А в рюкзаке и спальный мешок, и теплые запасные вещи Коли, и продукты, и вторая, запасная веревка. Коля, Коля...Мы поднимались и страховались аккуратно. Тут-то Саня и пренебрег рукавицами. Ночевали, не дойдя до вершины. Естественно, без особого комфорта.

К нам поднимается второй человек.

– Вы руководитель?

– Там! – Поляк указывает рукой вниз.

На вершине Джанги-Тау стояли Коля Тетерин, Валя Слюсарчук и я. А Саня Чумаков фотографировал. Так и на снимке в газете: гордые и счастливые. И Кавказ под нами.

А вот и третий поляк.

– Вы руководитель восхождения?

– Я, я.

– Почему без страховки?

– Мы так ходим. Просим вас, когда спуститесь, перенести наш контрольный срок на день позже. Пожалуйста.

– А когда он у вас кончается?

– Не помню.

Ну и ну!

Спуск наш затянулся, так как мы решили найти рюкзак, а это означало сделать крюк, зайти на другой ледник. Рюкзак нашли. Все в нем было цело. Только мелкая вермишель проникла в спальный мешок и во все поры Колиной запасной одежды. Собрать ее мы не смогли.

В лагерь пришли в темноте. Стояли уставшие на линейке, передали начспасу просьбу поляков.

На следующий день была спасаловка.

ОДИН НА ОДИН

Веревка уходит вверх за перегиб скалы. До перегиба метров двадцать. Я поднимаюсь последним. Товарищи где-то там. Вижу только вертикальный участок стены до перегиба. Веревка не выбирается. «Выбирай!» – кричу вверх. Напарник не слышит. Дергаю веревку. Не поддается. Дергаю сильнее. Бесполезно. Видимо, заклинилась. Попала в какую-то щель и заклинилась. А как там товарищ по связке? Наверно, он не может освободить веревку. Закрепил ли он ее конец или только перегнул через карабин? Какой карабин? Крюк же для карабина не забить. Трещин нет, одни углубления типа змеиных нор. Странный слой скалы, известняк какой-то. Ждать? Жду минут пять. Все то же. Кричать? Кричу. Все то же. А стоять трудно. Ноги опираются на выступ только носками ботинок, начинают затекать. Дурацкая ситуация. Надо лезть, но веревка будет провисать. И альтернативы никакой. Лезу. Образуется петля. Движения делаю крайне аккуратно. Я один на один со скалой. Ошибаться нельзя. Но петля все больше и больше. Если полечу – рывок будет страшный. Но я не полечу. Я не имею права. На петлю не смотрю. Главное – успокоиться. В этом ключ. Все будет нормально. Скала ведь не чужая мне. Она теплая, она хорошая. Так поставить ногу. Так взяться рукой. Именно так. Теперь выжаться на ноге и другой рукой вон

за ту «змеиную нору». Всунуть в нее лодочкой кисть и сжать в кулак. Сжимаю. Боль в костяшках пальцев, но можно вытерпеть. Рюкзак тянет, зараза. Второй ногой опереться на этот вот бугорок. Только так опереться. Что дальше? Перегиб, слава Богу, близко. Еще несколько выверенных движений, и я выглядываю за перегиб. Никого не видеть, веревка уходит за большой выступ вправо, но выступ близко, да и лезть к нему проще. Долезаю до выступа. Да, веревка заклинилась здесь, попала в щель. Наконец вижу товарища. Он стоит, прижавшись к камню, похожему на зуб. Огибая зуб, веревка заканчивается у него на груди. Свободного куска, длиной хотя бы метр, нет. А значит, другого способа страховки нет. И другого места нет. И отцепиться нельзя. Товарищ видел заклинку, но он не мог подойти к ней. И он терпеливо ждал меня. Он знал, что вылезу. Верил в меня.

НЕМЦЫ

Солнце заливало горы всепобеждающим ослепительным светом. Наш отряд отдыхал на одном из перевалов Главного Кавказского хребта. Гудели примусы, растапливая для чая снег. Возбужденные победой над перевалом, начинающие альпинисты фотографировались и дурачились.

Метрах в тридцати выше седловины торчали рыжие скалы, и я пошел до них прогуляться, пока не позовут на чай. Присел на ближайший выступ и любовался открывшейся панорамой. Сверкали пики вершин, далеко внизу блестели слюдяные ленточки рек, в полупрозрачной дымке проглядывались темно-зеленые долины. Наглядевшись, я перевел взгляд на скалы и у одного из камней увидел какую-то белую палку. Подошел, поднял. Да это же кость! Человеческая кость! Лучевая кость руки. Легкая, высохшая. Откуда? Чья? Здесь были бои? Тщетно пытался я найти что-либо еще, ковыряя лед ледорубом. Его толстый слой все похоронил под собой.

Меня позвали на чай. Я положил кость на камень и спустился к отряду. Молодежь продолжала радоваться. Кое-кто

разделся до пояса. Я рассказал ребятам о находке. Смех сразу стих.

Когда же мы спустились вниз и пришли в альплагерь, узнали, что сюда прибыла делегация немцев, человек десять. Седые старики, бывшие альпинисты. Решили посетить места былой славы. Бойцы горнострелковой дивизии «Эдельвейс». Любимой дивизии Гитлера. Сорок лет назад водрузили они над Эльбрусом, над высшей точкой Европы, немецкий флаг. А теперь они как бы гости. Благородные, сытые, довольные.

Начальник альплагеря обратился к нашим инструкторам помочь обустроить комнаты для гостей: принести кровати, матрасы. Никто из наших не шевельнулся.

До «Приюта одиннадцати», что под седлом двуглавого Эльбруса, немцев сопровождал один из старых советских альпинистов, знающий немецкий. На «Приюте одиннадцати» стоял дюралевый вагончик, и в нем был небольшой музей. Разглядывая фотографии, один из немцев сказал другому, показывая на снимок: «Вот у этого камня я лежал с пулеметом».

КОЛЮЧКА

«Колючка» – так переводится слово «Патхор» с памирского языка на наш. Памирский язык – это не киргизский и не таджикский. Это местный язык в одном из районов Памира. Пик Патхор – красивый острый пик высотой шесть километров. Высшая точка Рушанского хребта.

В 1967 году с его вершины мы сняли записку 1946 года. Записку первой послевоенной экспедиции. Записку, в которой расписывался Евгений Абалаков. У меня хранится ее фотокопия.

Позже я приобрел книгу Евгения Абалакова «На высочайших вершинах Советского Союза», выпущенную в 1989 году. Выпуска этой книги с трудом добилась его вдова. В ней автор описывает и восхождение в 1933 году на пик Сталина (теперь пик Коммунизма), самую высокую вершину в СССР, и восхождение на пик Патхор.

А недавно я прочел книгу «Триумф и трагедия великого альпиниста», выпущенную в 2007 году. Книгу написал сын Евгения Абалакова – Алексей Абалаков. В книге есть цветная иллюстрация, на которой показана картина Евгения Абалакова «Пик Патхор», написанная на холсте маслом.

В 1948 году Евгений Абалаков начал подготовку экспедиции на пик Победы, но в марте он погиб. Автор книги приводит факты, свидетельствующие о том, что Евгений Абалаков не задохнулся от угарного газа из неисправной газовой колонки в московской квартире, как официально сообщалось, а был умерщвлен вместе со своим другом, мастером спорта по альпинизму Юрием Арцишевским.

Сколько уже известно об уничтожении лучших наших людей! Но гибель великого альпиниста, как колючка, вонзилась в меня.

ГОРЕ-АЛЬПИНИСТЫ

Двое не вернулись с восхождения. Вернулись только двое из четырех участников. Уже в темноте, в восемь вечера. Два парня из другого города. Подошли ко мне.

– А где ваши? – спросил руководитель группы.

– Почему ты меня спрашиваешь? Я должен спросить тебя – где вторая двойка?

«Наши» – это Миша Денисов и Иринка Бусова, студенты, второразрядники. Уходили на восхождение все вчетвером. На вершину легкую, на «двойку», с которой обычно не позднее четырех дня возвращаются. Бывает, что и позднее, но это при плохой погоде. Погода же была чудная. А связи не было. На такие простые восхождения рация не положена.

– Мы разминулись, – сказал руководитель.

– Как? Где?

– У основания вершины, выше ледника.

Расспрашивать этого горе-руководителя не было больше никакого смысла, надо было бежать вверх. Группа спасателей давно готова, все необходимое в рюкзаках. Аптечка, носилки,

все-все. Вышли с фонариками. Как найти людей ночью в горах? Надо будет кричать. Услышат ли? И сигналить фонариками. Увидят ли? Каждый думал об одном и том же и готовился к самому страшному варианту. Шли в большом темпе. Дошли до ледника, затем до основания скал.

– Встали! – скомандовал начальник спасотряда. – Будем кричать...

Но мы не успели прокричать, как две фигуры вышли к нам из темноты. Понурые и молчаливые. Миша с Иринкой.

Разбор восхождения состоялся на другой день. Выяснилось, что Мише и Иринке эта «двойка» была как бы не нужна. Все «двоешные клетки», необходимые для оформления первого спортивного разряда, у них уже были забиты. А у иногородних – нет. Но иногородних вдвоем на восхождение не выпускали. И они договорились, что на вершину поднимутся только иногородние, но в записке, что останется на вершине, напишут все четыре фамилии. А Миша с Иринкой подождут их у большого камня. Больших камней оказалось много, и иногородние на спуске прошли мимо, а наши сидели и ждали их. Долго ждали.

Мишу и Иринку дисквалифицировали. Иногородним не засчитали восхождение. Извлекли ли они какие-то уроки?

ХУДОЖНИК

Потерялся художник. Свободный художник из Ленинграда. Ушел рисовать куда-то вверх по ущелью и не вернулся к ужину. В темноте с факелами долго бродили по ущелью, царапались по кустам, карабкались по здоровым каменюкам, кричали. Человек двадцать. Кто-то сильно расшиб ногу. И все зря. Где же он, творец искусства? Мы не нашли его, и далеко за полночь отряд вернулся в альплагерь. С тем, чтобы утром снова выйти на поиски.

Утром художник пришел сам. Борода и грива волос. Служитель богемы. И руки, и ноги целы.

– Где ж Вы были?

- Рисовал. Сидел на выступе. Высоко было.
- Почему не спустились?
- Темнота застала, побоялся спускаться в темноте.
- Так и сидели всю ночь?
- Так и сидел.
- Видели наши огни в ущелье?
- Да, видел внизу огоньки. Красиво.
- Так это же Вас искали!
- Я не знал.
- А слышали, что кричали?
- Да, слышал.
- Почему не ответили?
- А что, надо было отвечать?

Художнику предложили уехать. Так мы и не увидели, что же он нарисовал. Наверное, что-то красивое.

ЮРА БРУСОВ

Шли в тумане, пронизанном солнцем. Юра Брусов разделся до плавок. Телу легко было. Но оно почему-то покрылось волдырями. Юрка жутко обгорел. И потом мучился, бедняга. Через два снежных перевала дошли мы до ущелья Шавло. Самое красивое место на Алтае. Голубое озеро, а над ним две белые вершины: Сказка и Красавица. Отражаются в озере. На берегу небольшой лес, трава, цветы. Не на снег, не на камни, а на эту зеленую травку поставили мы палатки. Проснулись утром – перед палаткой белки и бурундуки бегают. Отдохнули денек в этой красоте и потопали по ущелью вниз. А топтать долго, ох, долго. К тому же, продукты кончились. На наше счастье кто-то увидел в кустах в стороне от тропы ящик. Разбили его. А в ящике оказались консервы. Шпроты. Видимо, лошадь в каком-то караване взбрыкнула да и сбросила. А может, погонщик и сам сбросил. Так или иначе, наелись мы шпрот без хлеба. Юрка рекорд поставил. Девять банок слопал. Такой уж он был. Горячекровный. Альбинос. Засыпая в палатке, стали вспоминать смешное.

Я вспомнил, как с Вадиком Пеннером вернулись один раз с катка. С девушками там новыми познакомились. Пока проводили их, пришли в общежитие поздно. А есть охота! Даже хлеба ни у кого нет. Нашли чудом сохранившийся, уже позеленевший, но зато большой кусок колбасы. Срезали потолще кожуру, сидим, едим. С нами Володя Гореликов, Витя Волошенко.

Заходит Каликан Татамбаев, видит такую картину.

– Вы что, смеетесь? – произносит он, берет кожуру, срезает с нее более-менее съедобный слой, оставляя одну зелень, и ест.

Заходит Юра Брусов, видит такую картину, моргает белыми ресницами и быстро соображает.

– Вы что, смеетесь? – произносит он, сгребает в ладонь остатки кожуры и отправляет в рот.

После длинного перехода и сладких шпротинок спали крепко. Без сновидений. Среди ночи просыпаюсь от крепких объятий.

– Ты что, мать твою...?

– А? Что? Мне показалось, что женщина рядом...

Щетина у Юрки росла рыжая, а волосы на ногах были белые.

ПЕРВЫЙ СРЫВ

Банка со шпротами катилась вниз по крутому фирновому склону, освещенному утренним солнцем. Вылетела банка из бокового кармана рюкзака. Выше ее катился рюкзак. Расстояние между банкой и рюкзаком увеличивалось. Выше рюкзака кувырчался человек. Расстояние между ними оставалось постоянным. Человек пытался остановиться, втыкая иногда ледоруб в твердый фирн. Ледоруб вырывало, и кувырки продолжались. Внизу была ровная снежная перемычка, на которой стояли трое и смотрели на катившиеся предметы. Банку поймали. Рюкзак и человек остановились сами, чуть-чуть не докатившись до стоявших. Трое смеялись. Если бы все срывы кончались так. Прикатившийся человек встал, но он не сме-

ялся. Человеком тем был я. А вершина называлась Барс. Не самая высокая. Но красивая, как барс. И год был 1960-й.

За тридцать последующих я больше не срывался.

КСЕНИЯ

Красивая длинноногая девушка, никак не может пройти гладкую наклонную плиту, метров пятнадцать, хотя плиту сверху вниз пересекает неплохая трещина, в которую можно засунуть пальцы. Сыплется крупа, плита мокрая, пальцы мерзнут. А две передние связки уже прошли плиту и подходят к вершине. Восхождение учебное. Я – инструктор, командир отделения молодых альпинистов. Подсказываю девушке, как цепляться, как ставить ноги. Она вновь и вновь пытается пролезть. Все безуспешно. Говорю ей, что не надо напрасно мучиться, что давай подождем возвращения наших. И она соглашается. Дождавшись товарищей, мы вместе спускаемся в лагерь.

Пришел конец смены. Заполняя «Книжки альпинистов» и дойдя до Ксениной книжки, я думал некоторое время о том, записать ей или нет это восхождение. Но она же не смогла подняться, подумал я и не записал. Альпинизм дело серьезное.

После торжественного вручения книжек Ксения перестала со мной здороваться.

Я был прав. Но почему-то иногда кажется, что я был не прав.

ЛЕПОТА

Ухожу за зеленые увалы, что рядом с базовым лагерем. Высокогорное памирское плато. Встречаю крошечные озерки – блюдца с теплой водой. Можно помыться. Можно постирать. Можно просто походить босиком по мягким водорослям. Юркие головастики снуют у ног. Пошлепал по блюдцам. Сажу на травке. Между пальцами ног застряли водоросли и ил. Рядом маленькие желтенькие цветочки. Выглянувшее солнце хорошо пригревает. Головастики продолжают свою игру. Милый

малый мир. Как хорошо. Лепота. Неужели, чтобы ценить все это, надо обязательно побывать где-то высоко вверху?

Резко засвистел сурок. Я вижу его. Вон он на морене. Стоит на задних лапах. Здоровый, желто-коричневый. Увидел меня и предупреждает своих об опасности. Иду к нему с фотоаппаратом. Но он исчезает в норе, знакомиться не желает. У него своя жизнь и свои о ней представления. Его жизнь и его мысли – другая планета. А моя планета чужда ему. Но у нас есть общее – наша природа. И мы оба ее любим. Я же видел, как он любовался ею. Так же, как и я. Может быть, только на вершины он не глядел. Похоже, они ему не нужны. Но и я не вижу чего-то того, что видит он. Почему бы нам не найти консенсус? Так, кажется, Горбачев говорил? Но консенсуса не получится. Слишком разные наши планеты.

ПРОШЕНИЕ

Когда тропа оказалась между скалой и отвесным обрывом к горной реке, лошадь стала сбрасывать с себя седока. Каким-то чудом он удержался. А когда тропа вышла на ровное место, потрясенный, он вспомнил, как несколько дней назад, когда лошадь не могла подняться по крутому каменистому участку и остановилась в изнеможении, он не стал дожидаться, когда она отдохнет, и больно ткнул ее ледорубом. Лошадь вздрогнула и каким-то предельным усилием преодолела трудный участок, едва не поломав себе ноги.

Путешественники встали на бивуак. Человек достал свою личную плитку шоколада и поднес к морде лошади. Она смотрела на него большими выразительными глазами и не брала шоколад, хотя ее давно не кормили.

Человек стоял и не уходил. Наконец лошадь взяла шоколад из его рук. Человек обнял ее за шею и прижался к ней щекой. «Прости меня», – сказал он.

После этого он никому никогда не делал больно.

ОБ АВТОРЕ

Евгений Кузнецов в 1963 г. закончил с отличием механический факультет Томского инженерно-строительного института.

Начало занятий альпинизмом – 1959 год (альплагерь «Ак-Тру» на Алтае). Занимался альпинизмом более тридцати лет. Ветеран альпинизма СССР.

Участник первой томской экспедиции в 1963 г. на Белуху – самую высокую вершину Алтая и Сибири. Команда томских альпинистов, которую возглавлял Генрих Андреев и в которую входил Евгений Кузнецов, впервые совершила траверс всех четырех вершин Катунской подковы (пик XX лет Октября – Западная Вершина Белухи – Восточная вершина Белухи – пик Делоне). В 1967 г. команда, в которую он входил, завоевывает бронзовые медали на первенстве СССР за восхождение на пик Патхор (Юго-Западный Памир), а в 1969 году – золотые медали за восхождение на пик 26-ти Бакинских комиссаров (Центральный Памир) и получает звания мастеров спорта СССР. В 1987 г. Евгений Кузнецов был старшим тренером второй сборной команды Свердловской области в экспедиции на пик Ленина. В 2014 г. в возрасте семидесяти трех лет участвовал в юбилейной экспедиции на Белуху (100 лет со дня первовосхождения).

Евгений Кузнецов – автор трех книг прозы и восьми сборников стихов.

Кандидат технических наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности.

Живет в Екатеринбурге.

СОДЕРЖАНИЕ

Моя Белуха. <i>Повесть</i>	4
<i>Рассказы:</i>	
Почему нет парней?	69
Контрольный срок	85
Фотография	106
Записка	112
Спасение	120
Камушек с самой высокой горы	124
Селенье Патхор	130
Карниз	139
По гипотенузе	150
Хорошо-то как, Господи!	154
<i>Миниатюры:</i>	
Йети	164
В раннее время карнизы не падают	165
Кайф	166
День рождения	167
Зрелище	168
Где-то там наверху	168
Конец восхождения	169
Они так ходят	170
Один на один	171
Немцы	172
Колючка	173
Горе-альпинисты	174
Художник	175
Юра Брусов	176
Первый срыв	177
Ксения	178
Лепота	178
Прощение	179
Об авторе	180

Литературно-художественное издание

Евгений Кузнецов

МОЯ БЕЛУХА

Верстка и дизайн С.В. Шангиной

Фото на передней обложке – Белуха с севера;
на задней обложке – Восточная вершина Белухи с юга.

Авторы фотографий:

В. Хижняк, Г. Андреев, В. Меньшиков, Н. Бархатов, С. Лобанов, Е. Кузнецов

Издательство «АсПУр»
620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12

Сдано в набор 30.01.2017 г.
Подписано в печать 05.02.2017 г. Формат 60 x 84 1/32
Бумага ВХИ-80. Печать офсетная.
Гарнитура Georgia.
Тираж 200 экз. Заказ _____.

Отпечатано в ОАО «Режевская типография»
623750, г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22
Тел.: (34364) 2-15-32, 2-25-03